

УДК 801.55
ББК 81.2Р-2
К 18

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Е. И. Диброва,
доктор филологических наук, профессор А. Ф. Прияткина

Издание осуществлено за счет средств
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Камынина А. А.

Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие для
К 18 студентов филологических факультетов государственных универ-
ситетов. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 240 с.

ISBN 5-211-04133-X

В пособии освещаются теоретические и практические вопросы морфологии современного русского языка. Материал излагается в объеме, предусмотренном обязательной программой для студентов филологических факультетов университетов. Привлекаются новые исследования о категориях рода, числа, падежа, вида, времени и др. Пособие написано на основе лекционного курса, прочитанного автором в Московском государственном университете.

Для студентов-филологов, аспирантов, преподавателей-русистов и учителей школ с гуманитарной ориентацией.

УДК 801.55
ББК 81.2Р-2

Учебное издание

Камынина Александра Алексеевна
Современный русский язык. Морфология

Корректор *Г. В. Боглевская*
Компьютерная верстка *И. Б. Качинская*

Изд. лиц. № 040414 от 18.04.97.
Подписано в печать 11.06.99. Формат 60 х 90 1/16.
Бумага офс. № 1. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 17,39.
Тираж 1000 экз.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.
103009, Москва, Б. Никитская ул., 5/7.

Заказ 4163—99.

Отпечатано с оригинал-макета в 12 ЦТ МО.
121019, Москва, Староваганьковский пер., д. 17.

© Камынина А. А., 1999
© Филологический факультет МГУ
им. М. В. Ломоносова, 1999

ISBN 5-211-04133-X

§ 1. Морфология как раздел грамматики

Русский язык, как и другие языки мира, определенным образом упорядочен: образование слов и их функционирование подчиняется объективным законам, без чего язык не мог бы выполнять основную свою функцию, функцию общения между людьми. Эту упорядоченность называют грамматическим строем языка. Описание грамматического строя языка является содержанием и целью грамматики. Словом *грамматика* называют и раздел языкознания, изучающий особенности грамматического строя языка, и книги, в которых они описываются.

Морфология (от греч. *морфѣ* 'форма' и *λόγος* 'учение' буквально 'учение о форме') — это раздел грамматики, в котором изучается слово в аспекте его грамматических свойств.

Морфология изучает правила изменения слов, знание которых необходимо для построения предложения.

Одна из основных особенностей грамматического строя русского языка — обязательное изменение формы большинства так называемых знаменательных (самостоятельных) слов при формировании словосочетаний и предложений. При построении единиц синтаксиса формы слов должны быть приспособлены друг к другу: *Охотник убил медведя*, а не **Охотник убить медведь*, *Я рисую*, но не **Я рисуешь*, *читать газету*, а не **читать газетой*, *полевой цветок*, а не **полевая цветок* и т. п.

Морфология рассматривает слово во всей совокупности его форм, при этом изучается не только сам механизм (модели) словоизменения, но и характер его участия в организации коммуникативных единиц. Например, в морфологии, с одной стороны, определяется, как существительные изменяются по падежам, а с другой — устанавливается, какие значения в русском языке можно выразить посредством того или иного падежа. Другими словами, морфология изучает и формы слов, и их семантику, которую принято называть грамматической.

В морфологии определяются и описываются также части речи, поскольку приемы словоизменения в русском языке в целом дифференцированы в зависимости от частеречной принадлежности слова. Глаголы изменяются по лицам (*читаю, читаешь, читает*), временам (*читал, читаю, буду читать*), наклонениям (*читаю, читай, читал бы*), числам (*читаю, читал, читаем, читали*), родам (*читал, читала, читало*); существительные изменяются по падежам (*страна, страны, стране, страну, стра-*

ной) и числам (*страна, страны*); прилагательные изменяются по родам (*родной, родная, родное*), числам (*родной, родные*) и падежам (*родной, родного, родному, родным, родном*); числительные изменяются только по падежам (*пять, пяти, пятью*), а наречия являются неизменяемыми словами (*слева, наизнанку*). Можно сказать, что принадлежность слова к той или иной части речи является его грамматическим свойством.

Так как в русском языке, кроме изменяемых, есть неизменяемые слова (наречия, предлоги, союзы, частицы, междометия) и, следовательно, признака изменяемости недостаточно для частеречной характеристики лексемы, морфология определяет критерии распределения слов по частям речи.

Итак, грамматические свойства слова — это 1) его частеречная принадлежность, 2) способность определенным образом изменяться (иметь совокупность словоформ) или быть неизменяемым и 3) его грамматические значения.

В результате морфологию можно определить так: это раздел грамматики, в котором описываются части речи, их грамматические (морфологические) формы и грамматические значения. Такую морфологию В. В. Виноградов назвал грамматическим учением о слове.

Примечание. Изложенное понимание морфологии является традиционным и ориентированным на грамматический строй именно русского языка, в котором словоизменение активно используется для выражения различных отношений между словами и является одним из основных средств языкового оформления слова. Существуют и другие определения морфологии, в частности такое, при котором она понимается расширительно, как раздел грамматики, изучающий слово со стороны его внутренней структуры вообще. При этом формообразование в частях речи и соответствующие грамматические значения оказываются лишь частным ее аспектом¹.

Морфология имеет дело с сущностями разной степени абстрактности, поскольку в ней характеризуются и части речи в целом, и конкретные единицы, относящиеся к частям речи. Так, можно говорить об именительном падеже вообще существительных и именительном падеже слова *страна, земля, озеро, пруд* и т. д. или виде глагола как такового и виде слов *писать, читать, сделать, пойти* и т. п. Поэтому в морфологии используются параллельные термины: лексема (слово в словаре) и слово (слово в тексте), форма слова и словоформа (форма слова в тексте), впрочем, параллельные термины нередко употребляются как синонимы.

---

¹ В. А. Плотникова. Морфология // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979; см. также: Морфология // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

§ 2. Связь морфологии с лексикой, словообразованием и синтаксисом

Морфология, будучи одним из разделов грамматики, тесно соприкасается с лексикологией, словообразованием и синтаксисом.

В настоящем параграфе речь пойдет прежде всего о связи морфологических свойств слова с теми свойствами, которые изучаются в других лингвистических дисциплинах.

Отношение к лексике предопределено тем, что, с одной стороны, грамматические значения и грамматические категории, выделенные в качестве особых языковых сущностей, проявляются только в конкретных словоформах, к примеру, грамматический мужской род может быть представлен как род определенных существительных (*берег, карандаш, конь*), прилагательных (*красный, добрый, медный*), глаголов (*читал, говорил, краснел*). С другой стороны, морфологические формы являются языковым средством интерпретации лексической семантики, которая вне этой интерпретации реально не существует. *Черный, чернеть, чернота* называют один и тот же реальный признак, обозначенный корневой морфемой *-черн-*. Но сама эта морфема не является словом. Словом она становится, только будучи оформленной как прилагательное, глагол или существительное.

Связь между морфологией и лексикой взаимная. Лексическое значение слова может влиять как на формообразование лексемы, так и на реализацию определенных грамматических значений морфологических форм. Например, вещественные существительные (*молоко, сливки*) в русском языке обычно не изменяются по числам, предложный падеж отвлеченных существительных не может иметь значение места, глаголы, называющие не охарактеризованные во времени отношения (*принадлежать*), являются одновидовыми.

Особенно тесно морфология соприкасается со словообразованием. И дело не только в том, что не всегда можно четко разграничить морфологические и словообразовательные значения. Словообразование, включающее в себя морфемiku, морфонологию и способы образования слов, также изучает особенности слов, мотивированные характером морфем. Морфемная структура большинства производных слов, образованных с участием суффикса, предопределяет для лексемы модель словоизменения. Так, производные глаголы на *-ить* (*бомбить, паркетить*) относятся ко второму спряжению, существительные на *-ость* (*нежность, погрешность*) изменяются по третьему склонению, а прилагательные, образованные суффиксами *-ин, -ов* (*мамин, отцов*), имеют смешанную парадигму и т. д. Морфемно-словообразовательная структура слов неразрывно связана с образцами спряжения и склонения.

Связь морфологии с синтаксисом очевидна. Морфологию нередко (и в какой-то мере справедливо) называют служанкой синтаксиса, так как формы, изучаемые в морфологии, предназначены для построения правильных высказываний, и только в структуре предложений они реализуют заложенные в них языковые свойства.

Зависимость морфологии от синтаксиса проявляется и при выделении частей речи, особенно когда речь идет о неизменяемых лексемах. Синтаксический признак в частеречной классификации оказывается наиболее универсальным.

Синтаксис нередко оказывается опорой при решении морфологических проблем, особенно там, где выражение грамматического значения дублируется в синтаксических связях. Так, на основе согласования грамматический род и грамматическое число можно приписать неизменяемому существительному, точно так же через синтаксис подобные слова наделяются падежными значениями.

В то же время структурные особенности русского предложения зависят от морфологических характеристик слова. Одно из типологических свойств нашего предложения, относительно свободный порядок слов, объясняется прежде всего словоизменением, формальным приспособлением словоформ друг к другу.

§ 3. Основные понятия морфологии

Основные понятия морфологии следующие: понятие формы слова (словоформы), грамматического значения, грамматической категории, морфологической парадигмы и части речи. С опорой на эти понятия описывается морфологический строй русского языка.

§ 4. Понятие (морфологической) формы слова

Каждое слово представляет единство лексического и грамматического (А. И. Смирницкий), каждое слово так или иначе определено в соответствии с грамматическим строем языка. В этом смысле каждое слово имеет языковую (грамматическую) форму. Нет формы — нет и слова. См. детскую считалку, в которой из-за отсутствия грамматической оформленности невозможно выделить слова: *атам — батам / — чум — ба — чум / — чум — чурюм — чим / — атам — бум / — абитери / — тери — ярам — чар*. Но морфологическую форму имеют не все слова, а только те, которые изменяются.

Морфологическая форма слова — это такое изменение слова, при котором сохраняется его лексическое значение. Так, *мир — мира — миру — миром — мире* являются разными формами (морфологическими) лексемы

‘мир’, зеленый — зеленого — зеленому — зеленая — зеленой — зеленую — зеленою — зеленое — зеленым — зеленом — зеленые — зеленых — зеленым — зелеными — это формы лексемы ‘зеленый’, пять — пяти — пятью — формы числительного ‘пять’, читаю — читаешь — читает — читаем — читаете — читают — читал — читала — читало — читали — читай — читайте — буду читать и т. д. — формы глагола ‘читать’.

Формы одного слова различаются грамматическим содержанием.

Морфологическими формами называют также разные слова, если у них есть однородное грамматическое содержание. Например, *пруд*, *река*, *озеро* — это три слова и одновременно три морфологические формы грамматического рода.

В связи с этим в морфологии используются два термина, словоизменение и формообразование. Термин «формообразование» употребляется и как синоним термина «словоизменение», и более широко: для обозначения любых морфологических форм.

Во многих случаях морфологические формы объединяются в одну лексему достаточно очевидно (см. приведенные примеры), но есть такие изменения слов, когда тождество лексического значения при грамматическом различии не мешает считать формы разными лексемами, а определение характера соответствующего формообразования оказывается делом непростым.

Компоненты одного и того же парадигматического отношения могут оцениваться по-разному: как формы одного слова и как разные слова. Таковы, например, соотносительные формы вида. Например, глаголы *есть* и *съесть* имеют одинаковое лексическое значение (ср. с *пить*, *спать*, *сидеть* и т. д.), они различаются грамматическим значением вида: глагол *есть* соответствует вопросу «Что делать?», а глагол *съесть* — вопросу «Что сделать?». Казалось бы, их можно считать разными формами одной лексемы. И такая оценка подобных глагольных пар в литературе представлена. Но дело осложняется тем, что в глаголе *съесть* имеется еще значение законченности действия, в связи с чем предложения *Он ел яблоко* и *Он съел яблоко* обозначаются разные ситуации. Значение конца действия в современной лингвистике принято относить к модифицирующей словообразовательной семантике, т. е. принято считать, что два глагола, различающихся значением конца действия, являются разными словами даже при лексическом совпадении. При таком подходе (при учете модифицирующего словообразования) *съесть* и *есть* оказываются разными словами.

Приведенный пример свидетельствует о том, что граница между формообразованием и словообразованием в языке не всегда обозначена четко.

Синтетические и аналитические формы слов

§ 5. Синтетические формы

Синтетические формы создаются морфемами.

Основным средством образования синтетических форм слов в русском языке являются окончания. Посредством окончаний образуются формы падежей в существительных, прилагательных, числительных, местоимениях, формы числа в именах и глаголах, формы рода в прилагательных и глаголах, формы лица в глаголах. В большинстве случаев окончания оказываются синкретическими, т. е. выражающими не одно грамматическое значение. Так, окончания полных форм прилагательных указывают или на род, число, падеж, или на число, падеж; окончания кратких форм прилагательных — на род, число, окончания в личных глагольных формах одновременно выражают лицо и число, окончания в формах существительных — число и падеж.

В некоторых случаях при формообразовании используются суффиксы. Таковы формы прошедшего времени в глаголах (*писал, читал, говорил*), формы сравнительной степени (*добрее, ярче, тоньше*), формы превосходной степени (*добрейший, ярчайший*). Глаголы совершенного вида образуются приставками (*делать* → *сделать*, *писать* → *написать*), формообразующим может быть постфикс -ся (*космос изучается людьми; стихи пишутся поэтами*).

Образование синтетических форм может сопровождаться: 1) морфонологическими чередованиями (*писать* → *пишу*, *печь* → *пеку*, *водить* → *вожу*, *звать* → *зову*, *палец* → *пальца*, *росток* → *ростка*, *рисовать* → *рисую*), 2) изменением места ударения (*рука́* → *ру́ки*, *трава́* → *тра́вы*, *нос* → *но́са* → *носы́*), 3) наращением, усечением или меной суффиксов в основе (*стул* → *стулья*, *сохнуть* → *сох*, *теленки* → *телята*), 4) супплетивизмом, т. е. меной корней (*я* → *меня*, *мы* → *нас*, *идти* → *шел*, *ребенок* → *дети*).

§ 6. Аналитические формы

Аналитические формы образуются сочетаниями знаменательных словоформ с так называемыми вспомогательными словами, функционально аналогичными морфемам, образующим синтетические формы. Аналитической является форма будущего времени у глаголов несовершенного вида (*буду писать, буду думать*), глагольная форма сослагательного наклонения (*писал бы, думал бы*), форма превосходной степени качественных прилагательных (*самый красный, самый добрый*).

При выделении аналитических форм следует иметь в виду, что аналитическое выражение определенного значения далеко не всегда может

отождествляться с образованием морфологической формы. Для того, чтобы сочетание получило статус морфологической формы, необходимы по крайней мере два условия: 1) регулярность употребления сочетания для выражения данного значения, 2) отсутствие у служебного элемента(в составе сочетания) отдельного (своего) лексического значения. Так, отнесение к морфологическому уровню аналитического выражения сравнительной степени прилагательных (*более добрый, более красивый*) спорно именно потому, что словоформа *более* сохраняет свое лексическое значение. Ср. с *менее добрый, менее красный, более полезный, менее полезный* и т. п.

§ 7. Понятие о морфологической парадигме

Совокупность форм одного слова называют его морфологической парадигмой. Различают общие и частные парадигмы. Общие парадигмы включают все морфологические формы слова. Частные парадигмы объединяют формы на основе одного грамматического значения. Например, в прилагательных выделяются частные парадигмы 1) рода, 2) числа, 3) падежа, 4) полноты / краткости, 5) степеней сравнения (компаративная парадигма). Вместе взятые, эти частные парадигмы образуют общую парадигму прилагательных.

Когда часть речи имеет сложную систему морфологических форм, понятие общей и частной парадигмы может иметь более узкое и более широкое содержание. Общая парадигма глагола включает все формы слова. При этом выделяются частные видовые, залоговые, временные и т. д. парадигмы. В то же время при характеристике наклонения также выделяется общая парадигма, которая включает все модальные формы, т. е. формы изъявительного, сослагательного и повелительного наклонений, и частные парадигмы, объединяющие морфологические средства выражения каждого наклонения (например, частная парадигма повелительного наклонения).

Неизменяемые слова морфологических парадигм не имеют.

Примечание. Морфологические формы слов выражают грамматические значения. Единство формы и ее значения в последнее время (особенно после выхода работы А. А. Зализняка «Русское именное словоизменение») нередко называют граммемой. Принято говорить, например, что морфологическое число образуется противопоставлением граммем единственного числа граммемам множественного числа или морфологический вид предполагает оппозицию граммем НСВ граммем СВ и т. д.

С опорой на понятие морфологической формы все слова русского языка делятся на изменяемые и неизменяемые. В неизменяемых словах в свою очередь выделяются такие, которые в предложении замещают позиции изменяемых слов: *бра, такси, бюро, метро, какаду, беж, бордо, хаки, мини*, например, *на ветке сидит воробей, на ветке сидит какаду, купила короткую юбку, купила мини-юбку*) и имеющие собственные синтаксические места: *слева, здесь, вкривь, или, чтобы, на, ведь* ².

Некоторые неизменяемые слова первого типа синтаксическими средствами выражают такие значения, которые в изменяемых словах передаются формообразующим аффиксом. Например, словоформа *пальто* в словосочетании *новое пальто* называет один предмет, а в словосочетании *новые пальто* — несколько предметов, в предложении *Пальто упало* соответствует именительному падежу субъекта, а в сочетании с переходным глаголом: *купить пальто* — винительному падежу объекта. Это, однако, не означает, что лексема *пальто* имеет морфологические формы числа и падежа.

Все неизменяемые лексемы по морфологическому признаку являются неохарактеризованными.

В литературе по морфологии терминологические сочетания *грамматическая форма* и *морфологическая форма* обычно употребляются как синонимы, однако содержательно они совпадают не всегда. Всякая морфологическая форма одновременно является и грамматической формой, но не всякую грамматическую (синтаксическую) форму можно назвать морфологической. Так, несклоняемые существительные имеют грамматический род, который выражается родовой формой согласуемого прилагательного или глагола (*Новое кафе горожанам понравилось*), но морфологического рода у таких существительных нет. Морфологические формы слова образуются морфемами. Выделение аналитических морфологических форм также опирается на морфему в парадигматическом противопоставлении: аналитическая форма будущего времени соотнесена с синтетическими формами настоящего и прошедшего времени, аналитическая форма сослагательного наклонения — с формами изъявительного и повелительного наклонений.

§ 8. Понятие о грамматическом (морфологическом) значении

Грамматическое значение — это такое отвлеченное значение, которое выражается формальными грамматическими средствами или тем, что называют грамматической оформленностью (или грамматической

² См. Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966. С. 103.

формой) слова. В грамматическом оформлении слова участвуют его морфологические формы, морфемно-словообразовательная структура, синтаксические свойства и синтаксические связи.

Грамматические значения неодинаковы. В морфологии различают по крайней мере два типа грамматической семантики. К первому типу относится категориальное частеречное значение, второй тип объединяет значения, выражаемые морфологическими формами слов.

Принципиальное различие между типами состоит в том, что частеречная семантика, опираясь на грамматические средства в своем выражении, тесно связана с лексическими значениями слов и не предполагает в обязательном порядке словоизменения. Так, категориальное значение существительных имеют несклоняемые слова типа *пальто, метро, такси* и т. д. Чтобы быть существительным достаточно называть предмет и иметь субстантивные синтаксические признаки (выражать подлежащее и дополнение, иметь при себе согласованное определение). Точно так же категориальную семантику прилагательных имеют несклоняемые признаковые слова: *мини, макси, бордо* и т. п. Частеречную семантику имеют наречия, несмотря на то, что у большинства из них вообще нет форм словоизменения. Одинаковые категориальные частеречные значения обнаруживаются в языках с разным грамматическим строем.

Что же касается семантики второго типа, то она создается формообразованием. Грамматические значения, выражаемые изменяемыми формами слов, характеризуют языки индивидуально и дифференцированно. Только такие значения, как правило, и называют морфологическими грамматическими значениями или просто грамматическими значениями изменяемых слов.

Значение не может быть определено как морфолого-грамматическое на основе его абстрактности (хотя грамматические значения абстрактны) или содержательной сущности: одно и то же может выражаться разными языковыми единицами (единицами разных языковых уровней): в сочетании *красна девица* значение женского рода передается корнем *-дев*, суффиксом *-иц-*, окончанием существительного и прилагательного; в сочетании *один горожанин* значение количества выражено лексически, суффиксом *-ин-*, окончанием существительного и числительного.

Специфика грамматических (морфологических) значений объясняется особенностями морфем (прежде всего флексии), которыми они выражаются. Этих особенностей две (поэтому и в грамматическом значении в последнее время чаще всего выделяют два отличительных признака).

Во-первых, эти морфемы обслуживают обязательное формообразование. В результате значения, выражаемые ими, становятся обязательными для целых разрядов и классов слов (в лингвистической литературе

неоднократно высказывалась мысль о том, что от грамматического устройства языков зависит, какие значения в них должны выражаться obligatorно, какие — факультативно). Так, каждая словоформа изменяемого существительного имеет окончание, и это окончание обязательно выражает число и падеж; каждый глагол в русском языке изменяется по временам, и в объеме этого изменения в глаголе должно быть выражено временное значение, глагольная форма, соответствующая простому сказуемому, обязательно дает представление о грамматическом лице и грамматическом наклонении.

Важно обратить внимание на то, что обязательное выражение грамматического значения не всегда допускает выбор со стороны говорящего, т. е. предельно формализовано. Носитель языка просто обязан знать, что в данной языковой ситуации употребляется та или иная форма слова. Так, надо сказать *завидовать врагу* и *ненавидеть врага* и ни в коем случае не наоборот. Если прилагательное присоединяется к существительному *карандаш*, то оно должно быть в форме типа *красный* (а не *красная*, *красное*), если инфинитив присоединяется к фазовому глаголу, он не может относиться к совершенному виду, если существительное вводится в предложение предлогом *к*, оно употребляется только в дательном падеже и т. д. Таким образом, синтаксис способствует автоматическому выбору морфологической формы и, следовательно, такой же реализации грамматического значения. Синтаксические средства языка подключены к выражению значений морфологических форм.

Вторая особенность формообразующих морфем была отмечена Г. О. Винокуром при характеристике окончаний. Г. О. Винокур обратил внимание на то, что окончания не могут быть изолированными, т. е. одиночными, морфемами, они существуют только в парадигмах³.

В связи с этой особенностью грамматическое значение не может быть выделено в одной словоформе, оно объединяет минимум две словоформы. Эту особенность грамматического значения А. А. Зализняк назвал регулярностью⁴.

Грамматические значения — это типовые значения. Они обладают интегрирующим свойством, характеризуют классы и разряды слов, и многие из них присущи частям речи в целом.

Определяя грамматическое значение, А. А. Шахматов писал: «Реальное значение слова зависит от соответствия его как словесного знака тому или иному явлению внешнего мира; грамматическое значение слова — это то его значение, какое оно имеет в отношении к другим словам. Реальное значение связывает слово непосредственно с внешним

³ Г. О. Винокур. Форма слова и части речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

⁴ А. А. Зализняк. Русское именное словозменение. М., 1967. С. 26.

явлением, грамматическое значение связывает его прежде всего с другими словами, со значением других слов»⁵.

Итак, грамматические (морфологические) значения — это обязательные и регулярные значения словоформ. В каждой словоформе изменяемого слова выражается частеречная (категориальная) семантика и морфологическое грамматическое значение (одно или несколько). Словоформы неизменяемых частей речи имеют только грамматическое категориальное значение. Например, в предложении *На солнышке тепло* словоформа *солнышке* выражает значение предметности, рода, числа и падежа, а словоформа *тепло* — только значение предикативного наречия.

Грамматические значения нередко называют дополнительными к лексическим значениям слов. А. И. Смирницкий хорошо показал, что делать этого не следует⁶. Лексические и грамматические значения представляют собой два разных типа языковой семантики. Лексическое значение выражается основой словоформы, грамматическое — ее формальным показателем.

Грамматические значения образуют семантическую базу морфологического строя русского языка. Они являются основой типологического объединения и дифференциации словоформ внутри частей речи и вообще того упорядочения языковых единиц, на котором зиждется грамматический строй русского языка.

Грамматические значения участвуют в формировании высказывания, они связаны с разными сторонами высказывания, и в этом плане они неодинаковы.

Одни грамматические значения включены в номинативный аспект высказывания (род, число существительных). Это так называемые отражательные (номинативные) значения. Они используются для обозначения объективных свойств предметов и признаков, введенных в высказывание.

Другие грамматические значения имеют отношение к выражению актуализационных смыслов, т. е. ориентации высказывания на речевую ситуацию, его временной характеристики, связи с субъектом речи. Таковы грамматические значения спрягаемых форм глагола.

Третьи грамматические значения отражают интерпретационно-оценочное участие говорящего в речевой коммуникации. Интерпретационное значение связано с возможностью при помощи морфологических форм об одном и том же сказать по-разному. Интерпретационное значение обычно выделяют в залоге и виде глагола. Выбор залоговой

⁵ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 431–432.

⁶ А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя языка. М., 1955.

формы связан с тем, какой семантический компонент предложения, субъект или объект, помещается в центр информации: *брат написал письмо* (сообщение о брате), *письмо написано братом* (сообщение о письме). При помощи вида одно и то же действие изображается с разных сторон. Из предложения *Маша ела кашу* мы узнаем, чем была занята Маша в какое-то время, а в предложении *Маша съела кашу* сообщается о том, что Маша кашу ела, и каши больше нет.

Интерпретационное значение в морфологических формах представлено шире, чем об этом принято говорить в описательных грамматиках русского языка. Так, оно есть в глагольном наклонении, поскольку посредством форм наклонения одна и та же ситуация обозначается как реальный, возможный или желательный факт. Интерпретационный компонент есть в краткой форме прилагательных, которая в современном языке является знаком того, что прилагательное не входит в наименование предмета.

Многие грамматические значения элементарны и обращены к разным сторонам высказывания. Например, вид является одновременно и номинативным, и интерпретационным значением, лицо — номинативным и актуализационным, наклонение — номинативным, актуализационным и интерпретационным, падеж — номинативным и интерпретационным.

Отличительной особенностью морфологического строя русского языка является то, что разные части речи имеют одноименные грамматические значения. Так, род и число имеют существительные, прилагательные, глагол; падеж есть у существительных, прилагательных, числительных и местоимений. В результате одно и то же грамматическое значение может быть одновременно выражено несколько раз, например, в синтагме *новая шуба упала* единственное число и женский род обозначены трижды: окончанием прилагательного, существительного и глагола. Русскому языку свойственна избыточность в выражении грамматической семантики.

§ 9. Понятие о грамматической категории

Грамматическая категория — это совокупность противопоставленных друг другу морфологических форм с общим грамматическим содержанием⁷. Например, формы *пишу* — *пишешь* — *пишет* указывают на лицо и поэтому объединяются в глагольную грамматическую категорию лица; формы *писал* — *пишу* — *буду писать* выражают время и обра-

⁷ Подробнее см. А. В. Бондарко. Теория морфологических категорий. Л., 1976. С. 10–12.

зуют категорию времени, словоформы *стол* — *сто́лы*, *книга* — *кни́ги* выражают представление о количестве предметов, они объединяются в категорию числа и т. д. Можно также сказать, что грамматические категории формируются частными морфологическими парадигмами.

Грамматические категории в целом имеют три особенности.

1) Грамматические категории образуют своего рода закрытые системы. Количество членов, противопоставленных друг другу в грамматической категории предопределено структурой языка и в целом (в синхронном срезе) не варьируется. При этом каждый член категории может быть представлен как одной, так и несколькими однофункциональными формами. Так, грамматическая категория числа существительных образуется двумя членами, один из которых представлен формами единственного числа (*стол*, *книга*, *перо*), другой — формами множественного числа (*сто́лы*, *кни́ги*, *пе́рья*). Существительные и прилагательные имеют три рода, у глагола три лица, два вида и т. д. Количественный состав некоторых грамматических категорий в литературе определяется по-разному, что на самом деле связано не с объемом категории, а оценкой ее компонентов. Так, в существительных выделяют 6, 9, 10 и большее количество падежей. Однако это отражает только разные приемы выделения падежей. Что же касается самого грамматического строя языка, то в нем падежная система регламентирована существующими типами склонения.

2) Выражение грамматического значения (содержания) между формами, образующими категорию, распределено: *пишу* означает первое лицо, *пишешь* — второе, *пишет* — третье; *стол*, *книга*, *перо* указывают на единственное число, а *сто́лы*, *кни́ги*, *пе́рья* — на множественное число, *большой* — это мужской род, *большая* — женский, а *большое* — средний, форма *большие* на род не указывает.

3) Формы, образующие морфологические категории, должны объединяться общим содержательным компонентом (что отражено в определении грамматической категории). Это обязательное условие для выделения грамматической категории. Без указанной общности грамматические категории не формируются. Например, противопоставление переходных и непереходных глаголов не образует морфологической категории именно потому, что оно не основано на общем содержании. По той же причине не являются морфологическими категориями и другие лексико-грамматические разряды, выделяемые в самостоятельных частях речи.

§ 10. Типы грамматических категорий

Грамматические категории классифицируются на разных основаниях.

1) В зависимости от количества противопоставленных компонентов грамматические категории делятся на двухчленные (число, вид), трехчленные (лицо, наклонение, род) и многочленные (падеж) категории.

2) По характеру противопоставления компонентов выделяют категории, формирующиеся на основе 1) привативных (неравнозначных), 2) эквиполентных (равнозначных), 3) градуальных (ступенчатых) отношений.

Привативное противопоставление по роду образуют существительные типа *учитель — учительница, тракторист — трактористка, касир — кассирша*: существительное мужского рода в таких парах может называть и мужчину, и женщину, а существительное женского рода только женщину. Привативной категорией является вид в глаголе. Глаголы совершенного вида отвечают только на смысловой вопрос *Что сделать?*, а глаголы несовершенного вида, кроме вопроса *Что делать?*, в некоторых речевых ситуациях отвечают и на вопрос *Что сделать?*: — *Чем провинился этот мальчик? Что он сделал? — Он рвал яблоки в чужом саду.*

Эквиполентное противопоставление образуют некоторые личные существительные мужского и женского рода: *мать — отец, брат — сестра, девочка — мальчик*. Существительные мужского рода обозначают мужчин, существительные женского рода — женщин.

Градуальные отношения представлены в степенях сравнения.

Падеж как грамматическая категория в определенном объеме устроен по принципу дополнительного распределения: одно и то же лексическое значение при помощи падежа помещается в разные синтаксические позиции: *лишиться кого-чего, завидовать кому-чему, ненавидеть кого-что, любоваться кем-чем, горевать о ком — о чем*.

В одной и той же грамматической категории могут обнаруживаться разные принципы семантической организации. См. род существительных.

3) Кроме этого, в зависимости от того, являются ли компоненты грамматической категории одним словом или представляют разные лексемы, различают словоизменительные и классифицирующие (лексикограмматические) категории. Классифицирующие категории объединяют разные слова, имеющие одинаковое грамматическое значение. Так, словоизменительными являются категории рода, числа и падежа у прилагательных, категория падежа у существительных, категория лица, на-

клонения, времени у глагола и др. К классифицирующим принято относить категорию рода у существительных, вид в глаголе. Некоторые категории оказываются смешанного типа, частично словоизменительными, частично лексико-грамматическими (классифицирующими). Такова, например, категория числа у существительных.

А. В. Бондарко словоизменительные категории назвал коррелятивными, а классифицирующие — некоррелятивными. При этом он выделил последовательно коррелятивные, последовательно некоррелятивные и непоследовательно коррелятивные грамматические категории⁸.

Примечание. Е. В. Клобуков предложил выделять в качестве особого типа интерпретационные морфологические категории, «предназначенные для выражения степени относительной значимости двух или нескольких однородных смысловых элементов» высказывания. «Благодаря этим категориям один из однородных смыслов выделяется говорящим как основной, а другой смысл <...> как дополнительная, сопутствующая, комитативная информационная часть⁹. Грамматическое значение, выражаемое такими категориями. Е. В. Клобуков называет комитативным. На основе комитативности, по его мнению, организуется противопоставление полных и кратких форм прилагательного, спрягаемых и атрибутивных форм глагола, форм действительного и страдательного залога, а также именительного и звательного падежей косвенным падежам.

§ 11. Понятие о частях речи. Общая характеристика

Части речи — это классы, объединяющие слова по их грамматическим характеристикам. Слова относятся к одной части речи на основе общности значения, морфологических форм, словообразовательных признаков и синтаксических свойств. Так, лексемы *книга*, *река*, *кошка*, *человек*, *крапива*, *автобус* относятся к одной и той же части речи потому, что все они называют предмет и соответствуют вопросу *Кто или что это?*, имеют одинаковые морфологические значения (род, число, падеж), в предложении могут быть подлежащим и дополнением, могут присоединять к себе согласованное определение. *Черт побери*, *тьфу*, *бабушки*, *ой* также являются единицами одной части речи, так они одинаково выражают эмоции и не имеют ни морфологических, ни синтаксических положительных признаков; *снизу*, *вкривь*, *впотьмах*, *поодиночке* — это еще одна часть речи: все приведенные лексемы не имеют морфологических форм, в предложении выполняют функцию обстоятельств, характеризуют глагольное действие (называют признак признака).

⁸ А. В. Бондарко. Теория морфологических категорий. С. 77.

⁹ Е. В. Клобуков. Теоретические основы изучения морфологических категорий русского языка. Дисс. на соискание уч. ст. доктора фил. наук. М., 1995. С. 38–39.

Как видно из примеров, хотя части речи и выделяются с учетом совокупности признаков, но сами эти совокупности в разных случаях представлены по-разному: у одних слов есть весь набор признаков, у других он представлен лишь частично.

Части речи называют 1) грамматическими классами, грамматическими категориями (и даже основными морфологическими категориями), так как они выделяются с учетом грамматической оформленности слова; 2) лексико-грамматическими классами, когда хотят особо подчеркнуть, что в части речи на основе грамматического сходства объединяются слова, а не формы слов; 3) наконец, семантико-грамматическими классами, если акцент делается на наличии у частей речи категориального значения.

Названные определения не исключают, а дополняют друг друга, и каждое из них выделяет признак, релевантный (существенный, значимый) для частей речи.

Части речи различаются между собой не только тем, что одни из них грамматически охарактеризованы полнее других. Само содержание дифференциальных признаков у разных частей речи не совпадает. Так, морфологический признак у существительных, прилагательных, числительных, глаголов сводится к их словоизменению, а у наречий, служебных слов, модальных слов, междометий — к отсутствию словоизменения. За понятием *категориальная семантика* также стоят разные сущности у знаменательных и служебных слов. У самостоятельных слов категориальная семантика связана со свойством слова выражать понятие, быть именем предмета и его свойства. В несамостоятельных словах категориальная семантика не может иметь такого содержания, так как они не выражают понятий. Категориальным значением служебных слов называют ту общую роль, которую играет служебная часть речи в организации предложения (может быть, правильнее было бы говорить об общем не значении, а назначении слов служебных частей речи). Существо синтаксических признаков у самостоятельных и несамостоятельных слов принципиально разное, так как первые являются членами предложения, а вторые по-разному служат им.

Тем не менее, несмотря на все различия, все части речи имеют и общее, им может быть дана общая характеристика, что отмечено многими лингвистами и прежде всего Л. В. Щербой (в статье «О частях речи в русском языке»). Наиболее существенные положения этой характеристики сводятся к следующему:

1) Части речи выделены самим языком, они являются результатом естественной классификации лексики. Человек узнает части речи на основе своего речевого опыта, распределяя слова по существующим в языке категориям (Л. В. Щерба — вслед за Есперсеном — говорил, что че-

ловек узнает части речи так, как он узнает корову или кошку¹⁰). Представление о частях речи получено эмпирическим путем. Выделение частей речи является результатом осознания языкового опыта.

2) Поскольку части речи являются естественными группировками слов, для их выделения важную роль играет частотность представленного в части речи языкового явления: чем больше слов определенного типа, тем легче выделить соответствующую часть речи, и наоборот, чем слов меньше, тем часть речи выделяется труднее. Часть речи не может состоять из нескольких слов, тем более она не может состоять из одного слова. Части речи — это не только слова, но и типы, образцы слов.

3) Слова, входящие в одну и ту же часть речи, должны иметь общие признаки. Эти признаки могут относиться к разным сторонам слова: к значению, форме, словообразовательной структуре, синтаксическим ролям, и чем их больше, тем рельефнее определяются контуры части речи. При этом собственно морфологический признак (изменяемая форма) оказывается строго обязательным только для глаголов: неизменяемых глаголов в русском языке нет. Существительные и прилагательные могут быть несклоняемыми. Не имеют форм словоизменения (кроме степеней сравнения) наречия, а также все несамостоятельные слова. И хотя у большинства самостоятельных частей речи есть морфологические признаки, части речи не являются морфологическими классами, т. е. в целом не могут быть получены только на основе формообразования.

4) Эмпирическая природа частей речи предопределяет полевой принцип в их организации: в каждой части речи есть слова или словоформы, образующие ее центр, и слова или словоформы, находящиеся на периферии. Например, в центре существительных находятся слова, называющие предметы, но к существительным относятся также слова, по лексическому значению не противопоставленные прилагательным и глаголам, т. е. называющие признаки: *темнота, синева, сушь, пение, переход, пробег*. Ядро существительных образуют изменяемые слова, но кроме этого в часть речи входят и неизменяемые лексемы: *кофе, виски, мадам, буржуа, до, ре, ми* и т. п., у которых, естественно, нет полного набора признаков существительного. Полевую структуру частей речи важно учитывать при описании грамматических категорий.

5) Эмпирический характер частей речи и их полевая организация приводят к тому, что границы частей речи четко определяются не всегда: у слов одной части речи могут быть признаки другой части речи. Л. В. Щерба полагал, что одно и то же слово может входить в разные части речи. И так действительно бывает, например, слово *тысяча* употребляется как существительное (*Тысячи людей вышли на площадь*) и чис-

---

¹⁰ Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 84.

лительное (*заплатил тысячу сто двадцать рублей*), слово *один* употребляется как прилагательное (*один философ* = какой-то философ), числительное (*одна копейка*) и частица (*одни неприятности* = только неприятности). Ср. также *мальчики вроде Пети* (*вроде* — предлог) и *вроде стучат* (*вроде* — частица), *Куда он едет?* (*куда* — наречие) и *Куда ему жеваться!* (*куда* — частица). В связи с этим в языке выделяются отдельные лексемы, классы лексем и классы словоформ, частеречный статус которых определяется по-разному. Таковы порядковые числительные, неопределенно-количественные слова (*много книг, столько вопросов*), причастия, деепричастия, категория состояния, глагольно-междометные слова (*прыг, скок*), звукоподражания (*мяу, гав*), модальные слова.

б) В связи с тем, что для частей речи не существует единого классификационного признака, отношения между частями речи в целом нельзя представить как иерархически организованные (хотя, очевидно, можно говорить об иерархической организации грамматической семантики внутри изменяемых частей речи: грамматическое значение → грамматическая категория → частеречное значение). Классификация частей речи оказывается многоступенчатой.

§ 12. Система частей речи современного русского языка

Современное представление о частях речи формировалось в течение длительного времени, можно сказать, на протяжении всего развития науки о грамматическом строе русского языка. Начиная с «Российской грамматики» М. В. Ломоносова (первого научного описания русского языка) и кончая академическими грамматиками 1970 и 1980 годов части речи являются объектом лингвистического описания. К настоящему времени определена номенклатура частей речи, которая включает следующие понятия: существительные, прилагательные, числительные, местоимения, наречия, категория состояния (предикативы), глагол, причастие, деепричастие, модальные слова, предлоги, союзы, частицы, связка, междометия, звукоподражания. Однако количество частей речи в разных работах, в том числе и учебной литературе, неодинаково. Это объясняется тем, что упомянутые выше синкретические разряды лексем и словоформ при частеречной характеристике получают разную интерпретацию.

Представление о частях речи как классах, полученных на основе совокупности признаков, закрепилось и стало широко принятым после работ В. В. Виноградова.

В. В. Виноградов, опираясь на предшествующий опыт и в первую очередь на идеи А. А. Шахматова (Синтаксис русского языка)

и Л. В. Щербы (статья «О частях речи в русском языке») утвердил комплексный подход к распределению слов по частям речи, показал необходимость разностороннего анализа слова при его частеречной характеристике.

Система частей речи, описанная В. В. Виноградовым в книге «Русский язык», принимается за основу в большинстве современных морфологических описаний современного русского языка.

На первом этапе классификации частей речи можно выделить четыре семантико-грамматических типа слов: самостоятельные части речи (или знаменательные, полнозначные слова), служебные части речи (которые В. В. Виноградов вслед за Л. В. Щербой называл частицами, употребляя при этом слово *частица* и в другом смысле, а именно для обозначения отдельной служебной части речи), модальные слова и междометия, к которым примыкают звукоподражания.

Самостоятельные слова 1) выражают понятия, 2) морфемно оформлены (имеют модели словоизменения и морфологические способы образования), 3) являются членами предложения и образуют синтаксические связи, 4) самостоятельные слова в принципе не могут быть даны закрытыми списками.

Служебные слова 1) не выражают понятий. Их значение формируется на синтаксической основе, а не на основе номинативной знаковой функции. Например, предлог *с* имеет значение пространственного отношения, если сочетается с Р. п. (*с горы*), сопоставительное значение, если сочетается с В. п. (*с орех*), значение совместности — с Т. п. (*с родителями*); союз *чтобы* имеет значение цели, когда присоединяет целевое придаточное предложение, и не имеет этого значения, если присоединяет придаточное изъяснительное (*просил, чтобы пришел*); 2) не имеют морфологических форм и не образуются морфологическими способами; 3) не бывают членами предложения и не образуют синтаксических связей, хотя и используются, подобно морфеме, в качестве языкового средства выражения синтаксических отношений; 4) служебные слова могут быть даны закрытыми списками.

Модальные слова по признакам, обозначенным цифрами 2, 3, 4, похожи на служебные части речи (В. В. Виноградов отмечал близость модальных слов к некоторым модальным частицам), но они отличаются от служебных слов характером своего лексического значения. «Модальные слова, — писал В. В. Виноградов, — определяют точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности или на выбор и функции отдельных выражений в составе речи»¹¹. В связи с этим можно отметить, что особенностью семантики большинства модальных слов является то, что они представляют собой свернутые предложения

¹¹ В. В. Виноградов. Русский язык. 1972. С. 568.

модусного характера: *по-моему* = *я думаю, полагаю, считаю, может быть* = *я допускаю, кажется* = *я предполагаю* и т. д.

Лексическое значение модальных слов свидетельствует о том, что в русском языке на основе синтаксической функции вводности формируется особый тип лексической семантики. «Модальные слова лежат как бы в иной грамматической и субъективно-стилистической плоскости по сравнению со всеми другими элементами высказывания» (В. В. Виноградов)¹².

Междометия и звукоподражания образуют особый и очень специфический тип слов, находящийся на периферии частеречной системы языка. Они не выражают понятий. Междометия являются знаками эмоций, а звукоподражательные слова имитируют, изображают звуки. Л. В. Щерба, назвав междометия «неясной и туманной категорией», сводил их формальный, т. е. категориальный, признак к «полной синтаксической обособленности, отсутствию каких бы то ни было связей с предшествующими и последующими элементами в потоке речи»¹³.

При определении границ четвертого семантико-грамматического класса слов надо иметь в виду, что В. В. Виноградов термин междометие употребляет расширительно, обозначая им разные (периферийные) группы слов, объединенных тем, что у них нет 1) понятийной семантики, 2) определенной грамматической оформленности.

Дальнейшее разбиение частей речи проводится внутри выделенных четырех типов и в каждом типе осуществляется на разных основаниях.

Модальные слова, междометия и звукоподражания разделяются на группы только по лексическому значению.

§ 13. Состав самостоятельных частей речи

Самостоятельные слова делятся на части речи с учетом их семантики, морфологических форм, структурно-словообразовательных особенностей, синтаксических функций и синтаксических связей. Можно выделить (с разной степенью обоснованности) такие самостоятельные (или знаменательные) части речи: существительные, прилагательные, числительные, наречия, местоимения, глагол.

Во многих грамматиках вслед за Л. В. Щербой и В. В. Виноградовым выделяется еще одна самостоятельная часть речи — категория состояния или предикативы. При этом есть широкое и узкое понимание этой части речи. В первом случае в категорию состояния включают все

¹² Там же.

¹³ Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 67.

лексемы, которые, не будучи глаголами, употребляются только в роли сказуемого: *рад, должен, обязан, нельзя, можно, впору, наготове, нет (У нее нет собаки)* и т. п. Во втором случае состав слов ограничивается функцией сказуемого в безличном предложении, причем к безличным относят и те предложения, в которых один главный член выражен инфинитивом: *нельзя молчать, можно договориться, трудно понять, (на улице) тепло, солнечно, сыро, холодно, (мне) некогда* и т. п.

Грамматическими признаками категории состояния считаются семантика состояния и употребление в позиции при связке. При узком понимании к этому прибавляется признак неизменяемости.

О категории состояния существует большая специальная литература, в которой обосновывается выделение ее как части речи. Существует также неоспоримый факт: в языке есть не-глаголы, «взятые на себя функцию глагола» быть сказуемым. Тем не менее выделение категории состояния в качестве отдельной части речи до сих пор очень проблематично. Есть основания понятие предикатива (категории состояния) соотносить с синтаксической функцией неглагольных словоформ. Эти основания следующие:

1) предикативов, которые не были бы омонимичны словоформам других частей речи, в языке немного;

2) позиция при связке с точки зрения разграничения частей речи не обладает дифференцирующим свойством. Она не может быть замещена только финитной формой глагола и беспредложным винительным падежом со значением объекта. Употребление при связке не изменяет частеречной принадлежности словоформы. Например, при связке может стоять инфинитив: *Все старание господина Голядкина было (каково?) как можно плотнее закутаться в шинель* (Достоевский), но от этого он не перестает быть глаголом. Краткие прилагательные, регулярно употребляемые в функции именного сказуемого, сохраняют связь с лексическими значениями полных форм. При связке может оказаться междометие, не изменив при этом своей частеречной принадлежности: *Стихи — черт знает что такое! Работа — тьфу!* (ср. с позицией подлежащего: каждая словоформа, употребленная в этой позиции, приобретает какой-нибудь признак существительного);

3) позиция при связке не создает условий для формирования значения состояния как особого типа категориальной семантики. В целом со связкой сочетаются словоформы с признаковым значением. Одни и те же словоформы с одним и тем же признаковым значением могут употребляться как при связке, так и в других синтаксических местах (при существительном, при глаголе: *В соседней комнате тихо; Ветер тихо колышет ветки берез*. Категориальная семантика, выделяемая для всех самостоятельных частей речи, в категории состояния по существу отсутствует. Многие лингвисты (Е. И. Воинова, Е. М. Галкина-Федорук,

Г. А. Золотова, И. И. Мещанинов, В. Н. Мигирин, И. П. Распопов) отмечают лексико-семантическую неоднородность предикативов, которые «могут обозначать и состояние как таковое, и разного рода отношения — модальные, пространственные, временные»¹⁴.

В. В. Виноградов, описывая разные типы лексического значения в слове, отметил, что позиция именного сказуемого способствует развитию в слове оценочной семантики (предикативно-оценочный тип значения), что обычно не приводит к образованию омонимов. Слова *загляденье* (*шляпка — загляденье*) и *объеденье* (*пирожки — объеденье*) В. В. Виноградов называет существительными.

По наблюдениям Е. И. Воиновой и Г. А. Золотовой, среди слов, относимых к категории состояния, большой массив образуют оценочные единицы, которые скорее соответствуют кратким прилагательным, чем наречиям. Оценочные предикативы отличаются от лексем со значением состояния и конструктивно-синтаксическими свойствами, они выражают оценку по отношению к действию, названному инфинитивом, при этом часто, как показала Г. А. Золотова, не могут быть использованы в качестве наречного определения того же самого действия: можно сказать *Жаловаться грешно, гулять полезно, учиться интересно*, но не говорят **Он учился интересно, *Он полезно гулял, *Он грешно жаловался*. Разделив категорию состояния на три группы: слова на -о со значением состояния лица или среды, слова со значением оценки, слова с модальным значением, и, оценив роль каждой группы в организации предложения, Г. А. Золотова пришла к общему выводу о том, что эти группы не могут относиться к одному и тому же лексико-грамматическому классу¹⁵.

4) неизменяемые предикативы, не имеющие омонимов в других частях речи, т. е. лексемы, являющиеся формальной основой категории состояния (*нельзя, надо, жаль, некогда, можно*) выражают не состояние, а модальную оценку;

5) состав словоформ в предложениях типа *Грех было не помочь, Пора было открывать собрание* не означает утраты¹⁶ существительными их грамматических свойств, так как связка здесь условно согласуется с инфинитивом, занимающим позицию независимого главного члена. Ср. с *Читать вслух по вечерам было его обязанностью*. Оценочное значение в существительных связано с обязательным выбором именительного падежа, но это наблюдается и в других случаях выражения оценоч-

¹⁴ И. П. Распопов, А. М. Ломов. Основы русской грамматики. Воронеж, 1984. С. 157.

¹⁵ Г. А. Золотова. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. С. 279. Г. А. Золотова предложила наряду с «категорией состояния» выделять еще один лексико-грамматический разряд (т. е. часть речи) «категорию оценки», для чего вряд ли существуют морфологические основания.

¹⁶ Противоположное мнение см. Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. 1989. С. 520.

но-предикативной семантики субстантивов *Маша была такая ворона, Ты не герой, а шляпа*).

Наконец, отметим, что Л. В. Щерба, предложивший термин *категория состояния* и впервые относительно подробно описавший ее (1928 г., статья «О частях речи в русском языке»), очевидно, был не очень уверен в правильности своего мнения. Во всяком случае он писал: «Может быть, мы имеем здесь дело с особой категорией состояния...»¹⁷.

В заключение нужно отметить, что непризнание для категории состояния частеречного статуса, приводит к необходимости выделять в неглаголах отдельные лексемы, не имеющие первичной (основной) частеречной функции. Например, таким словом оказывается лексема *жаль*, которая регулярно употребляется предикативно: *И знаю я, что все — и пылкая любовь, И пышные мечты пройдут и охладятся Иль к бездне приведут... Но с ними жаль расстаться!* (Майков). (В МАС отмечено употребление *жаль* в роли вводного слова *Пленять — то здесь, жаль, некого* (Тургенев). Слово *жаль* относят к предикативным наречиям.

Примечание. Причастия и деепричастия в приведенном перечне самостоятельных слов объединены в одну часть речи с собственно глаголом.

§ 14. Состав служебных частей речи

Служебные части речи по синтаксическому признаку делятся на 1) предлоги, 2) союзы, 3) частицы. Посредством предлогов синтаксические позиции замещаются косвенными падежами существительных (чаще всего предлоги являются средством синтаксической связи для косвенных падежей, но предложно-падежная форма может оказаться и в независимой позиции, например, позиции заголовка: *«На охоте»*. Кроме этого, предлог вводит в предложение и несклоняемые слова: *пришить пуговицу к пальто*. Союзы соединяют однородные члены предложения и части сложных предложений. Частицы в первичном употреблении не являются средством синтаксических связей и используются для особого семантического осложнения высказывания.

В некоторых грамматиках вслед за Л. В. Щербой выделяется еще одна служебная часть речи — связка, куда относят прежде всего слово *быть*, которое в таком случае не признается глаголом.

С этим трудно согласиться. Конечно, *быть* — это особое слово. Оно не имеет личных форм настоящего времени (точнее сказать, имеет

¹⁷ Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. С. 74.

нулевые личные формы в настоящем времени), у него простые формы будущего времени, кроме этого, его формы втянуты в аналитическое выражение некоторых глагольных грамматических значений (будущее время НСВ, страдательный залог СВ), но *быть* имеет категории наклонения, времени, лица, вида (вид проявляется при сопоставлении с глаголами *бывать, побывать, побывав*), у него есть причастие *бывший* и деепричастие *будучи*.

Слово *быть* многозначно. Оно может означать (см. МАС): 'существовать': *Есть в мире сердце, где живу я* (Пушкин), 'находиться где-либо': *И там я был, и мед я пил* (Пушкин), 'происходить, случаться': *Что должно произойти, то будет*, 'приходить, посещать кого-либо': *Вчера у них были гости*, 'иметься': *У него была машина*. Значение *быть* изменяется в зависимости от дистрибуции. В сочетаниях с именным сказуемым оно становится настолько отвлеченным, что его трудно определить. Ш. Балли интерпретировал значение *быть* в таких случаях как *присущность* или *соответствие*¹⁸, но принято говорить, что у связки *быть* лексического значения нет и что она лишь выражает грамматические значения именного сказуемого.

История изучения именного сказуемого свидетельствует, однако, о том, что выделить связку *быть* на основе дифференциации лексической семантики этого слова практически невозможно. А. А. Потебня в свое время отметил, что трудно указать общую примету, по которой мог бы быть узнан глагол, «способный быть неполным сказуемым»¹⁹. В некоторых работах, например, в «Русской грамматике-80» составное именное сказуемое понимается расширительно, под него подводятся сочетания *быть* как с атрибутивными формами, так и с локальными, а также временными падежами и наречиями: *Приезжий из Москвы, Ограда — вокруг сада, Школа за пять километров, Теркин снова на войне, Больной после операции* и др. (т. 2, с. 301), т. е. связка наделяется и локализирующим значением.

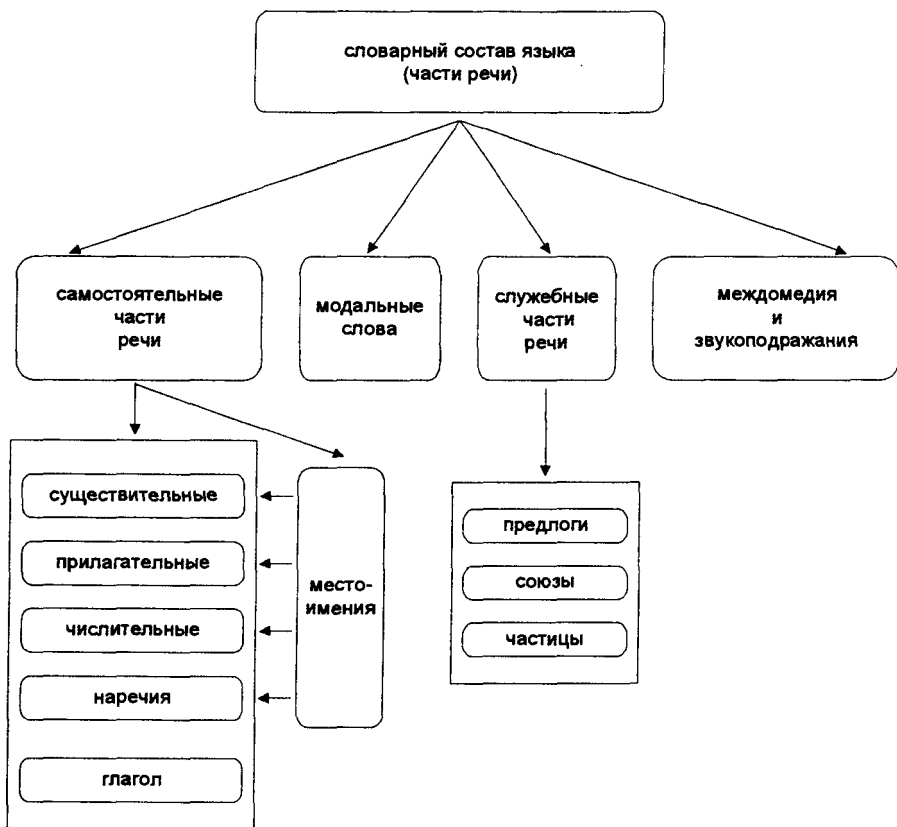
Глагольная природа связки *быть* проявляется и в том, что на ее месте употребляются полузнаменательные глаголы (*казаться, оказаться, стать, становиться, показаться, являться*), глаголы движения, состояния и др. Можно обратить также внимание на то, что связку выделяют в номинативных предложениях, где она в зависимости от значения существительного в позиции именительного падежа выражает экзистенциальное значение (*Кругом степь*).

Итак, есть основания утверждать, что связка (*быть*) — это не особая часть речи, а глагол с особой синтаксической функцией.

¹⁸ Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 121–127.

¹⁹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958. С. 132.

§ 15. Схема системы частей речи

§ 16. Опозиции внутри самостоятельных частей речи

Внутри самостоятельных частей речи принято выделять несколько противопоставлений.

Во-первых, существует противопоставление имен и глаголов. Оно основывается прежде всего на морфологических категориях. И дело не только в том, что глагольные и именные категории по-разному выражаются и по-разному называются — они относятся к разным аспектам высказывания. Можно так сказать: основным предназначением именных категорий является обслуживать диктум (то, о чем сообщается), а предикативных глагольных категорий — модус (то, как о чем-то сообщается).

Во-вторых, выделяют противопоставление местоименных и неместоименных слов. Это противопоставление не связано с формами слов, с грамматическими категориями. В основе его лежит специфика значения местоименных корней. Местоименные корни не имеют вещественного содержания. В результате местоименные слова не обладают свойством выражать понятия о предметах, признаках и свойствах, т. е. у местоимений нет того качества, которое при выделении самостоятельных слов имеет первостепенную значимость. С этим связан не решенный до сих пор вопрос о том, нужно ли выделять местоимение как отдельную часть речи и где помещать местоименные слова в общей частеречной системе языка.

В-третьих, говорят о противопоставлении существительного как имени предмета и всех остальных признаков частей речи. Оно относится к семантическому уровню языка, а к морфологии повернуто в связи с вопросом о зависимости категориальной семантики от морфологической оформленности слова.

Существительные являются единственным классом самостоятельных слов, принадлежность к которому может быть определена уже по лексическому значению: люди, животные, растения, вещи могут быть названы только существительными. «Если мы знаем, что какаду — название птицы, мы не ищем формальных признаков для того, чтобы узнать в этом слове существительное» (Л. В. Щерба). В объеме конкретных слов существительные могли бы быть названы лексическим классом. Что касается слов с признаковым значением, то они на уровне лексической семантики не разведены, по значению корня в таких случаях нельзя определить частеречную принадлежность слова: см. *зл-о* (существительное), *зл-ой* (прилагательное), *зл-ю* (глагол), *зло* (наречие).

Потребность в морфемном выражении у признаковой семантики больше, чем у предметной. С указанным обстоятельством связаны важные морфологические факты, например, то, что неизменяемость в изменяемых частях речи распространяется прежде всего в существительных, а глаголов неизменяемых не бывает, существительные широко образуются субстантивацией, но нет вербализации (глаголизации). Ни одно слово не может быть принято за глагол, если оно не получит соответствующего морфемного оформления, тогда как вместо существительных употребляются и прилагательные, и причастия, и инфинитив, числительные и наречия, и незначительные слова: *Да понадеялся он на русский авось* (Пушкин).

Примечание. Последнее противопоставление перекликается с разбieniem знаменательных слов на *более самостоятельные* и такие, которые *им подчиняются* в «Общем курсе русской грамматики» проф. В. А. Богородицкого. «Слова с самостоятельным собственным значением, — писал А. В. Богородицкий, — делятся на 1) слова, служащие

для обозначения предметов (или точнее бытий) и их представлений в нашем уме, и 2) слова, служащие для обозначения действий и их представлений в нашем уме»²⁰. Слова с собственным значением, но не имеющие полной самостоятельности, т. е. прилагательные, числительные, наречия, служат для определения слов указанных двух классов (существительных и глаголов)²¹.

§ 17. Синкретические явления в системе частей речи

Синкретические явления в частях речи — это совмещение в словах признаков разных категориальных классов. Внутричастеречный синкретизм объясняется разными причинами. Условно их можно свести к трем типам.

Во-первых, он связан с переходом слов из одной части речи в другую и возникновением функциональных омонимов. Переход слов из одной части речи в другую осуществляется на основе синтаксической функции. Употребление слова в несвойственной части речи синтаксической роли может привести к изменению его грамматических признаков. Например, существительное *столовая* образовалось субстантивацией соответствующей формы прилагательного. Перейдя в существительные, слово *столовая* начало называть предмет, а не признак предмета, перестало изменяться по родам, в предложении стало употребляться в роли подлежащего, дополнения, обстоятельства места, но сохранило адъективное склонение. В результате появилась необходимость разграничения формально совпадающих лексем двух частей речи, прилагательного и существительного: *столовая* — это такое слово, у которого есть свойства существительного (категориальные признаки) и прилагательного (флексии, выражающие грамматические значения).

В русском языке наблюдается 1) переход слов из одной знаменательной части речи в другую: субстантивация прилагательных и причастий, адъективация причастий, адвербиализация существительных и деепричастий; 2) переход знаменательных слов в служебные и модальные слова, а также междометия, 3) взаимодействие между служебными словами.

Образование функциональных омонимов в современной лингвистике считается особым объектом исторического (диахронного) словообразования. Однако оно не может не учитываться и при синхронном описании частей речи, так как в целом является перманентным процессом. И в современном языке одна и та же словоформа может оказаться в синтаксических позициях разных частей речи. При этом полный час-

²⁰ В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1935. С. 104.

²¹ См. указ. соч. С. 105.

теречный разрыв происходит далеко не всегда. По наблюдению В. В. Бабайцевой, при переходе единицы из одной части речи в другую возникает «зона синкретизма», т. е. «область переходных образований, характеризующихся синтезом (совмещением) дифференциальных признаков взаимодействующих частей речи как в синхронном, так и в диахронном плане»²².

В качестве яркого примера описываемого явления можно привести субстантивированные причастия. Субстантивация причастий в современном языке продуктивна. В форме среднего рода причастия обычно образуют событийные субстантивы (прошрое, минувшее, случившееся), в форме мужского и женского рода — личные существительные (вошедший, вошедшая, сказавший, сказавшая, служащий, служащая, осужденный, осужденная).

Особенностью таких слов оказывается то, что они регулярно сохраняют значение глагольных категорий вида, времени и залога. Примеры: *Приходится признать, что ни одна из этих сводок нукда не годится. Раньше всего: ни на какую ногу описываемый не хронал, и росту был не маленького и не громадного, а просто высокого* (Булгаков). *<Развяжите ему руки.> — Чем хочешь ты, чтобы я поклялся? — спросил развязанный* (Булгаков). *<Маргарита догадалась, что она летит с чудовищной скоростью...> Поворачивая голову вверх и влево, летящая любовалась тем, что луна несется над нею, как сумасшедшая...* (Булгаков). *Ждать пришлось недолго: открыла Ивану дверь какая-то девочка лет пяти и, ни о чем не спрашивая у пришедшего, немедленно ушла куда-то* (Булгаков). *Весь под ногами шар земной. Живу. Дышу. Пою. Но в памяти всегда со мной погибшие в бою* (Щипачев).

При частеречной характеристике таких причастных субстантивов приходится или в существительных выделять слова с глагольными признаками (что разрушает морфологическую целостность существительных как части речи), или расширять представление о гибридности причастий, приписывать им сходство не только с прилагательными и глаголами, но и с существительными, считать, что причастию как классу определенных глагольных словоформ свойственно замещать субстантивные позиции (Именно такое решение принимается в настоящем пособии).

Функциональные омонимы усложняют деление словарного состава на семантико-грамматические разряды. Они же частично объясняют полевую структуру частей речи в целом.

Вторая причина внутривчастеречного синкретизма — это синтаксическая деривация, т. е. образование таких производных слов, которые

²² В. В. Бабайцева. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Филологические науки. 1983. № 5. С. 37.

по определению сохраняют лексические значения своих производящих основ и получают отличное от них морфологическое оформление. В результате существительные, являющиеся именами действий, имеют не только признаки имени (род, число, падеж, согласуемое определение, синтаксические функции), но и глагола. Они, как глагол, обладают свойством синтаксического управления, нередко сохраняют при этом соответствующую глагольную дистрибуцию: *рассказать о чем-нибудь* → *рассказ о чем-нибудь*, *обучить чему-нибудь* → *обучение чему-нибудь*, *переходить через что-нибудь* → *переход через что-нибудь*, *наградить за что-нибудь* → *награждение за что-нибудь* и т. д.

Порядковые числительные как синтаксические дериваты количественных числительных, с одной стороны, морфологически и синтаксически (согласуются с существительными) совпадают с прилагательными, с другой стороны, сохраняют свойства своих производящих основ: 1) «образуют в совокупности ассоциативный ряд слов, связанных между собой постоянным строго определенным количественным значением таким образом, что все рядом стоящие слова отличаются друг от друга одной семей (все слова отличаются одно от другого рядом стоящего в системе одним и тем же значением — единицей): первый, второй, третий, четвертый и т. д.» (Л. Д. Чеснокова), 2) называют признак, указывая на место предмета в счетном ряду, 3) образуют составные формы, аналогичные составным количественным числительным, 4) форма множественного числа порядкового слова нетипична для сочетаний с конкретными (считаемыми) существительными (кроме *pluralia tantum*): *седьмые мальчики, *пятые груши и др.

Примечание. Л. Д. Чеснокова в результате тщательного сопоставительного анализа порядковых числительных и прилагательных, а также порядковых и количественных числительных установила, что степень соответствия порядковых слов и имен прилагательных равна 40%, а порядковых слов и количественных числительных — 44%. При этом она отметила 15 признаков, по которым порядковые слова отличаются от прилагательных, 12 признаков, объединяющих порядковые и количественные числительные, и 15 признаков, различающих их²³.

Особое место среди синтаксических дериватов занимают причастия и деепричастия. Их транспозиционная функция обозначена морфологическим оформлением. Причастие обозначает действие в позиции определения, а деепричастие — в позиции обстоятельства. Особенностью причастий и деепричастий как синтаксических дериватов является то, что они сохраняют не только лексическую, но и категориальную семантику своих производящих основ. Это мешает их объединению с прила-

²³ Л. Д. Чеснокова. Порядковые числительные в аспекте теории синкретизма // Переходность и синкретизм в языке и речи. М., 1991. С. 44–54.

гательными и наречиями. При частеречной характеристике причастий и деепричастий их либо оставляют в глаголе (чему противится морфологическое оформление этих словоформ), или выделяют в отдельную часть речи, что не соответствует представлению о том, что у самостоятельной части речи должна быть своя категориальная семантика.

Третьей причиной синкретических явлений в частях речи является функциональное сближение слов, принадлежащих к разным категориальным классам, в таких синтаксических условиях, которые не позволяют или препятствуют реализации в словоформах их грамматических свойств. «В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, и импульсы, толчки к этим преобразованиям идут от синтаксиса» (В. В. Виноградов) ²⁴.

Этот тип синкретизма проявляется в словах категории состояния на -о, таких, как *хорошо, плохо, полезно, тепло, уютно, светло, темно, просторно* и т. п. Это признаковые слова, соотносительные с краткими прилагательными в форме среднего рода и качественными наречиями, в функции главного члена безличного неглагольного предложения. Вообще, такие слова относятся к прилагательным или наречиям в зависимости от того, называют ли они признак предмета (*помещение уютно, просторно, светло, растение полезно, небо мутно, темно, поле хорошо*), или признак признака (*расположиться уютно, жить дружно, готовить хорошо, одеваться просто*). Когда подобные признаковые словоформы оказываются в безличном предложении в позиции при связке, они перестают различаться грамматически, так как при отсутствии подлежащего краткая форма не может назвать признак предмета и реализовать свое свойство согласовываться, а наречие без глагола перестает обозначать признак признака. Лексическая семантика слова сохраняется, при этом, не будучи направленной на выражение признака предмета или признака действия, нередко соотносится с именем признака как состояния. Ср. *Сердце трепещет отрадно...* (Фет), *Не отходи от меня: мне так отрадно с тобой...* (Фет); *Мне страшно этого субъекта...* (Пастернак), *Лицо страшно; Свежо и остро пахли морем На блюде устрицы во льду* (Ахматова), *На улице свежо; Тихо в комнате просторной, А за окнами мороз* (Ахматова), *Станицей тучки носятся, Тепло озарены, И в душе снова просятся* *Пленительные сны* (Фет).

Значение состояния Л. В. Щерба (а за ним и многие другие лингвисты) назвал категориальным для части речи *категория состояния*, однако оно не является общим для безлично-предикативных слов, см. об этом (§) 13.

²⁴ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1972. С. 31.

Примечание. В. В. Бабайцева различает узуальные и окказиональные синкретичные слова. Первые, как правило, стилистически нейтральны, вторые экспрессивны, «ибо привлекают внимание своей необычностью. Особенно выразительны случаи окказиональной субстантивации служебных и местоименных слов <...>. Например: *Он ждал "и", но последовало страшное "но"*» (Д. Гранин)²⁵.

Синкретические явления на границах частей речи в литературе описаны далеко не достаточно. Но и имеющиеся сведения позволяют делать вывод о том, что известная стабильность системы частей речи базируется на типичных единицах каждого класса, единицах, обладающих всем набором признаков, по которым одна часть речи отличается от других.

Что же касается синкретических единиц, то они не столько подрывают эту стабильность, сколько свидетельствуют о том, что в традиционно выделяемые части речи включаются лексемы и словоформы, подводимые под общие определения лишь частично.

Примечание. Синкретизм обнаруживается и на уровне лексико-грамматических разрядов. Например, одно и то же существительное может иметь свойства отвлеченных и конкретных слов, см. *Из шатра, толпой любимцев окруженный, выходит Петр. Его глаза сияют. Лик его ужасен. Движенья быстры, он прекрасен...* (Пушкин). Слово *движение* является отвлеченным, но у него, подобно конкретным существительным, есть формы множественного числа. В грамматических (морфологических) же категориях синкретические единицы невозможны.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабайцева В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка. Филологические науки. 1983. № 5.
- Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978. С. 128–171.
- Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. С. 41–129.
- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972. С. 30–43 (Далее обозначается как Русский язык. 1972).
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М. 1967. С. 19–34.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977. С. 3–10.
- Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978. С. 44–64.
- Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М. 1981. С. 24–41.

---

²⁵ Там же. С. 41.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Издание 7-е М., 1956. С. 62–102 (Далее это издание обозначается также: Русский синтаксис в научном освещении).

Русская грамматика: в 2-х тт. М., 1980. Т. 1. С. 453–459 (Далее обозначается как Русская грамматика–80, т. 1).

Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М., 1955.

Чеснокова Л. Д. Порядковые числительные в аспекте теории синкретизма // Переходность и синкретизм в языке и речи. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1991.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 420–434.

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 18. Частеречные признаки существительных

Существительное как часть речи объединяет лексемы с предметным значением, имеющие грамматические категории рода, числа, падежа, способные в предложении быть подлежащим и дополнением, а также определяться прилагательными.

Значение предмета в существительных является категориальным, его имеют все типы существительных, такие слова, как *человек, кошка, соловей, щука, дерево, дуб, нежность, приветствие, пальто, МТС, столовая, Петров* и т. д. Это значение проявляется в том, что существительные или называют предметы, или обозначают признаки и действия наподобие предметов. Что бы ни называло существительное, оно представляет некоторую субстанцию как независимую, как носителя признаков. Разъясняя сущность предметности, А. М. Пешковский писал: «В слове *снег* выражена определенная сумма признаков, из которых ни один не назван»²⁶. К каждому существительному можно поставить вопрос с местоимениями *кто* или *что*. Такие вопросы А. М. Пешковский назвал «мерками существительности», т. е. предметности. «Когда мы спрашиваем *кто* или *что*, мы не называем никакого предмета (да и не знаем его, иначе не спрашивали бы), а только показываем своим вопросом, что то, о чем мы спрашиваем, нам представляется как предмет, а не как качество или действие»²⁷.

²⁶ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 1920. С. 66.

²⁷ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 73.

Значение предмета может заключаться в корне (*дом, скамья, книга, перо, собака, ворон, пальто, такси* и т. п.), но в целом предметность связана с грамматической оформленностью слова, которая включает в себя формы словоизменения, суффиксы, при помощи которых образуются существительные (и другие словообразовательные признаки), замещение синтаксических позиций подлежащего и дополнения и синтаксические связи. Так, слово *нежность* лексическим значением обозначает качество, но тем не менее выражает и предметность, и это объясняется тем, что оно грамматически оформлено как существительное: образовано субстантивным суффиксом, имеет субстантивный род, изменяется по субстантивной парадигме, в предложении может быть подлежащим и дополнением и присоединять к себе согласованное определение (*Твоя нежность меня удивила*). Как уже отмечалось, для формирования значения предметности словоизменение не является строго обязательным условием: среди существительных есть несклоняемые слова.

Предметность — это грамматическая частеречная категориальная семантика. Предметность существительного, по словам А. М. Пешковского, «имеет огромное значение для нашей мысли. Без нее невозможны были бы никакое знание, никакая наука»²⁸.

К морфологическим признакам существительных, кроме рода, числа и падежа, многие лингвисты относят категорию одушевленности/неодушевленности. В Кратком справочнике по современному русскому языку одушевленность/неодушевленность определяется как несловоизменятельная классифицирующая морфологическая категория (1995. с. 221), которая выражается совпадением родительного и винительного падежей у одушевленных слов и именительного с винительным падежом у неодушевленных слов, а также выбором соответствующих форм согласованных определений. При этом одушевленность/неодушевленность существительных признается частным проявлением общей грамматической категории, в которую также входят: одушевленность/неодушевленность прилагательных, одушевленность/неодушевленность полных причастий, одушевленность/неодушевленность местоимений, одушевленность/неодушевленность числительных. У прилагательных, причастий и числительных категория одушевленности/неодушевленности является словоизменятельной, она не выражает номинативного содержания, «а служит лишь дополнительным формальным средством обозначения одушевленности существительных, с которыми сочетаются перечисленные атрибутивные слова» (Е. В. Клобуков). Одушевленность/неодушевленность как грамматическая категория характеризуется по той схеме, по которой обычно дается категория рода.

---

²⁸ Там же. С. 73.

Выделение категории одушевленности (неодушевленности) соответствует ее определению как одного из компонентов согласовательных классов, описанных А. А. Зализняком.

А. А. Зализняк выделяет согласовательные классы на основе двух признаков, рода и одушевленности. В одном классе оказываются все словоформы лексем, избирательно относящиеся друг к другу при согласовании. Так, совокупность всех словоформ существительного *карандаш* и прилагательного *новый* оказывается в одном классе, а совокупность всех словоформ существительного *учитель* и прилагательного *новый* — в другом классе.

А. А. Зализняк выделил семь основных согласовательных классов (мужской неодушевленный, мужской одушевленный, женский неодушевленный, женский одушевленный, средний неодушевленный, средний одушевленный и класс, объединяющий *pluralia tantum* с их атрибутами) и назвал их особой грамматической категорией.

Согласовательные классы являются особенностью грамматического строя русского языка. Но они не образуют отдельной морфологической категории уже потому, что выделяются по двум основаниям (согласовательные классы можно выделять и по трем признакам: роду, одушевленности и числу) ²⁹.

Примечание. В изменяемых частях речи есть и другие формальные классы, не образующие морфологических категорий. Таковы типы склонения (в именах) и спряжения (в глаголах).

Включенность в согласовательные классы сама по себе не означает, что одушевленность является морфологической категорией.

В отнесенности одушевленности/неодушевленности к морфологическим категориям не все согласуется с принципами выделения самих категорий.

1) Прежде всего содержание одушевленности/неодушевленности не соответствует тому, что называют грамматическим (морфологическим) значением. Одушевленность/неодушевленность — это понятийная категория, в которой отражается языковое представление о живых и неживых предметах. Номинативное значение, называемое одушевленностью/неодушевленностью, формируется на основе обобщения лексической семантики слов. В связи с этим существует мнение о том, что понятие одушевленности (соответственно и неодушевленности) неприменимо к признаковым словам в целом, а также к существительным, обозначающим конкретные предметы. Так, И. П. Распопов писал: «В некоторых учебных пособиях утверждается, что подразделение на одушевленные и неодушевленные касается всех существительных. Это, конеч-

²⁹ См. Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989. С. 420.

но, неверно. По отношению к существительным конкретно-вещественным и абстрактным сама постановка вопроса об их принадлежности к одушевленным или неодушевленным (если иметь в виду обозначаемые ими реалии) логически абсурдна»³⁰.

2) Одушевленные и неодушевленные слова не образуют противопоставления на основе общего содержательного компонента.

3) В языке нет морфемы, которой можно было бы приписать функцию выражения одушевленности/неодушевленности.

4) Классифицирующая функция одушевленности существенно отличается от того, что называют классифицирующей морфологической категорией. Одушевленность отделяет слова мужского рода, которые бывают одушевленными и неодушевленными в единственном и множественном числе, от слов среднего и женского родов, являющихся одушевленными только во множественном числе. В среднем и женском роде граница между одушевленностью и неодушевленностью проходит внутри слова (не бывают одушевленными в единственном числе также слова мужского рода с окончанием -а и существительные общего рода).

5) Флексия прилагательного (причастия, отчасти числительного) может указывать на то, что признак принадлежит одушевленному или неодушевленному (т. е. живому, неживому в языковой интерпретации) предмету, быть дополнительным средством выражения одушевленности/неодушевленности: ср. *вижу красивое пальто* и *вижу красивого кенгуру*. Однако вне сочетания с существительными прилагательные (причастия, числительные) по признаку одушевленности не могут быть охарактеризованы (ср. с формами рода, числа и падежа). На досинтаксическом уровне в прилагательных категорию одушевленности выделить нельзя. Согласование же в падеже, точно так же как в роде и числе, является частеречной синтаксической особенностью прилагательных.

Итак, выделение четвертой морфологической категории существительных очень спорно. Морфологическими признаками существительных остаются категории рода, числа и падежа. Что же касается одушевленности (неодушевленности), то она является основанием для выделения особого лексико-грамматического разряда существительных.

Существительное как часть речи дано и в структурно-словообразовательном отношении: есть морфемы и способы образования, которые представлены только в этом грамматическом классе. См.: -ик, -ник, -тель, -арь, -иц, -атин и т. д., аббревиация, субстантивация, универбация, усечение.

С синтаксической стороны существительные характеризуются тем, что могут быть любым членом предложения, кроме простого сказуемого (т. е. не могут замещать позицию финитной формы глагола), но спе-

³⁰ И. П. Распопов, А. М. Ломов. Основы русской грамматики. Воронеж. 1974. С. 23.

цифически их отличает от других частей речи то, что они выражают грамматическое подлежащее и дополнение. Эти две функции для существительного являются первичными. Если о какой-нибудь лексеме известно, что она не может быть ни подлежащим, ни дополнением, то можно считать известным также, что данная лексема не относится к существительным (не должна относиться).

Яркой синтаксической приметой существительных является их согласовательное свойство. Нет таких существительных, с которыми не могло бы согласоваться то или иное прилагательное.

§ 19. Лексико-грамматические разряды существительных

При описании существительных в грамматиках принято выделять лексико-грамматические разряды. В лексико-грамматические разряды слова объединяются на основе тех компонентов лексического значения, которые влияют на формообразование (т. е. обуславливают частные грамматические свойства слов).

Прежде всего существительные делятся на нарицательные и собственные.

Нарицательные существительные являются обобщенными названиями классов однородных предметов, действий, событий и др. К нарицательным относятся все существительные с понятийной семантикой: человек, физик, герой, книга, карандаш, успех, нежность, наводнение, обломовщина, выборы, серебро и т. д.

Собственные имена объединяют слова без понятийного значения, хотя эта их характеристика относительна, так как для носителей языка имена собственные могут группироваться в зависимости от того, какому классу объектов они присваиваются, и, следовательно, они могут выражать и некоторые обобщенные смыслы, например, отчества и фамилии есть только у людей.

Собственные имена либо называют индивидуализированные объекты: *Волга, Петербург, Москва, Байкал, Юпитер* или сами индивидуализируют объект, выделяя его из числа однородных предметов. Таковы, например, существительные, называющие имена, отчества и фамилии людей (*Иван Сергеевич Тургенев*), клички животных (*Жучка, Каштанка*), названия художественных произведений, журналов, газет, издательств (*«Война и мир», «Юность», «Октябрь», «Известия»*), названия театров, кинотеатров, магазинов, ресторанов, баров, кафе (*«Россия», «Ударник», «Прогресс»*) и т. д.

Имя собственное — это по существу особая языковая функция. Эту функцию могут иметь самые разнообразные слова и словосочетания. См., например, такие названия: *«Кому на Руси жить хорошо?», «Когда*

деревья были большими», «Двенадцать», «Трое», «Хорошо», «Бежин луг». В связи с этим различают единицы, для которых индивидуализирующая функция является первичной, и единицы, для которых эта функция вторична. Первые и составляют собственные существительные, а вторые обычно подводятся под так называемые собственные наименования или имена собственные по употреблению. Наименование может состоять из одной лексемы и нескольких лексем. Изучением имен собственных (в широком смысле слова) занимается специальная лингвистическая дисциплина — ономастика.

Собственные существительные имеют конкретную единичную референтную соотнесенность и употребляются в формах одного числа, чаще всего единственного, а иногда множественного: *Афины, Дарданеллы, Самара, Москва, Лермонтов, Синицын, Иван, Петрович* и т. д. Отсутствие форм множественного числа у имен собственных объясняется их индивидуализирующей знаковой ролью и не имеет силы морфологического закона. В случае необходимости такие формы могут образоваться по общему правилу (*Обеих Наташ спрощу дополнительно*).

Русские фамилии имеют свои образцы склонения. Активное употребление иноязычных имен собственных, особенно китайских, корейских, вьетнамских, иранских и др., расширяет разряд несклоняемых существительных.

Нарицательные существительные бывают четырех типов: конкретные, вещественные, собирательные и абстрактные (отвлеченные). Это разбиение связано с морфологическим числом, так как только конкретные существительные последовательно употребляются в формах обоих чисел.

Конкретные существительные обозначают людей, животных, растения и вещи: *мальчик, брат, профессор, студент, лошадь, собака, лев, судак, акула, микроб, инфузория, дерево, ель, книга, ромашка, цветок* и пр. Конкретные существительные называют дискретно существующие реалии. Как правило, они обладают свойством сочетаться с количественными числительными.

Конкретные существительные делят на личные и неличные. Личные существительные — это имена людей: *муж, супруга, москвич, булочник, блондинка, больной, старик, сластена, задира* и др. Выделение личных существительных значимо для характеристики рода, так как в этих словах род проявляется как номинативная категория.

Вещественные существительные лексически обозначают вещества: «пищевые продукты (*жир, крупа, мука, сахар*), материалы (*гипс, цемент*), виды тканей (*бархат, ситец*), ископаемые, металлы (*железо, уголь, олово, сталь, изумруд, яшма*), химические элементы, лекарства (*уран, пирамидон, аспирин*) сельскохозяйственные культуры (*овес, карто-*

фель, пшеница) и другие однородные неделимые массы»³¹. Вещественные существительные обычно употребляются в формах только одного числа, чаще единственного: *белила, серебро, золото, медь*.

Собирательные существительные обозначают некоторые совокупности лиц или предметов и при этом употребляются в формах только одного числа, регулярно единственного. Собирательными существительными являются 1) слова, собирательное значение которых выражается суффиксом (*студенчество, воронье, листва, беднота*), 2) *singulalia* и *pluralia tantum*, выражающие собирательность лексической семантикой (*мебель, хлам, деньги, дрова, джунгли*). К собирательным словам не следует относить лексемы типа *народ, стадо, стая*, которые имеют формы множественного числа и называют некоторые совокупности как дискретно существующие реалии.

Абстрактные (отвлеченные) существительные обозначают отвлеченные понятия, признаки, свойства, отношения, явления и события (*гу-манизм, хлестаковщина, беда, грех, катастрофа, война*). Особую группу абстрактных слов образуют синтаксические дериваты (*пение, нежность*). Многие абстрактные слова не имеют форм множественного числа, но в целом этот признак для них не является обязательным. Ср. *Я пришел к тебе с приветом, Рассказать, что солнце встало...* (Фет) и *Пошли приветы, поздравленья. Татьяна всех благодарит* (Пушкин).

Существительные делятся также на одушевленные и неодушевленные. Одушевленные называют живые предметы, при склонении их винительный падеж совпадает с родительным. Неодушевленные называют предметы неживые и имеют винительный падеж, совпадающий с именительным падежом.

Одно и то же слово в разных значениях может быть и одушевленным, и неодушевленным, например, существительное *летчик*, называющее человека по профессии, является одушевленным: *На телевидение пригласили знаменитых летчиков*, а в значении класса соответствующих предметов — неодушевленным: *Я бы в летчики (не в летчиков) пошел — пусть меня научат* (Маяковский); существительное *субъект* относится к неодушевленным словам, когда обозначает компонент семантической структуры предложения: *Найдите в предложении субъект*, и к одушевленным, если выражает оценку человека: *Терпеть не могу этого субъекта*. А. Н. Гвоздев обратил внимание на то, что одушевленность может быть средством разграничения омонимов: *Собрание избрало счетчиков для подсчета голосов, но В квартире поставили газовый счетчик; Наградить истребителя танков, но Сбить неприятельский истребитель* (само-

³¹ Русская грамматика. Т. I. М., 1980. С. 462.

лет); *Вспомнить Глухова* (лицо), но *Вспомнить Глухов* (город); *Пасли быков* — *Возводили быки*; *Взглянуть на орла* — *Взглянуть на Орел* ³².

Представление о живом и не живом предмете в языке и в естественных науках полностью не совпадает. К одушевленным относятся названия мифических существ, представляемых как живые (*Зевс, Юпитер, дракон, кентавр*). Одушевленными являются названия кукол (*кукла, матрешка, неваляшка*), слова *мертвец, покойник, утопленник*, некоторые карточные термины (*валет, король, туз*), названия фигур в шахматах (*конь, слон, король, ферзь*).

Одушевленных существительных, называющих неживой предмет, в языке настолько мало, что они не могут изменить представления об одушевленности как лексико-грамматическом разряде. По мнению И. П. Распопова, «в отмеченных случаях с карточными и шахматными терминами, существительными типа *мертвец, кукла* их формальную принадлежность к одушевленным существительным можно объяснить известным “одушевлением” в сознании говорящих тех реалий, которые они обозначают». А вот названия растений (растения в естествознании относятся к живому миру) оформляются и воспринимаются как неодушевленные существительные, «поскольку в нашем сознании мир живого, по-видимому, ограничен представлением о подвижности населяющих его существ» ³³. (По наблюдению Л. Л. Буланина, этот признак в языковой интерпретации *живого* был отмечен в 1893 г. в «Опыте элементарного руководства при изучении русского языка практическим способом» К. Говорова.)

Одушевленность проявляется прежде всего в словах мужского и женского рода. Одушевленные слова среднего рода немногочисленны. К ним относятся существительные *дитя, чудище, страшилище, животное, насекомое, млекопитающее, лицо* (при обозначении человека). Существительное *существо* употребляется как одушевленное (*вижу существо*) и как неодушевленное (*вижу существа*).

В существительных мужского рода одушевленность выражается в единственном и множественном числе, в существительных среднего и женского родов — только во множественном числе (*вижу насекомое / насекомых, вижу женщину / женщин*).

В синтаксисе одушевленность / неодушевленность выражаются согласованием: в В. п. прилагательное или причастие при одушевленном существительном должно стоять в форме, омонимичной родительному падежу, а при существительном неодушевленном — именительному падежу.

³² А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. Часть I. М., 1961. С. 153.

³³ И. П. Распопов, А. М. Ломов. Основы русской грамматики. С. 24.

Семантическое противопоставление одушевленных/неодушевленных слов возможно только в сфере конкретной лексики, но на основе совпадения им., вин. падежей при склонении и согласовании неодушевленными называются и те существительные, которые не обозначают конкретных считааемых предметов: *социализм, порок, грех, трава, нежность, движение, выступление*. В таких случаях имеется в виду, можно сказать, фиктивная неодушевленность (формальный признак не разграничивает реального содержания).

Singularia tantum женского рода по признаку одушевленности/неодушевленности оказываются совсем неохарактеризованными, так как винительный падеж существительных на *-а* и прилагательных женского рода имеют особые окончания, никак не связанные с лексической семантикой слов: *голубизна, седина, агитация, свежесть, сметана, синь, просесть* (то же самое можно сказать и об именах собственных типа *Англия, Русь, Россия*). Отдельные лексемы: *микроб, существо, вирус, амеба, бактерия* — употребляются как одушевленные и неодушевленные: *изучаю микробы / микробов*.

Грамматические категории имен существительных

Категория рода

§ 20. Средства выражения категории рода. Определение родовой принадлежности слова

Все существительные в русском языке, кроме *pluralia tantum*, подвоятся под один из трех родов, мужской, женский и средний. При характеристике рода существительных как морфологической категории в первую очередь возникает вопрос о том, можно ли приписать выражение рода окончанию существительных, так как только в этом случае род можно считать морфологической категорией существительных.

Этот вопрос возникает по ряду причин. 1) Род не всегда связан со словоизменением, он есть и у несклоняемых существительных: *атташе* — м. р., *мадам* — ж. р., *фойе* — ср. р. 2) Окончания существительных во множественном числе не обладают свойством дифференцировать родовую принадлежность слова. 3) Не всегда род изменяемого существительного в единственном числе можно определить по окончанию, например, лексема *домишко* в И. п. имеет окончание *-о*, а относится к мужскому роду; лексемы *домица, юноша* имеют в И. п. окончание *-а*, но тоже относятся к мужскому роду. 4) Собственно существительные (т. е. не субстантиваты — *столовая, больной, больная*) по родам не изменяются.

Формы типа *клавиш* / *клавиша*, *георгин* / *георгина* образуют варианты одной лексемы.

Перечисленные причины свидетельствуют о том, что род существительного не всегда выражается окончанием. Однако это само по себе не означает, что окончание существительных вообще не связано с родом. О зависимости рода от окончаний можно говорить уже потому, что род связан с типами субстантивного склонения. По существу о том же свидетельствует и выражение рода прилагательными. В прилагательных указанное свойство является отраженным и формируется на основе согласования форм прилагательного с соответствующими формами существительных (в частности, поэтому флексии прилагательного могут указать только на мужской, женский и средний род. В прилагательных нет ни общего, ни парного рода, нет прилагательных, которые были бы *pluralia tantum*).

Род существительных образует грамматическую категорию без «самодостаточных» (Г. И. Панова)³⁴ морфологических средств выражения.

Субстантивная флексия при выражении рода нуждается в поддержке других свойств слова. В выражение рода подключены средства разных языковых уровней: 1) морфологические — окончания: *пруд*, *река*, *озеро*, *портной*, *столовая*, *жаркое*, 2) фонематические (нулевая флексия обязательно включается в парадигму мужского рода, если она выделяется после парной твердой согласной или согласной *-j-*: *дом*, *стол*, *санаторий*), 3) словообразовательные (большинство субстантивных суффиксов охарактеризовано по роду — *подсвечник*, *сахарница*, *братство*) и 4) лексические (*дедушка*, *дядя*, *подмастерье*, *мадам*, *денди*), 5) синтаксические (согласование прилагательного и глагола с существительным — *новое пальто*, *районная МТС*, *черный кофе*, *домишко виднелся*, *пальто упало*).

В связи с тем, что род выражается языковыми средствами разных уровней, родовая принадлежность слова может определяться по разным основаниям.

Есть слова, род которых определяется по одному признаку. Например, в слове *папа* по лексическому значению, а в слове *столовая* по морфологическому — окончанию *-ая*. Но в большинстве случаев род определяется совокупностью признаков: в непроизводных словах типа *пруд*, *река*, *озеро* род дан окончанием (после соответствующих согласных) в сочетании с неодушевленностью; в производных суффиксальных словах, кроме существительных, образованных некоторыми модифицирующими суффиксами (*домишко*, *заинька*, *холодина*) род дан суффиксами в сочетании с парадигмой, т. е. окончаниями: *учитель*, *учительница*,

³⁴ Г. И. Панова. Морфологические категории в современном русском языке: аспекты формального выражения глагольного вида и рода существительных. АДД. СПб., 1996.

нежность, капель, благородство, падение, воронье и т. д. Кроме этого, есть слова, род которых определяется по склонению, но сама отнесенность существительного к данному типу склонения в синхронном срезе языка никак не мотивирована. Такими являются, во-первых, непроезженные существительные мужского и женского рода с нулевым окончанием после мягких согласных и после шипящих (*лень, день, бич, ночь, нож, рожь*), во-вторых, слова среднего рода на *-мя* (*знамя, племя, семья* и др.). Можно сказать, что в современном состоянии языка род таких слов определяется на основе узуса, хотя и выражается совокупностью окончаний. Не случайно именно здесь нередко наблюдается колебание в роде у склоняемых слов: *шампунь мой, шампунь моя, тополь мой, тополь моя, вуаль мой, вуаль моя, толь мой, толь моя*.

Еще меньше свойствами самого слова определяется род несклоняемых существительных. Если для лексического значения несклоняемого существительного релевантна сема пола, то (по общему правилу) слова, называющие мужчин, относятся к мужскому роду, слова, называющие женщин, — к женскому роду: *мадам, леди, фрау, Кармен, Элен, рантье, идадьго, конференсье, денси, кюре, атташе*. Если несклоняемое существительное является одушевленным (но не личным), то оно может употребляться и в мужском, и в женском роде (*кенгуру мой и кенгуру моя*). Частотным и неспециализированным обычно считается мужской род, однако эта рекомендация не является правилом, например, слово *шимпанзе* чаще встречается в женском роде, очевидно, в связи со словом *обезьяна*. Род остальных неизменяемых слов, т. е. неодушевленных существительных, устанавливается на основе узуса, определяется по словарю. При этом можно отметить, что большинство неодушевленных несклоняемых слов относится к среднему роду (*алиби, депо, пюре, фойе, метро, пальто, буриме, конфетти, такси*), некоторые слова употребляются в двух родах: *кофе* м. и ср., *пенальти* м. и ср., *виски* м. и ср., *рагу* ср. и м. р. Когда есть слово с родовым значением по отношению к несклоняемому существительному, то род последнего чаще всего совпадает с родом первого: *кольраби* ж. р. (капуста), *саями* ж. р. (колбаса), *цеце* ж. р. (муха), *авеню* ж. р. (улица), *хинди* м. р. (язык), *сирокко* м. р. (ветер), названия городов, журналов обычно мужского рода, названия рек, газет, республик — женского рода.

В несклоняемых аббревиатурах род определяется по главному слову сочетания, свернутого в аббревиатуру: *МГУ* м. р. = *Московский государственный университет*, *ООН* ж. р. = *Организация Объединенных Наций*, *ЦДРИ* м. р. = *Центральный дом работников искусств*. Но это правило действует непоследовательно. Аббревиатуры *РОНО* (*районный отдел народного образования*), *РОЭ* (*реакция оседания эритроцитов*) и некоторые другие среднего рода.

При определении рода существительных особо выделяют слова со значением субъективной оценки, образованные некоторыми суффиксами: *-онка, -онька(-енька), -ина, -ище, -ушка/o*, безударный *-ушка/o*. Когда указанные суффиксы образуют слова с релевантной семой пола, их род определяется по лексическому значению, например, *папа* → *папенька*, *мужик* → *мужичонка* м. р. В остальных случаях род производного слова определяется родом мотивирующего слова: *мысль* ж. р. → *мыслишка* ж. р., *заяц* м. р. → *зайчишка* м. р., *письмо* ср. р. → *письмишко* ср. р., *дом* м. р. → *домишко* м. р., *домина* м. р., *домище* м. р., *солдат* м. р. → *солда-тушка* м. р., *холод* м. р. — *холодина* м. р.³⁵

Синтаксически, посредством согласования, можно выразить род любого существительного. Но определить род по согласованию можно далеко не всегда. В формах адъективно-субстантивного словосочетания свойство дифференцировать род ярче всего обнаруживается в И. п. ед. ч.: *новый карандаш, новая ручка, новое перо, этот пенальти, это пенальти, эта кольраби*. Что касается косвенных падежей (В. п. при этом не учитывается), то они различают только женский и не-женский род: *этой кольраби* ж. р., *этого пенальти* м. р. и ср. р. Вне согласования, т. е. на основе других видов связи, синтаксическими средствами род существительных не определяется.

§ 21. Согласовательные классы

Как уже отмечалось, по согласованию прилагательного (причастия, некоторых форм спрягаемого глагола) с существительным в роде и одушевленности выделяют согласовательные классы. Классы включают все словоформы существительных и все признаковые словоформы, избираемые ими при согласовании. Классов восемь:

1 класс образуют неодушевленные существительные мужского рода: *круглый стол, захолустный городишко, черный кофе, современный МАДИ*,

2 класс — одушевленные существительные мужского рода: *способный студент, талантливый юноша, смысленый подмастерье, опытный атташе*,

3 класс — неодушевленные существительные женского рода: *глубокая река, русская печь, тушеная кольраби, совхозная МТС*,

4 класс — одушевленные существительные женского рода: *знакомая девушка, старшая дочь, настоящая леди*,

5 класс — неодушевленные существительные среднего рода: *глубокое озеро, красное знамя, вкусное рагу, высокое РОЭ*,

³⁵ Формы типа *Верунчик, Шурик*, используемые для наименования лиц женского пола, образуются с нарушением стандартных образцов и стилистически маркированы: сочетания *моя / мою Шурик* ненормативны.

6 класс — одушевленные существительные среднего рода: *незнакомое насекомое*,

7 класс — неодушевленные *pluralia tantum*: *французские духи*,

8 класс — одушевленные *pluralia tantum*: *счастливые новобрачные*.

И. Г. Милославский заметил, что в предложении, т. е. в синтаксическом строе, мужской, женский и средний роды существуют в «одушевленной и неодушевленной разновидности»³⁶. Это заключение нельзя отнести к морфологическому уровню, так как по признаку морфологического рода существительные различаются в единственном числе, т. е. там, где противопоставление по одушевленности представлено непоследовательно.

§ 22. Классы существительных, выделяемые по признаку родовой принадлежности слова

Род является классифицирующей грамматической категорией, он разделяет существительные на следующие классы:

1) существительные мужского рода. К ним относятся все субстантивы, изменяющиеся по мужским парадигмам, слова типа *дедушка*, *Михайло*, *дэнди*, *ЦДРИ*, *домишко*, слово *подмастерье*, слово *путь*, а также все несклоняемые слова, с которыми сочетаются адъективные формы мужского рода;

2) существительные женского рода. К ним относятся все субстантивы, изменяющиеся по женским парадигмам (слова с окончанием *-а/-я* и нулевой флексией третьего склонения), исключая лексему *путь*, слова типа *дедушка*, *зайчишка*, *задира* и слова на *-мя* (*знамя*, *племя*, *семья* и др.) К женскому роду относятся также существительные типа *мадам* и *МТС*, вообще все несклоняемые слова, с которыми сочетаются адъективные формы женского рода;

3) существительные среднего рода. К среднему роду относятся слова, изменяющиеся по соответствующим парадигмам (т. е. с флексией *-о/-е* в И. п. ед. ч.), кроме слова *подмастерье*, слов типа *Михайло*, *домишко*, *домище*. К среднему роду относятся существительные *бремя*, *время*, *вымя*, *знамя*, *пламя*, *племя*, *имя*, *семья*, *стреля*, *темя*, а также все несклоняемые лексемы, с которыми сочетаются адъективные формы среднего рода;

4) существительные (преимущественно неодушевленные) с неустойчивым грамматическим родом. Это слова вроде *рельс / рельса*, *калош / калоша*, *клавиш / клавиша*, *бакенбард / бакенбарда*, *заусенец / заусеница*, *чинар / чинара*, *мангуст / мангуста*, *тополь (какой) / тополь (какая)*, *вуаль (какая) / вуаль (какой)* и т. п. В языке есть тенденция к закреплению за

³⁶ Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. 1989. С. 408.

подобными существительными одного рода. Например, в современном языке лексема *гравюра* употребляется только в женском роде, а в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя есть такой текст: *По стенам навешано было тесно и бестолково несколько картин: длинный пожелтевший гравюр какого-то сражения...* Вышли из употребления такие дублетные родовые формы, как *зало, облак, санатория, госпиталь* (ж. р.), *табель* (ж. р.), *юнош, сенокоса, бискупита, авантюр* и многие другие;

5) одушевленные существительные общего рода (или двуродовые субстантивы). Ядром этого класса являются такие личные, регулярно стилистически маркированные, оценочные и выражающие качественную характеристику слова, как *грязнуля, неряха, чистюля, тупица, пройдоха, тихоня, стилига, подлиза, проныра, заика, непоседа, пустомеля* и т. п. К словам общего рода относят также 1) уменьшительные имена собственные (*Валя, Лера, Саша, Шура, Сима, Женя*) лиц мужского и женского пола, 2) иностранные несклоняемые фамилии *Жолио-Кюри, Россини, Верди, Дюма, Рабле, Гюго*, украинские фамилии на *-о Шевченко*, фамилии типа *Долгих, Крученых*, 3) несклоняемые личные существительные вроде *визави, протееже, саами*.

Слова общего рода специфически характеризуются тремя обязательными свойствами. Во-первых они должны обозначать лица мужского и женского пола, во-вторых, в словосочетании и предложении они должны соединяться с согласуемыми формами мужского и женского рода, в-третьих, вне согласования их род не определяется ни как мужской, ни как женский.

К общему роду не относятся слова, у которых обнаруживаются некоторые из перечисленных признаков. Например, в предложении *Кто-то писал ему из Москвы, что известная особа скоро должна вступить в законный брак с молодой и прекрасной девушкой* (Пушкин) слово *особа* обозначает мужчину, но к общему роду его отнести нельзя, так как у него фиксированный род, и к нему не присоединяется прилагательное в форме мужского рода.

Не следует относить к общему роду и существительные типа *доктор, профессор, историк, знаток, борец*, называющие людей по профессии или какому-нибудь качеству. Хотя такие существительные похожи на слова общего рода по значению и по согласованию форм сказуемого (*Доктор принимал / принимала больных с двух часов до семи*), но полностью с ними не совпадают. Во-первых, слова *доктор, профессор, историк* и др. имеют род вне употребления. Во-вторых, с ними в структуре словосочетания не соединяются адъективные формы женского рода: мы не говорим: **Иду к знакомой профессору / *к новой доктору на консультацию*.

Точно так же не являются словами общего рода одушевленные и неодушевленные конкретные существительные, употребляемые в оце-

ночно-предикативных, регулярно отрицательных значениях: *осел, медведь, верблюд, лиса, свинья, ворона, змея, пила, нож, шляпа*.

По наблюдению исследователей, слова общего рода неоднородны по двуродовому признаку. Они делятся на три группы. В первую группу входят слова генетически женского рода, например, *умница*. Сочетаясь с прилагательным мужского рода такие лексемы называют лица мужского пола, а в сочетании с прилагательными женского рода «остаются нейтральными к полу лица-референта» (Г. И. Панова): *Он — большой умница (*Она — большой умница), Он — большая умница, Она — большая умница*, хотя прежде всего они употребляются в значении женского рода.

Вторую группу составляют слова общего рода, генетически восходящие к мужскому роду: *староста, судья, запевала, кутила*. Частотно они употребляются в значении мужского рода. Форма прилагательного мужского рода при них указывает на лицо мужского пола, а форма женского рода — на лицо женского пола (*наш / наша староста*).

В третью группу входят существительные, по определению Г. И. Пановой, «с равной степенью проявления свойств женского и мужского рода»³⁷. К ним относятся прежде всего уменьшительные имена собственные и несклоняемые фамилии. Разграничение полов этими существительными также достигается с помощью согласуемых словоформ: *наш Саша сказал, наша Саша сказала*;

б) шестой класс образуют *pluralia tantum* (*духи, ножницы, сани*), т. е. слова, не имеющие морфологического рода.

Примечание. В некоторых грамматках выделяется четыре рода: мужской, женский, средний и парный. Парный род приписывается *pluralia tantum*. Он выделяется на основе согласовательного класса, т. е. не является собственно морфологическим.

При морфологическом противопоставлении мужского, женского, среднего родов *pluralia tantum* можно было бы говорить о четвертом, нулевом роде, что в школьной традиции соответствует утверждению «рода нет».

§ 23. Семантическое и асемантическое противопоставление родов существительных

Род как морфологическая категория образуется тремя соотносительными формами: мужского, женского, среднего родов: *пруд, река, озеро, брат, сестра, существо*. Эта соотносительность, поддержанная согласованием, по-разному представлена в неодушевленных и одушевленных существительных.

³⁷ Там же. С. 27.

Неодушевленные существительные, распределяясь между мужским, женским и средним родами, не образуют никаких содержательных оппозиций. Род неодушевленных слов асемантичен. Между тем, что называется словом, и его грамматическим родом нет смысловой связи. Окончания неодушевленных существительных имеют лишь потенциальную связь с родовой семантикой, которая может проявиться при метафорическом употреблении слова: *Рос на опушке роищи клен, в березку был тот клен влюблен...* Имея в виду родовые окончания, А. А. Потебня писал: «О том, имеет ли род смысл, можно судить лишь по тем случаям, где мысли дана возможность на нем сосредоточиться, т. е. по произведениям поэтическим»³⁸.

Лексическая семантика основ неодушевленных слов не совместима с номинативным значением рода и не участвует в распределении лексем по родам. Вследствие этого каждая лексема мужского (точно так же женского и среднего) рода оказывается одинаково противопоставленной неопределенному множеству лексем женского и среднего родов (или мужского и среднего, мужского и женского).

Иная картина в одушевленных существительных. Здесь, во-первых, почти нет слов среднего рода, и в результате родовое противопоставление регулярно имеет бинарный характер. При этом слова мужского и женского рода на основе выражения представления о поле живого существа образуют так называемые родовые пары.

Родовые пары образуются разными средствами: лексикой (*бабушка / дедушка, мальчик / девочка, мужчина / женщина, отец / мать, брат / сестра, баран / овца, жеребец / кобыла*), морфемами (*ленинградец / ленинградка, писатель / писательница, Александр / Александра, больной / больная, лев / львица, гусак / гусыня*), синтаксически (*горький / горькая сирота, наш / наша староста, мой / моя визави*), но в любом случае они одинаково важны для языкового мышления. Если возникает необходимость для существительного мужского рода, например *чукча*, найти слово, соответствующее по роду, возможности поиска оказываются строго предопределенными: или должно быть существительное (в данном примере — *чуканка*), обозначающее соответствующее лицо женского пола и образующее со словом *чукча* родовую пару, или женский пол должен обозначаться синтаксически, согласованием, — в таком случае само существительное *чукча* оказывается словом общего рода. Для выделения родовых пар необходима грамматическая семантика. Такой семантикой и является значение пола.

Родовые пары образуют оппозиции двух типов, эквиполентные (*бабушка — дедушка, дядя — тетя, мать — отец, супруг — супруга, гусак — гусыня, блондин — блондинка, наш Саша — наша Саша*) и прива-

³⁸ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968. С. 483.

тивные (*учитель — учительница, тракторист — трактористка, кот — кошка, заяц — зайчиха, горькая сирота — горький сирота, наш староста — наша староста*). В привативных парах есть компонент, немаркированный член оппозиции, который обладает свойством называть лицо как мужского, так и женского пола. В одних парах таким компонентом бывает слово мужского рода: *учитель, тракторист, ткач, кассир, лев, заяц* и т. п., например, *Наталья Петровна — учитель средней школы, Этот человек — тракторист, Она по профессии ткач, Лев — царь зверей, Заяц здесь не водится*; в других парах — слово женского рода: *кошка, овца, лиса, умница*, например, *У них жила кошка, Здесь можно охотиться на лису, Учитель по математике — большая умница*. Контекст может изменять характер противопоставления в родовой паре, например, существительное *москвич* в предложении *Каждый москвич знает, где находится Кремль* не указывает на пол человека, хотя на уровне словаря является обозначением мужчины.

По признаку номинативного грамматического значения и вхождения в родовые пары все одушевленные существительные можно разделить на три группы.

1) В первую группу входят те существительные, которые образуют родовые пары на уровне речевого узуса. О таких существительных шла речь выше.

2) Во вторую группу входят слова с потенциальной родовой семантикой. Для них вхождение в родовые группы является потенциальным свойством, обусловленным включенностью в выражение номинативного рода словообразовательных моделей. Это слова вроде *педагог, филолог, историк, жук, муравей, судак, лещ*. На уровне речевого узуса подобные лексемы употребляются безотносительно к родовой семантике. Однако в случае необходимости они могут быть втянуты в родовое противопоставление, например, *филология, историчка, клопадь* (пример Н. Д. Арутюновой); *Жили-были осьминог и осьминожка...* (из мультфильма).

3) К третьей группе относятся одушевленные существительные вообще лишённые номинативного значения рода: *октябренок, слоненок, лошадь, собака, гусь, насекомое, дитя*.

§ 24. Языковой статус категории рода существительных с точки зрения словоизменения

Существует общее мнение о том, что категория рода существительных является классифицирующей, т. е. компоненты, образующие категорию по отношению друг к другу являются разными словами. Этот вывод не вызывает никаких сомнений, когда речь идет о неодушевленных словах. Но среди одушевленных слов есть формы, которые могут

быть связаны и со словоизменением. Этими формами являются субстантивированные прилагательные и причастия мужского и женского рода с общим лексическим значением основы: *больной* — *больная*, *звеньевой* — *звеньевая*, *учащийся* — *учащаяся*, *заведующий* — *заведующая*, *арестованный* — *арестованная* и т. п.

А. И. Смирницкий, характеризуя грамматическую категорию рода, пришел к выводу о том, что под давлением системных отношений между родами существительного в целом необходимо и указанные формы тоже считать разными словами³⁹. Однако это заключение А. И. Смирницкого не является бесспорным, и в первую очередь потому, что в языке есть субстантивы общего рода. В лексикографической практике слова общего рода принято давать одной лексемой. В таком случае признается, что в языке есть такой пласт существительных, которые совмещают в своем значении номинативные семы двух родов, выявляемые синтагматически, в согласовании. Можно считать, что «двуродовость» личных субстантивов проявляется в словоизменении.

Итак, есть основания признать род существительных категорией смешанного типа, преимущественно классифицирующей и частично (на периферии части речи) словоизменительной. Этот вывод не позволяет вывести род существительных за пределы морфологии⁴⁰.

§ 25. Продуктивная тенденция в развитии категории рода

Продуктивная тенденция в развитии рода существительных связана с углублением аналитизма в грамматическом строе русского языка. Она состоит в том, что расширяется аналитическое, т. е. средствами словосочетания, выражение рода. Это наблюдается как в словах с асемантическим родом (см. выражение рода в несклоняемых неодушевленных существительных), так и при экспликации номинативного родового значения (см. выражение рода у слов типа *гуляка* и *доктор*).

Активизация синтаксических средств выражения асемантического рода связана, с одной стороны, с продуктивностью в языке образования аббревиатур, с другой — с общим увеличением количества несклоняемой иноязычной по происхождению лексики и географических названий, утративших склонение.

В сфере номинативного рода проникновению аналитических приемов способствуют слова общего рода и существительные мужского ро-

³⁹ См. А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя языка. М., 1955. С. 28.

⁴⁰ Личные субстантивы для интерпретации рода важны также потому, что в них значение пола можно приписать только окончанию, так как их лексические основы выражают признаки в широком понимании этого слова. Другими словами, окончания субстантивов совершенно очевидно имеют номинативные родовые значения.

да, обладающие свойством называть лица женского пола и в структуре предикативного сочетания соединяющиеся с согласуемыми формами женского рода *Военфельдшер добросовестна и не большие* (В. Панова), а также несклоняемые личные существительные.

Распространение аналитических приемов в выражении рода существительных должно было бы «расшатывать» морфологический род, однако этого не происходит. Устойчивость морфологического рода во многом объясняется его связью с суффиксальным словообразованием, которое занимает центральное место в субстантивной словообразовательной системе.

Категория числа

§ 26. Средства выражения категории числа

Основным средством выражения числа являются окончания. В каждой словоформе изменяемых существительных окончание является знаком грамматического числа (*страна* → *стра́ны*, *страны́* → *стран*, *стране* → *странам*, *страну* → *страны*, *страной* (ою) → *странами*, *о стране* → *о странах*). Морфологического числа нет только в несклоняемых словах. Число выражается также синтаксически, согласованием. На основе согласования грамматическое число может приписываться и несклоняемым лексемам: *вкусное рагу*, *черный кофе*, *дорогая салями* — ед. ч., *новые такси*, *модные пальто*, *красивые жалюзи* — мн. ч. Поскольку нет таких существительных, к которым нельзя было бы присоединить согласуемое определение, можно сказать, что категория числа характеризует часть речи в целом.

Образование форм числа может сопровождаться морфонологическими явлениями, разными чередованиями фонем, сдвигами в ударении (*ухо* → *уши*, *сосед* → *соседи*, *сон* → *сны*, *стра́на* → *стра́ны*, *рука́* → *ру́ки*). В некоторых лексемах формы единственного и множественного числа образуются от разных формообразующих основ (*медвежонок* → *медвежата*, *горожанин* → *горожане*, *стул* → *стулья*, *кум* → *кумовья*, *дно* → *донья*, *судно* → *суда*, *курица* → *куры*).

Некоторые существительные имеют двойные формы множественного числа, которые, как правило, не бывают равноправными: *сын* → *сыновья* → *сыны* (торж., архаич.), *друг* → *друзья* → *други* (торж., архаич.), *снег* → *снега* → *снеги* (торж., архаич.), *волос* → *волосы* → *волоса* (простореч.). Такие двойные формы могут разграничивать лексические значения: *зуб* → *зубы* (человека, животного) → *зубья* (пилы), *лист* → *листья* (деревьев) → *листы* (бумаги), *кол* → *колы* (в дневнике ученика) → *колья*

(в заборе). Отдельные дублетные формы выражают собирательность: *клячья, брусья, коренья, каменья, уголья*.

У слов *ребенок* и *человек* значение числа выражается лексически: *дети, люди*.

§ 27. Разряды существительных, выделяемые по признаку морфологического числа

По признаку числа существительные делятся на четыре группы. В первую группу объединяются лексемы, у которых формы единственного и множественного числа не различаются по лексическому значению. Они образуют ядро грамматической категории числа: *стол, дом, скамья, перо, страна, армия, заяц, кошка, человек, мудрец* и т. д.

Во вторую группу входят лексемы, у которых формы единственного и множественного числа по значению не совпадают: *вода, снег, песок, масло, красота, посев, посадка, копченость*, и поэтому они употребляются в разных контекстных условиях: говорят *намазать масло* (а не *масла*) *на хлеб, играть в песок* (а не в *пески*), *пить кипяченую воду* (а не *воды*), *начать посев* (не *посевы*) *кукурузы*.

Третья группа объединяет *singularia tantum* (*сметана*). Четвертая — *pluralia tantum* (*кудри*). Первые отличаются от вторых тем, что они потенциально не изолированы от форм множественного числа, которые нередко встречаются в поэзии, в языке художественной литературы: *И сколько там сумрака ночи, И тени, и сколько прохлад* (Ахматова); *В часы весеннего томления И пляски белых облаков Бывают головокружения У девушек и стариков* (Гумилев); *Дожди за моим окном, Беды и блажи на сердце* (Цветаева); *Я не могу без тебя жить! Мне и в дожди без тебя — сушь, мне и в жары без тебя — стыть, мне без тебя и Москва — глушь* (Асеев); *Взаимные вежливости были произнесены, оба пожали друг другу руку* (Достоевский).

В морфологическом строе языка нет запретов на образование соотносительных форм числа у *singularia tantum*. Дефектность числовой парадигмы *singularia tantum* относительна.

Pluralia tantum выразить представление о количестве предметов при помощи морфемы не могут.

К *singularia tantum* относят вещественные, собирательные и отвлеченные существительные (*молоко, медь, листва, воронье, гуманизм, голубизна*).

В *pluralia tantum* выделяют такие группы: 1) слова, называющие предметы, симметрично организованные, состоящие из двух или нескольких частей (*ножницы, брюки, шорты, сани, носилки, очки, перила, ворота*), 2) совокупности чего-нибудь как множества (*дрова, деньги, финансы, джунгли, дебри*), 3) многоактные, многосубъектные, многообъ-

ектные действия, процессы, состояния (*похороны, крестины, бега, выборы, нападки, хлопоты*), 4) вещества, материалы (*белила, чернила, дрожжи, румяна, обои, сливки, стройматериалы*), 5) отрезки времени (*сутки, каникулы, сумерки, потемки, будни, святки*), 6) географические имена собственные (*Альпы, Афины, Карпаты, Соловки, Лихоборы*). Перечисленные разряды не охватывают все лексемы без соотносительных форм числа.

При характеристике *singularia* и *pluralia tantum* важно обратить внимание на то, что они разграничиваются не по семантическому, а по формальному признаку: *сметана* — *сливки, олифа* — *белила, тайга* — *джунгли, тряпье* — *объедки, прах* — *сумерки*.

Одушевленных существительных, употребляемых только во множественном числе, немного. Это такие слова, как *девчата, ребята, ребяташишки, супруги* (муж и жена), *родители* (мать и отец), *молодожены, молодые, новобрачные*. Их можно назвать *pluralia tantum* по причине отсутствия соотносительных форм единственного числа, но по значению они иные, так как указывают на «не один предмет» (девчата = девушки) или на два предмета (молодожены).

§ 28. Статус категории числа в системе субстантивного формообразования

Существуют разные мнения о том, к какому типу грамматических категорий, словоизменительных или классифицирующих, следует относить число существительных. Традиционно принято считать, что существительные в русском языке изменяются по числам. Ф. Ф. Фортунатов и многие его последователи связывают число со словообразованием, выделяя только одну словоизменительную категорию существительных — падеж. Основным доводом в пользу такой интерпретации являются многочисленные расхождения форм числа в лексической семантике, которые нередко приводят к формированию отдельных лексем, например, *долг* — ‘обязанность’ и *долги* — ‘взятое взаймы’, *грязь* — ‘размокшая от воды почва’ и *грязи* — ‘озерный или морской лечебный ил’, *час / часы* как единица измерения времени и *часы* как прибор для такого измерения. Есть и дополнительные аргументы, такие, как отсутствие родового противопоставления и регулярное (в отличие от единственного числа) выражение одушевленности/неодушевленности во множественном числе, несовпадение формообразующих основ в некоторых типах слов (*гражданин* → *граждане, опенок* → *опята*).

Третья точка зрения компромиссная. Она состоит в том, что число признается категорией смешанного типа: в сфере конкретной лексики существительные изменяются по числам, а в остальных случаях распределяются по числам. Существительные, изменяющиеся по числам, соче-

таются с количественными числительными (один карандаш, пять карандашей).

Кроме конкретных, по числам изменяются и те отвлеченные слова, которые обозначают конкретные события, а также считаемые проявления действий, процессов, состояний и имеют формы единственного и множественного числа с одним и тем же лексическим значением: *гроза* → *грозы*, *катастрофа* → *катастрофы*, *прыжок* → *прыжки*, *скачок* → *скачки*, *прогулка* → *прогулки*, *встреча* → *встречи*, *болезнь* → *болезни*, *выстрел* → *выстрелы*. Некоторые лингвисты считают такие отвлеченные слова конкретными. Так, А. Н. Гвоздев при выделении категории конкретности о словах типа *упражнение*, *прогулка*, *перерыв*, *залп*, *дождь*, *ураган* пишет: «Все такие слова наравне с существительными, обозначающими ограниченные в пространстве особи, по их грамматическим признакам следует включить в категорию конкретных существительных»⁴¹.

Семантическая структура категории числа тоже не может быть определена однозначно.

С одной стороны, она имеет признаки бинарного привативного противопоставления с немаркированным компонентом формой единственного числа: именно единственное число может называть один предмет (*Жили-были старик со старухой*) и может указывать на некоторую совокупность предметов: *Швед, русский* — *колет, рубит, режет* (Пушкин) = шведы, русские колют, рубят, режут.

С другой стороны, есть случаи немаркированного употребления формы множественного числа: высказывание *К ней приехали гости* не определяет количества гостей. В коллективной монографии «Русский язык и советское общество» отмечено, что немаркированные формы множественного числа могут быть у существительных а) со значением предмета-вещи (нелица), б) со значением лица. У слов со значением нелица в современном языке они встречаются в основном в разговорном языке и, как правило, экспрессивно и эмоционально окрашены: *Некогда мне по магазинам ходить!* (речь может идти об одном магазине). У личных существительных употребление таких форм «развивается и укрепляется»: *В Давлеканове красноармейцы* (форма не означает обязательно множества лиц) *сообщили Федору, что в полковом обозе везут какую-то девушку, захваченную по дороге* (Фурманов)⁴².

В результате число в целом не подводится ни под привативные, ни под эквивалентные категории.

⁴¹ А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. Часть 1. М., 1961. С. 152.

⁴² См. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. М., 1968. С. 154–159.

§ 29. Грамматическое значение категории числа

Грамматическое значение числа является номинативным. Формы единственного числа называют один предмет, формы множественного числа — неопределенное множество предметов, в том числе и два предмета. А. А. Потебня отмечал, что, когда в языке было двойственное число, представление о *много* начиналось с трех, после утраты двойственного числа оно начинается с двух⁴³. Другими словами, наши предки считали не так, как мы считаем. Мы считаем: *один, много*, а они считали: *один, два, много*.

Грамматическое значение числа участвует в формировании объективного, отражающего действительность, содержания предложения (в синтаксисе оно называется диктумным). В референтно ориентированных высказываниях выбор форм числа для носителей языка релевантен. Это совсем не одно и то же, скажем ли мы *Под крышей свила гнездо ласточка* или *Под крышей свили гнезда ласточки*.

Грамматическое значение числа имеет такие особенности.

1) Оно формируется на основе бинарного противопоставления соотносительных морфологических форм при сохранении лексического значения слова: *дом* → *дома*, *страна* → *страны*, *окно* → *окна*. Ни в случаях типа *снег* / *снега*, *нежность* / *нежности*, ни в *singularia tantum*, ни в *pluralia tantum* окончание словоформы не выражает номинативного значения числа. Флексия числа имеет грамматическую семантику только при противопоставлении форм с одним и тем же лексическим значением. Когда лексема *pluralia tantum* называет считаемый предмет, представление о количестве или передается контекстом, или опирается на некий жизненный опыт, знание типовых жизненных ситуаций. Например, можно полагать, что в предложении *На мальчишке были дырявые джинсы* словоформа *джинсы* называет один предмет, но это никак не связано с окончанием.

Грамматическое значение числа реализуется только при словоизменении.

2) Грамматическое значение числа зависит от референтной ориентации существительного в высказывании. Например, в предложении *Грузины живут на Кавказе* словоформа множественного числа выражает значение совокупности, так как грузины представлены здесь как класс, как нация. Та же самая словоформа не может иметь этого значения в условиях конкретной референтной соотнесенности: *На вокзале к нему подошли грузины*. См. также: *Волк — осторожное животное* и *Из зоопарка убежал волк*. В первом случае форма единственного числа имеет значение совокупности, во втором — единичности. Контекстные ус-

⁴³ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. 1958. С. 50.

ловия употребления форм числа могут модифицировать грамматическое значение числа.

3) Зависимость от контекстных условий проявляется не только в модификации грамматического значения. Коррелятивная форма числа (как правило, единственного) может употребляться безотносительно к идее счета вообще. Например, в предложении *Люблю грозу в начале мая* <...> (Тютчев) форма ед. ч. *грозу* выбирается для обозначения явления как такового. В ней не акцентируется ни значение *один*, ни значение *несколько*. Контекст может нейтрализовать номинативное значение числа.

Нейтрализации числовой семантики может способствовать синтаксическое место, занимаемое существительным. Когда существительное оказывается в наречной позиции, его числовое значение нередко как бы отходит на второй план, становится незначимым для высказывания, и говорящий выбирает форму числа в соответствии с узусом, без опоры на количественные отношения: *Но невеста молодая, До зари в лесу блуждая, Между тем все шла да шла И на терем набрела* (Пушкин). В приведенном тексте нельзя заменить единственное число слова *заря* на множественное, хотя в других случаях это существительное может употребляться с опорой на числовое противопоставление: ср. 1) *А зори здесь тихие* (Б. Васильев); 2) *Одна заря сменит другу Спешит, дав ночи полчаса* (Пушкин).

Особо надо отметить позицию при связке в составном именном сказуемом, где действует правило так называемого смыслового согласования с подлежащим, и форма числа в сказуемом бывает предопределена формой подлежащего: *Петушок мой золотой Будет верный сторож твой* (Пушкин).

Грамматическое значение числа релевантно в тех условиях, в которых сохраняется возможность выбора морфологической формы.

4) Число зависит также от лексики. Как уже отмечалось, эта связь проявляется в возможностях формообразования, многие существительные не употребляются во множественном числе по причине своего лексического значения. Это значит, что лексическое значение может «зачеркивать» грамматическую семантику числа.

Примечание. Возникающие в обществе (и у отдельных личностей) потребности могут преодолевать указанный лексический барьер. К примеру, слово *инициатива*, разлив в себе значение ‘предложение, направленное на достижение результата’, в современном общественно-политическом языке стало активно употребляться в обоих числах.

§ 30. Основные контекстные (синтаксические) значения форм единственного и множественного числа

Формы ед. ч. могут иметь:

1) значение единичности: *Белеет парус одинокий (Лермонтов), Седой мудрец младому другу Кричит вослед: Счастливым путем! Прости, любви свою супругу, Советов старца не забудь! (Пушкин);*

2) значение совокупности (множественности, класса): *Вчерашний вечер помню живо: Синели глубио небеса, Лист трепетал, красноречиво Глядели звезды нам в глаза (Фет); Читатель, расскажу ль тебе, Куда красавица девалась? (Пушкин); Ведь совершенства тоже нет на земле, а все-таки всякий стремится к нему: умный желает быть умнее, ученый — учение, добродетельный — добродетельнее; ну, а богатый желает быть еще богаче (А. Островский); Изведал враг в тот день немало, Что значит русский бой удалый (Лермонтов);*

3) дистрибутивное или распределительное значение: *И царевна очутилась В светлой горнице; кругом Лавки, крытые ковром (Пушкин) — каждая лавка покрыта ковром; Поседали твои волосы. Глаза Замутила, затумила слеза (Ахматова);*

4) форма употребляется безотносительно к счету: *То змейкой, свернувшись клубком, у самого сердца колдует <...> (Ахматова).*

Примечание. Окончания единственного числа тех слов, у которых формы числа нетождественны по лексическому значению (*ум / умы, хлеб / хлеба, трава / травы, колкость / колкости, посадка / посадки*) так же, как и у *singularia tantum*, числа не выражают (*Он торгует золотом и лесом*), однако формы множественного числа в таких случаях грамматическое номинативное значение утрачивают не всегда: в отвлеченных существительных оно обнаруживается регулярно (*копченость / копчености, посадка / посадки*), в вещественных — нерегулярно (*ср.1) снег / снега, песок / пески, лед / льды и 2) трава / травы*).

Формы множественного числа выражают:

1) значение неопределенного множества дискретно существующих предметов: *...Ведь есть Такие праздные счастливы, Ума недалекого ленивы, которым жизнь куда легка! (Пушкин); Целый день спят ночные цветы <...> (Фет);*

2) значение множественности как некой совокупности: *Фернандо толстый, а толстые много едят (В. Токарева); ...И не знать, что от счастья и славы безнадежно дряхлеют сердца (Ахматова);*

3) форме можно приписать и значение единственного, и значение множественного числа (немаркированное употребление формы): *Когда я пришел в себя, коробка исчезла. Должно быть, ее выбросили санитары (Паустовский) ...К тому же у него дезертиры шинель уперли (Н. Островский) — примеры Е. Н. Прокопович;*

4) с опорой на контекст формы множественного числа могут называть один предмет. Такое употребление всегда стилистически окрашено *...Ах, божье мой, еще фикусы с собой возят. Куда же он с ним денется (Катаев) — пример Е. Н. Прокопович.*

Окончания форм числа в *pluralia tantum* грамматического номинативного значения не имеют.

§ 31. Продуктивные тенденции в развитии категории числа

Продуктивные тенденции в развитии категории числа существительных связаны, во-первых, с образованием форм множественного числа от отвлеченных существительных, которые частотно по лексическому значению полностью не совпадают с формами единственного числа, во-вторых с расширением немаркированного употребления форм множественного числа у личных существительных⁴⁴.

Категория падежа

§ 32. Понятие о морфологическом падеже.

Методика выделения одного падежа и определение общей системы падежей

Падежом называют и словоизменительную грамматическую категорию существительных и те формы, которые эту категорию образуют. Посредством падежа существительное присоединяется к другим словам в предложении или к предложению в целом. Падеж как морфологическая форма образуется окончаниями.

В современной лингвистической науке принято пользоваться еще понятием семантического падежа, которое было введено американским ученым Филмором. Морфологический падеж и семантический падеж — это единицы соотносительные, но нетождественные.

Семантический падеж — это языковая универсалия. Понятие семантического падежа приложимо к языкам с разным грамматическим устройством. Семантическим падежом называют роль предметного имени (или семантического актанта) в пропозитивной структуре предложения. Например, в предложении *Ребенок спит* есть один семантический падеж (субъект состояния), в предложении *Отец подарил сыну гитару* — три семантических падежа (субъект действия, адресат, объект действия), в предложении *Бабушка крючком вяжет внучке берет* — четыре семантических падежа (субъект действия, объект действия, адресат и инструмент).

Семантические падежи в разных языках обозначаются разными средствами (необязательно флексией). В русском языке они выражаются

---

⁴⁴ См. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. С. 144–175.

прежде всего морфологическими падежами. При этом один и тот же семантический падеж может передаваться разными падежными формами, например, семантическому субъекту (субъектному актанту) в русском языке соответствует И. п. (*море шумит*), Д. п. (*мне думается*), Т. п. (*письмо написано женщиной*), Р. п. (*шум ветра*). В то же время один и тот же морфологический падеж не всегда равен семантическому падежу. Так, именительный падеж может называть ситуацию в целом: *Раннее утро. Тишина*, может иметь значение признака: *Даша — красавица / красивая*, значение количества: *Хлопот мартышке — полон рот* (Крылов).

Морфологический падеж есть не во всех языках, а только в тех, в которых у имени существительного в разных условиях употребления изменяется форма. Морфологический падеж выделяется как следствие словоизменения, т. е. он обязательно образуется флексией. Однако выражаются падежи не только окончаниями, но и лексико-синтаксическими средствами, предлогами и согласованием (*у рыбацкой сети* — Р. п., *к рыбацкой сети* — Д. п., *в рыбацкую сеть* — В. п., *в рыбацкой сети* — Т. п.). На основе лексико-синтаксического выражения падежная функция может быть приписана и несклоняемым словам (*вкусное рагу* — И. п., *вкусного рагу* — Р. п., *вкусному рагу* — Д. п. и т. д.). Не имея падежной морфологической формы, несклоняемые существительные выражают падежные значения аналитическим способом. Вот поэтому можно сказать, что падеж, как и число, характеризует субстантивную часть речи в целом.

Вопрос о методике выделения одного падежа связан с тем, что разные типы существительных имеют разное количество словоизменительных форм, например, в единственном числе слово *страна* имеет пять изменяемых форм (*страна, страны, стране, страну, страной*), слово *армия* — четыре формы (*армия, армии, армию, армией*), слово *нежность* — три формы (*нежность, нежности, нежностью*). Поэтому существует традиция выделять один падеж на двух основаниях, морфологическом и синтаксическом.

Одним падежом называют совокупность морфологических форм, обладающих свойством в одних и тех же синтаксических условиях выражать одно и то же синтаксическое значение. Так, совокупность форм, выражающих объект лишения при глаголе *лишиться* (*лишиться дома, страны, добра, любви*), образует один падеж, а другая совокупность форм, выражающих объект эмоционального отношения при глаголе *гордиться* (*гордиться домом, страной, добром, любовью*), образует другой падеж. Таким способом были получены шесть падежей, называемые Именительный, Родительный, Дательный, Винительный, Творительный и Предложный. При этом признается, что одна и та же совокупность форм, т. е. один и тот же падеж, может использоваться для выражения

нескольких синтаксических отношений, например, флексии, образующие винительный падеж, выражают значение объекта (*иметь огурец, грушу, яблоко, канифоль*) и значение меры (*работать год, неделю, лето, осень*).

Данная методика выделения падежей предопределяет очень важные последствия: 1) количество падежей у всех лексем оказывается одинаковым, 2) каждый выделенный падеж является формально выраженным, т. е. каждый падеж имеет свой набор окончаний. На уровне части речи нет падежной омонимии — омонимичные падежи представлены только в типах склонения и, следовательно, в конкретных лексемах; 3) каждый падеж в принципе характеризует часть речи в целом (каждое слово части речи), 4) система падежей не может быть открытой, так как словоизменение конечно; 5) коррелятивность падежей предполагает синтаксическое распределение.

Кроме основных шести падежей, иногда выделяют дополнительные формы: количественный падеж (*стакан чаю, таблетка аспирина*), местный падеж (*в лесу, на печи*), который отличают от объектного или собственно предложного падежа (*вспомнить о товарище, рассказать о поездке, о пёчи*), счетный падеж (*два карандаша, три столовых*), звательный падеж (*пап!*).

Морфемным основанием для их выделения являются параллельные окончания: 1) -у в Р. п. у слов мужского рода (*кваса / квасу*), 2) -у в предложном падеже у слов мужского рода (*в лесу / о лесе*) и ударяемая флексия в предложном падеже у слов женского рода третьего склонения (*о крови / в крови*), 3) ударяемое окончание у некоторых слов мужского рода в сочетаниях с числительными два, три, четыре (*нет ша́ра / два ша́ра*), 4) нулевое окончание в И. п. у существительных женского рода в позиции обращения (*Тань, мам*).

С точки зрения охвата лексики наиболее оправдано выделение счетного падежа, тем более что в сочетаниях количественных числительных с существительными не все объяснимо в синхронном языковом срезе. Так, непонятно, почему, например, существительное *рука* при числительном *три* должно быть в единственном числе — *три ру́ки*, а существительное *столовая* — во множественном числе — *три столовых* (прилагательное при этом в обоих случаях употребляется во множественном числе — *три протянутые руки, три новых столовых*. Но морфемная база у этого падежа ненадежна, с одной стороны, потому, что слов, у которых в родительном падеже в сочетаниях с числительными наблюдается перенос ударения на флексию, очень мало, с другой — потому, что указанное акцентное изменение не является обязательным: *два ша́ра*, но *два больших ша́ра*. У счетного падежа нет опорной флексии.

Что касается остальных трех форм, то они отличаются от основных падежей (и потому не могут быть поставлены с ними в один ряд) избирательным отношением к лексике (звательный падеж при этом стилистически маркирован, он отмечен в разговорном языке). Можно сказать *выпить* чаю, но нельзя сказать *купить* хлебу или *всыпать* овсу; *на носу* — это нормативная форма, а *на подбородку* — нет, говорят *Тань!*, но не говорят *Татьян Евгеньевн*.

Флексии дополнительных падежей лексически закреплены, и это закрепление не совпадает с границами типов склонения, поэтому при описании типов склонения они подаются как варианты окончания основных падежей.

§ 33. Понятие о значении падежа

Падеж синтаксичен по определению. Значением падежа традиционно называют то синтаксическое отношение (смысл), которое он выражает. Например, *И. п.*, сочетаясь с формами глагольного сказуемого регулярно имеет значение субъекта действия: *С горы бежит поток проворный*, *В лесу не молкнет птичий гам* (Тютчев); если сказуемое выражено формой страдательного залога, *И. п.* называет объект действия: *Космос изучается людьми*; когда именительный падеж употребляется в качестве приложения, он имеет значение признака: *Чижиха захлопнула злодейка-западня* (Крылов); в позиции главного члена номинативного предложения *И. п.* называет бытующий предмет, т. е. имеет экзистенциальное значение: *Ночь, улица, фонарь, аптека* (Блок); в функции названия используется именительный назывной: *«Анна Каренина»*, в функции обращения — именительный вокативный: *Красуйся, град Петров...* (Пушкин); при выражении количественных отношений выделяется именительный количественной семантики: *Мало слов, а горя реченька, горя реченька бездонная* (Н. Некрасов).

Все русские падежи многозначны. В отличие от грамматической семантики числа значение падежа не формируется противопоставлением разных падежных форм (сочетания типа *съесть хлеб, съесть хлеба*, в которых наблюдается контрастивное употребление двух объектных падежей в одной синтаксической позиции, являются своего рода исключением). Значение падежа по-разному зависит от падежной флексии и связано с лексическим значением существительных и с занимаемыми ими синтаксическими местами. При характеристике падежей выделяют такие синтаксические позиции: 1) позиция при слове в структуре словосочетания, 2) позиция при члене предложения, при этом отдельной является позиция при связке, 3) позиция при предложении в целом, 4) автономная позиция (заголовок, обращение, главный член номинативного предложения). В некоторых случаях необходимо учитывать так назы-

ваемый внутренний контекст, т. е. распространение самого существительного в форме того или иного падежа.

§ 34. Типы падежных значений

Как уже отмечалось, значение падежа зависит от трех обстоятельств: от падежной формы, от лексического значения существительного и от синтаксической позиции, занимаемой падежом. С учетом этих обстоятельств падежи вслед за Е. Куриловичем делят на два типа, грамматические (абстрактные) и семантические (конкретные).

Грамматические (Е. Курилович называет их также синтаксическими) — это падежи со значением объекта и субъекта. Их специфической особенностью является то, что значение падежа зависит прежде всего от синтаксического места, т. е. предопределяется тем словом или словоформой, к которым падеж относится. При употреблении такого падежа говорящий фактически не имеет выбора. Например, словоформа *смеется* называется смеющийся предмет. Этот предмет в русском языке выражается дважды, личным окончанием глагола и именительным падежом подлежащего. С именительным падежом согласуется форма глагола, окончание которой реализует глагольную субъектную валентность. Вот поэтому и И. п. любого существительного независимо от лексической семантики слова при словоформе *смеется* выражает значение субъекта действия: *смеется человек, смеется природа, смеется душа*. Лексема *походить* в значении *быть похожим*, релятивная по своей знаковой функции, открывает при себе позицию для В. п. с предлогом *-на*. Предложно-падежная форма имеет значение объекта, которое формируется только семантикой глагола и не зависит от лексического значения самого существительного: *походить на отца, европейца, дикаря, обезьяну, статую* и т. п.

Семантические падежи, включая и предложные сочетания (они называются еще наречными), отличаются от грамматических тем, что их значения предопределяются прежде всего падежными окончаниями (а также предлогами) и лексической семантикой существительных. Они меньше зависят от синтаксических мест, хотя и не могут занимать любую синтаксическую позицию. Так, значения форм *в лесу, под столом, (ранним) утром, (поздним) вечером, к обеду, в июле, для храбрости, без дождя, в крапинку, с улыбкой, из-за грозы* и т. п. могут быть определены и вне структуры предложения.

Семантические падежи и предложно-падежные формы неоднородны. Прежде всего среди них можно выделить обстоятельственные и признаковые формы. Первые попадают под понятие свободного падежа, предложенного Г. А. Золотовой: свободные падежи обладают свойством употребляться в качестве заголовков, т. е. быть синтаксически неза-

висимыми. Вторые связаны с реализацией атрибутивной валентности глаголов и существительных: *писать мелким почерком, писать с ошибками, пальто на меху, чулки в резинку, верхушки деревьев, голоса птиц*. Кроме этого, к семантическим относятся падежи со значением дифференцированного объекта (адресата, орудия, средства, целевого назначения и др.: *писать другу, ударить копьём, накормить кашей, купить ручку для двери*).

Н. Ю. Шведова как отдельную разновидность выделила так называемые восполняющие синтаксические отношения, а в связи с этим и падежи с восполняющим значением. Восполняющие отношения возникают в подчинительных словосочетаниях с информативно недостаточными (абсолютно не употребляющимися) опорными словами (*обернуться бедой, отличаться выносливостью, закатиться смехом*). Восполняющий падеж вместе с главным словом образует сочетание, которое с точки зрения смысла, содержания «не обладает свойствами раздельности»⁴⁵. У восполняющих падежей в семантической структуре предложения нет своей роли.

Выделение грамматических, семантических и восполняющих падежей отражает разные приемы вхождения падежа в структуру словосочетания и предложения, т. е. в синтаксическую форму.

Взгляд на падеж с точки зрения номинативной функции предложения (другими словами, пропозиции) выявляет в падежах интерпретационное свойство: падежи не только называют участников ситуации, но и выражают отношения между ними. Если в предложении *Маша схватила рукой собаку поменять местами* падежи: *Собака схватила Машу за руку*, образуется высказывание с иным смыслом. Значение абсолютного большинства русских предложений не может быть организовано без интерпретационной роли падежей. Особо эта роль должна быть отмечена у именительного падежа. Любой актант, обозначенный именительным падежом, как бы повышается в ранге (С. Д. Кацнельсон) и становится источником, инициатором обозначенной в предложении ситуации.

§ 35. Основные значения падежей

Значения именительного падежа были даны в предыдущем параграфе. К сказанному можно добавить, что именительный падеж широко представлен в именном сказуемом. Это именительный предикативный: *Дворяне все — родня друг другу* (Блок); *Талант — единственная новость, Которая всегда нова* (Пастернак); *Вы — подлинность, Вы — обаяние, Вы вдохновение само* (Пастернак), *В то время был еще жених Ее суп-*

⁴⁵ Русская грамматика. Т. 2. М., 1980. С. 16.

руг... (Пушкин), *Одна радость и даже страсть Жданова были песни* (Л. Толстой).

Родительный падеж имеет значение 1) объекта: *лишиться свободы, добиться результатов, бояться грозы, не иметь друзей, строительство дома*; 2) субъекта: *пение соловья, народу на собрание не пришло, мальчиков в доме не оказалось, в коридоре нет окон*; 3) носителя признака: *бледность лица, красота души*; 4) признака — родительный определительный, часто опирающийся на внутренний контекст: *страна чудес, житель города, жена соседа, блокнот отца, человек благородного воспитания, сукно зеленого цвета, крыша дома, ножка стула*; 5) количества и совокупности: *две книги, мешок картошки, бутылка вина, пропасть хлопот, несколько вопросов, табун лошадей, стая воробьев*; 6) восполняющее: *дело совести, дело чести, мера длины*, 7) даты: *первого апреля, девятого мая*.

Дательный падеж может иметь значение 1) объекта: *завидовать другу, помогать товарищу, учить грамоте*; 2) субъекта: *мальчику смешно, ребенку нездоровится, подруге неинтересна моя работа, сестре надо ехать в институт, сегодня быть грозе*; 3) адресата: *купить подарок сыну, написать письмо матери, подмигнуть соседу, улыбнуться девушке*; 4) определительное: *памятник Пушкину, цена такому человеку — грош*.

Винительный падеж имеет значение 1) объекта: *писать роман, съесть яблоко, любить животных*; 2) меры: *неделю болеть, конфет купили килограмм, жить лето на даче, работать всю ночь*; 3) в безличных предложениях — носителя процессуального признака: *руку ломит, голову просто распирает*; 4) восполняющее: *иметь значение, принимать участие*.

Творительный падеж имеет значение 1) объекта: *руководить заводом, объекта-каузатора: гордиться сыном, любоваться морем, объекта, ограничивающего проявление признака: слаб здоровьем, богат друзьями*; 2) субъекта в страдательных конструкциях и безличных предложениях: *Чины людьми даются, а люди могут обмануться* (Грибоедов); *Волной унесло лодку*; 3) орудия действия: *резать ножом, удар молотком*; 4) средства действия: *напоить чаем, объесться сливами*; 5) способа действия: *приехать автобусом, прилететь самолетом*; 6) причины, времени (в том числе и предикативно-временное), места: *Осел мой глупостью в пословицу вошел* (Крылов); *Вечером синим, вечером лунным был я когда-то красивым и юным* (Есенин); *Еще мальчишкой я слышал частушки на берегу Ладожского озера* (С. Антонов); *Дубровский поднял голову. Он ехал берегом широкого озера* (Пушкин); 7) сравнения: *Бывает, курьером на бóрзom Раскачается сердце...* (Пастернак); *Тоска пассажиркой скользит по томам...* (Пастернак); *Он носил рабочий комбинезон, сменил усы колечком на усы кисточкой* (Федин); 8) признаковое — при глаголе, часто с опорой на внутренний контекст (*говорить шепотом, смотреть*

нежным взглядом) и в позиции при связке — творительный предикативный. В таком случае обозначается признак предмета, названного подлежащим: *Фетисов был немного художником* (Ю. Нагибин); 9) восполняющее: *вильнуть хвостом, толпнуть ногой*.

Предложный падеж имеет значение 1) места: *в городе, на берегу, при море*; 2) объекта: *вспомнить о товарище, горевать о случившемся*; 3) времени: *в юности, в старости*; 4) уступки или условия: *В голоде, в холоде в городе Вологде жили мы весело, были мы молоды* (А. Яшин); 5) признаковое, в том числе в позиции при связке: *Вся в инее шапка большая, Усы, борода в серебре* (Н. Некрасов); *яблоня в цвету, юбка на подкладке*; 6) средства или способа действия: *прилететь на самолете, приехать на грузовике, жарить на масле*; 7) восполняющее: *участвовать в войне, участвовать в выборах*.

К выражению падежных значений в русском языке подключены предлоги, которые вместе с падежами образуют предложно-падежные формы. Предложно-падежные сочетания обогащают репертуар падежных значений и в отдельных случаях вытесняют беспредложные формы. Например, беспредложный творительный со значением места и времени может быть у лексически замкнутых и очень ограниченных групп слов: *ухать утром, вечером, днем, ночью, летом, зимой, весной, осенью*, но не **июлем, *декабром, *понедельником* и т. д.; *идти полем, лесом, берегом*, но не **Красной Площадью, комнатой, аудиторией* и др. Этому творительному соответствуют предложно-падежные формы: *в июле, в декабре, в понедельник, По Красной Площади, по комнате, по аудитории*.

Предложно-падежные формы замещают те же синтаксические места, что и падежи без предлогов (кроме позиции И. п.), и в целом усложняют категорию падежа в семантическом аспекте.

В связи с многозначностью всех падежей существует проблема определения инвариантного значения для каждого падежа. Такие общие значения, которые объединяли бы все случаи беспредложного и предложного употребления падежей, скорее всего отсутствуют. Во всяком случае пока никому не удалось их выделить. А. М. Пешковскому принадлежит мысль (которая признается многими современными лингвистами) о том, что грамматическую категорию может образовать «ряд форм, объединенный комплексом разнородных значений, одинаково повторяющихся в каждой форме»⁴⁶. Последние работы о падежах (Г. А. Золотовой, Е. В. Клобукова, Н. Ю. Шведовой) подтверждают вывод о том, что падежи различаются между собой совокупностями синтаксических мест, которые они занимают, и суммой значений, выражаемых при этом. Е. В. Клобуков показал, что значения падежей не просто зависят от синтаксических и лексических условий, — в разных позициях

⁴⁶ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. С. 27.

они закономерно замещают друг друга. «Полный набор позиционно чередующихся значений» падежной формы он назвал функционально-семантической парадигмой. Каждый падеж имеет свою функционально-семантическую парадигму⁴⁷.

§ 36. Склонение имен существительных

Склонением называют изменение существительных по падежам в единственном и множественном числе⁴⁸.

Термин склонение используется для обозначения как модели (системы окончаний), по которой образуются падежные формы, так и класса слов, имеющих одинаковые падежные флексии.

Принято выделять три типа собственно субстантивного словоизменения, три типа склонения существительных: первое, второе, третье. Причем названия «первое склонение», «второе склонение» в школьной практике и вузовском преподавании нередко закрепляются за разными разрядами слов. В школьных учебниках первым склонением называют изменение слов с окончанием *-а* (*вода*), во многих вузовских пособиях и в академических грамматиках — слов мужского рода (*стол*) и среднего рода (*окно*).

Кроме собственно субстантивных типов склонения, есть смешанные и адъективные типы. Отдельные лексемы имеют особые нестандартные парадигмы.

Распределение существительных по склонениям опирается на формы единственного числа, так как во множественном числе нет четких границ между типами.

К первому склонению относятся 1) существительные мужского рода, кроме слов с окончанием *-а/-я* (*дедушка, дядя, зайка, домина*) и слова *путь*, 2) слова среднего рода, кроме слов на *-мя* и слова *дитя*.

Ко второму склонению относятся слова женского, мужского и общего рода с окончанием *-а/-я* (*страна, земля, армия, дедушка, домина, староста*).

Примечание. Слова мужского рода типа *домишко* образуют формы косвенных падежей и по первому, и по второму склонению: Р. *домишка, домишки*, Д. — *домишку, домишке*, В. — *домишко, домишку*, Т. — *домишом, домишкой*, П. — *о домишке*.

⁴⁷ Е. В. Клобуков. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. М., 1986. С. 78.

⁴⁸ Склонение имен подробно описано А. А. Зализняком. См. Русское именное словоизменение. М., 1967.

К третьему склонению относятся все существительные женского рода с нулевым окончанием в именительном падеже единственного числа (*мать, нежность, любовь, лень, степь, дочь, печь, рожь, тишь*), слово мужского рода *путь*, 11 слов среднего рода на *-мя* (*бремя, время, вымя, знамя, имя, племя, пламя, польмя, семя, стремя, темя*) и существительное *дитя*.

Примечание. Так определяется третье склонение в «Русской грамматике–80». Что же касается школьной традиции, то она слова на *-мя* и существительное *дитя* выделяет в особую группу так называемых разносклоняемых слов.

Каждый тип склонения имеет свою совокупность падежных окончаний, в целом общую для лексем данного типа. Важно иметь в виду, что сказанное относится к набору фонем в парадигмах. Так, в единственном числе фонемный состав окончаний в субстантивных типах склонения таков:

	1-е склонение		2-е склонение	3-е склонение	
	м. р.	с. р.		ж. р.	с. р.
И.	-ø	-o	-a	-ø	-a
Р.	-a	-a	-и	-и	-и
Д.	-y	-y	-e	-и	-и
В.	как И. или Р.	как И.	-y	-ø	-a
Т.	-ом	-ом	-oj (-oju)	-ju	-ом
П.	-e	-e	-e	-и	-и

Примечания. 1. Окончание И. п. слов *бытие, небытие, житие, питание* состоит из фонемы [e], окончание Т. п. — фонем [ем], окончание П. п. — фонемы [и]. Фонеме [и] в окончании предложного падежа имеет также слово *забытье* (в забытии).

2. Существительное *путь* в Т. п. имеет окончание [ом] (*путём*). Во всех остальных падежах его окончания совпадают с окончаниями слов женского рода третьего склонения. 3. Существительное среднего рода *дитя* в Т. п. имеет окончание [oj]. Косвенные падежи слова *дитя* в современном языке, можно сказать, не употребляются. Встречающиеся формы *дитё, дитю, дитятю, дитём* являются просторечными.

В школьной и вузовской практике существует традиция при описании склонения существительных (и в целом изменения самостоятельных частей речи) формы слова и все парадигмы давать в орфографической записи. При этом выделяются твердые и мягкие разновидности в зависимости от того, как обозначается фонема после парной твердой и мяг-

кой согласной. Так, к твердой разновидности склонения относятся слова *стол, село, страна*, к мягкой разновидности — *конь, поле, земля*.

В орфографической записи склонений особо отмечаются слова с основами на согласные: *шипящие, заднеязычные и -ц*.

После шипящих и заднеязычных согласных буква *ы* в окончаниях заменяется на *-и* (*муха — мухи, мука — муки, свеча — свечи, ноша — ноши, стужа — стужи* и т. д.).

В словах с основной на шипящую и *ц* гласная буква *о* в ударяемом окончании заменяется на букву *е* в безударном окончании (*свечой — чашей, овцой — птицей, ножом — пляшем, лицом — полотенцем*).

В словах на *-ий, -ие, -ия*, основа которых оканчивается на *[j]*, буква *е* в окончании заменяется на *и* (*о санатории, о пении, о молнии*).

В орфографической записи набор окончаний в единственном числе в субстантивных склонениях представлен следующим образом:

	1-е склонение	2-е склонение	3-е склонение
И.	-ø, -о, (-ё)	-а (-я)	-ø, -я
Р.	-а (-я)	-ы (-и)	-и
Д.	-у (-ю)	-е, -и	-и
В. (неодуш.)	-ø, -о (-ё)	-у (-ю)	-ø, -я
В. (одуш.)	-а (-я)		
Т.	-ом (-ем)	-ой / -ою (-ей / -ею)	-ью, -ем
П.	-е, -и	-е, -и	-и

В дальнейшем описании материала все парадигмы приводятся в орфографической записи.

Склонение существительных во множественном числе

Во множественном числе все существительные имеют одинаковые окончания для трех падежей, дательного, творительного и предложного: Д. *-ам/-ям, Т. -ами/-ями, -ми, П. -ах/-ях* (Д. — *столам, коням, селам, полям, странам, землям, степям, лошадям, знамёнам, путям, Т. — столами, конями, сёлами, полями, странами, землями, степями, лошадьми, знамёнами, путями, П. — о столах, о конях, о сёлах, о полях, о странах, о землях, о степях, о лошадях, о знамёнах, о путях*). В связи с этим при характеристике типов склонения во множественном числе отмечаются флексии только двух падежей, именительного и родительного.

Первое склонение. И. *-ы (-и), -а (-я), -е* (*столы, кони, мышата, горюжаны, окна, поля*).

Р. -ов, -ей, -о (столов, коней, мышат, горожан, окон, полей).

При этом в твердой разновидности в словах с основой на заднеязычные и шипящие (ножи, пороги, размахи, яблоки) не бывает окончания -ы.

У слов мужского рода основным окончанием И. п. является -ы(-и), некоторые слова имеют в И. п. флексию -а(я): бока, глаза, дома, берега. Флексии -а имеют существительные на -онок(-ёнок): котенок → котят, лягушонок → лягушата, опёнок → опята.

У слов на -анин(-янин) окончание -е: харьковчанин → харьковчане, рижанин → рижане, горожанин → горожане, однополчанин → однополчане, крестьянин → крестьяне. Окончание -е имеют также существительные барин, боярин, цыган → баре, бояре, цыгане.

Основным окончанием И. п. мн. ч. слов среднего рода является -а(-я). Но слова на -ко обычно имеют флексию -и: плечико → плечики, колесико → колесики, яблоко → яблоки, очко → очки (так же, как слова мужского рода: домишко → домишки).

В окончании Р. п. -ов буква -о заменяется на -е в словах с основой на -ј и на -ц, если ударение падает на основу: ср.: Р. — столов, отцов, но пальцев, подмастерьев, санаториев, платьев).

Окончание -ов является основным в твердой разновидности слов мужского рода: столов, домов, порогов, кварталов, кленов, слонов и т. п. Посредством флексии -ов(ев) образуется Р. п. у некоторых лексем ср. р.: колесико → колесиков, плечико → плечиков, облако → облаков, очко → очков, платье → платьев, болотце → болотцев, но полотенце → полотенец, блюдо → блюдец.

Окончание Р. п. -ей имеют в мужском роде слова мягкой разновидности и существительные на шипящие (Р. — коней, дней, учителей, ножей, карандашей), в среднем роде — слова мягкой разновидности (полей, морей), а у существительных с основой на шипящую представлена нулевая флексия (ложе → лож).

От основ на -[ј] только во множественном числе (т. е. когда в параллельных основах форм ед. ч. -[ј] отсутствует) формы родительного падежа образуются у одних существительных с окончанием -ей, у других — с окончанием -ёв с заменой буквы -ё на букву -е в безударном положении: мужей, князей, корней, друзей, сыновей и братьев, сучьев, кольев, перьев, крыльев, зятьёв). Если основа на -[ј] является общей и для единственного, и для множественного числа, то окончанием Р. п. бывает -ев в мужском роде и нулевое в среднем роде: санаториев, планетариев, гениев, воробьев, строений, выступлений, украшений, ружей, копий.

Нулевое окончание в Р. п. мн. ч. имеют существительные среднего рода твердой разновидности (село → сел, болото → болот), существительные мужского рода с окончанием -о(е) в И. п. ед. ч. (домишко → домишек, домище → домищ), а также слова м. р. типа горожанин, октябренок. Кроме этого, нулевое окончание оказывается у некоторых лексем

м. р. (*партизан, чулок, сапог, а не партизанов, чулков, сапогов*), которые обычно даются списком.

Второе склонение. Существительные второго склонения в И. п. мн. ч. имеют окончание *-ы(и)*. При этом в словах на заднеязычные и шипящие вместо *-ы* бывает окончание *-и*: *страны, звезды, овцы, земли, руки, мухи, кочерги, ноши, лужи*.

Окончания Р. п. — *-а, -ей*. Нулевая флексия является основной, ее имеет большинство слов второго склонения в твердой и мягкой разновидности (*стран, звезд, овец, мух, рук, земель, деревень, бань*). Для слов типа *скамья, гостья, шалунья* (основа на *ј*- после согласного) действует такое правило: если в именительном падеже единственного числа ударение падает на окончание (*скамья*), перед *ј*- появляется беглая гласная *-е*: *скамей*. Если в форме именительного падежа ударение падает на основу (*гостья, шалунья*), беглой гласной оказывается *-и*: *гостий, шалуний*. В словах типа *песня, вишня* (*-н'* после согласного), кроме беглой гласной, происходит чередование *н'/ин*: *песня* → *песен, вишня* → *вишен, сотня* → *сотен, басня* → *басен*. Исключения: *барышень, боярышень, деревень, кухонь*. Если *-н'* предшествует гласная (*яблоня, героиня*), то отвердения согласного не происходит: *яблонь, героинь*.

Окончание *-ей* образует форму Р. п. у отдельных лексем (иногда при наличии дублетной формы с нулевой флексией): *свеча* → *свечей, сакля* → *саклей, юноша* → *юношей, дядя* → *дядей, пригоршня* → *пригоршней, тихоня* → *тихоней, распря* → *распрей*.

Третье склонение. У существительных женского рода, а также у слов *путь* и *дитя* в И. п. мн. ч. окончание *-и* (*степи, лошади, пути, дети*), у существительных среднего рода — окончание *-а* (*знамена, племена, семена*).

В Р. п. мн. ч. слова женского рода, слово *путь* и слово *дитя* имеют окончание *-ей* (*степеней, лошадей, путей, детей*), слова среднего рода — нулевое окончание (*знамен, племен, семян*).

Основные парадигмы склонения

Твердая разновидность 1-го склонения

	Единственное число		Множественное число	
И.	стол	село	столы	села
Р.	стола	села	столов	сел
Д.	столу	селу	столам	села́м
В.	стол	село	сто́лы	села́
Т.	сто́лом	село́м	стола́ми	села́ми
П.	(о) столе	(о) селе	(о) столах	(о) селах

Мягкая разновидность 1-го склонения

Единственное число

И.	конь	санаторий	поле	строение
Р.	коня	санатория	поля	строения
Д.	коню	санаторию	полю	строению
В.	коня	санаторий	поле	строение
Т.	конём	санаторием	полем	строением
П.	(о) коне	(о) санатории	(о) поле	(о) строении

Множественное число

И.	кони	санатории	поля	строения
Р.	коней	санаториев	полей	строений
Д.	коням	санаториям	полям	строениям
В.	коней	санатории	поля	строения
Т.	конями	санаториями	полями	строениями
П.	(о) конях	(о) санаториях	(о) полях	(о) строениях

Твердая разновидность 2-го склонения

Слова с основой на шипящие, заднеязычные и -ц

Единственное число

И.	страна	чаша	рука	птица
Р.	страны	чаши	руки	птицы
Д.	стране	чаше	руке	птице
В.	страну	чашу	руку	птицу
Т.	страной (ою)	чашей (ею)	рукой (ою)	птицей (ею)
П.	(о) стране	(о) чаше	(о) руке	(о) птице

Множественное число

И.	страны	чаши	руки	птицы
Р.	стран	чаш	рук	птиц
Д.	странам	чашам	рукам	птицам
В.	страны	чаши	руки	птиц
Т.	странами	чашами	руками	птицами
П.	(о) странах	(о) чашах	(о) руках	(о) птицах

Мягкая разновидность 2-го склонения

	Единственное число		Множественное число	
И.	земля	армия	земли	армии
Р.	земли	армии	земель	армий
Д.	земле	армии	землям	армиям
В.	землю	армию	земли	армии
Т.	землѐй (ёю)	армией	землями	армией
П.	(о) земле	(об) армии	(о) землях	(об) армиях

Парадигмы 3-го склонения

Единственное число

И.	ночь	кость	путь	знамя	дитя
Р.	ночи	кости	пути	знамени	дитяти
Д.	ночи	кости	пути	знамени	дитяти
В.	ночь	кость	путь	знамя	дитя
Т.	ночью	костью	путѐм	знаменем	дитятей
П.	(о) ночи	(о) кости	(о) пути	(о) знамени	(о) дитяти

Множественное число

И.	ночи	кости	пути	знамѐна	дети
Р.	ночей	костей	путей	знамѐн	детей
Д.	ночам	костям	путям	знамѐнам	детям
В.	ночи	кости	пути	знамѐна	детей
Т.	ночами	костями	путями	знамѐнами	детьми
П.	(о) ночах	(о) костях	(о) путях	(о) знамѐнах	(о) детях

Существительные *pluralia tantum* не образуют отдельных типов склонения и не противопоставляются в образовании падежей существительным мужского, женского и среднего родов во множественном числе. Так, формы *щипцы* → *щипцов* совпадают с формами *огурцы* → *огурцов*, формы *белила* → *белил* — с формами *окна* → *окон*, формы *брюки* → *брюк* — с формами *руки* → *рук*, формы *кудри* → *кудрей* можно поместить и в третье склонение, и в мягкую разновидность первого склонения типа *дни* → *дней*.

Singularia и *pluralia tantum* имеют дефектные парадигмы.

Слова *щец* и *дровец* употребляются только в форме Р. п. мн. ч. У существительных *башка*, *мечта* и *мольба* Р. п. мн. ч. не употребляется. Не имеют всех форм мн. ч. слова *бремя*, *вымя*, *пламя*, *темя*.

Адъективный тип склонения существительных объединяет те парадигмы существительных мужского, среднего и женского родов, которые совпадают с парадигмами соответствующих прилагательных и причастий.

Парадигмы адъективного склонения

Единственное число

И.	портной	насекомое	столовая
Р.	портного	насекомого	столовой
Д.	портному	насекомому	столовой
В.	портного	насекомое	столовую
Т.	портным	насекомым	столовой
П.	(о) портном	(о) насекомом	(о) столовой

Множественное число

И.	портные	насекомые	столовые
Р.	портных	насекомых	столовых
Д.	портным	насекомым	столовым
В.	портных	насекомых	столовые
Т.	портными	насекомыми	столовыми
П.	(о) портных	(о) насекомых	(о) столовых

Смешанный тип склонения объединяет парадигмы мужского и женского родов личных имен существительных, называющих фамилии.

Общей особенностью этих парадигм является объединение субстантивных и адъективных окончаний (адъективная флексия в ед. числе у мужского рода в Т. п., у женского рода в Р., Д., Т. и П. падежах; во мн. ч. во всех падежах, кроме именительного).

Парадигмы смешанного типа склонения

	Единственное число		Множественное число	
И.	Гусев	Птицына	Гусевы	Птицыны
Р.	Гусева	Птицыной	Гусевых	Птицыных
Д.	Гусеву	Птицыной	Гусевым	Птицыным
В.	Гусева	Птицыну	Гусевых	Птицыных
Т.	Гусевым	Птицыной	Гусевыми	Птицыными
П.	(о) Гусеве	(о) Птицыной	(о) Гусевых	(о) Птицыных

Иноязычные мужские фамилии типа *Дарвин*, *Вирхов*, а также географические названия, омонимичные с мужскими русскими фамилиями, имеют в Т. п. субстантивное окончание мужского рода: с *Дарвином*, *Вирховом*, *под городом Калинином*.

К смешанному типу склонения относятся лексемы *третье* и *ничья*, которые, будучи субстантиватами, сохраняют особенности смешанного склонения исходных прилагательных.

Склонение существительных с первым компонентом *пол-*

Сложные существительные с *пол-* (*полдома*, *полпути*, *полведра*, *полдюжины*, *полгорсти*) принадлежат к тому же роду и типу склонения, что и мотивирующее их существительное: *полдома* — м. р., 1 склонение, *полведра* — ср. р., 1 склонение, *полдюжины* — ж. р., 2 склонение, *полгорсти* — ж. р., 3 склонение, *полпути* — м. р., 3 склонение.

Специфика склонения подобных слов состоит в том, что они 1) в именительном и винительном падежах сохраняют структуру словосочетания числительных *два*, *три*, *четыре* с существительными. Другими словами, у них нет собственно субстантивных прямых падежей; 2) форм множественного числа они не имеют, 3) в косвенных падежах, кроме винительного, компонент *пол-* может заменяться, — чаще в мужском и среднем роде, — на *полу-* (*Прошло около получаса*).

Компонент *пол-* не заменяется в косвенных падежах на *полу-*, во-первых, если мотивирующее существительное одушевленное: *полчеловека*, *полбарана*, во-вторых, если в результате такой замены получаются формы, омонимичные с формами существительных типа *полусвет*, *полумрак*. Ср. 1) *полсвета* > Р. ед. ч. — *полсвета*, но не *полусвета и 2) *полусвет* → Р. ед. ч. *полусвета*.

§ 37. Нестандартные и вариантные окончания

У одной и той же лексемы в одном и том же падеже может быть два окончания, они называются вариантными, например, *нет свечей / нет свеч*. В таких случаях одно окончание бывает стандартным, другое — нестандартным. Стандартные окончания регулярны для типа склонения и лексически не закреплены, нестандартные окончания, напротив, выделяются только в части лексем данного типа склонения или его разновидности.

Нестандартные окончания в словах бывают вариантными и невариантными, например, в мужском склонении нестандартным является окончание *-е* в И. п. мн. ч. В словах *крестьянин, горожанин, землянин* оно невариантное, а в слове *барин* — вариантное, так как есть еще одна форма И. п. мн. ч.: *бары*.

Нестандартным является окончание *-у/-ю* в родительном падеже у слов мужского рода первого склонения. Это окончание имеют:

1) многие существительные (при выражении количественного значения), называющие вещества, пищевые продукты, вина, лекарства, материалы, злаки и др.: *квас, коньяк, воздух, винегрет, виноград, кефир, кисель, жасмин, аспирин, пирамидон, сыр, чай, творог, чеснок, табак* и др.; 2) некоторые слова со значением физического состояния: *ветер, звон, холод, покой, шум, визг*; 3) некоторые существительные, лексическим значением выражающие собирательность: *народ, люд, капитал, сброд*; 4) некоторые отлагольные существительные в составе устойчивых сочетаний: *дать ходу; нет износу; не до смеху; ни проходу, ни проезду*. В устойчивых сочетаниях могут употребляться формы на *-у* и от других слов: *поддать пару, задать перцу, нашего полку прибыло*. Достаточно подробный перечень случаев употребления форм на *-у* и лексем с этим окончанием дан в «Русской грамматике-80»⁴⁹.

Вариантное нестандартное окончание *-у/-ю* в предложном падеже есть в первом склонении у слов мужского рода. В некоторых существительных при помощи этой флексии разграничиваются локальное и объектное значения, например, *в лесу / о лесе, на берегу / о берегу, на лугу / о луге, на мосту / о мосте, в носу / о носе, в глазу / о глазе*; у отдельных лексем значение места выражается и окончанием *-у*, и окончанием *-е*: *в цеху, в цехе / о цехе, в терему, в тереме / о тереме, в шкафу, в шкафе / о шкафе, в чану, в чане / о чане*.

Форма на *-у* используется и для выражения определительных отношений (все так же при лексической избирательности): *пальто на меху, шапка в снегу, руки в жиру, платье в пуху, настойка на спирту, пиджак в мелу*.

⁴⁹ Т. I. С. 486–488.

Формы на -у Р. п. и П. п. образуют наречные предложные сочетания: *с размаху, с лету, с разбегу, на слуху, на виду, на весу, на веку, на скаку*.

Во множественном числе у существительных мужского рода первого склонения нестандартными являются окончания И. п. -а и -е; Р. п. -ø.

Флексия -е не является стандартной для мужского рода первого склонения потому, что она связана с ограниченным разрядом слов (слова на -анин/янин, кроме слова *семьянин*, у которого форма И. п. мн. ч. *семьянины*). Вариантным это окончание (как уже отмечено) оказывается в слове *барин*, у которого две формы И. п. мн. ч.: *баре* и *бары*. Форма на -е основная.

Флексия -а(я), по наблюдению исследователей, характеризуется активностью, в результате которой некоторые слова мужского рода утратили формы на -и/ы: *дома, берега, друзья, князья* вместо *домы, береги, други, князи*. Напомним, что это окончание образует И. п. у слов с суффиксом -онок(енок), а также у слова *хозяин* и ряда других лексем с основной множественного числа на [-j]: *медвежонок* → *медвежата*, *лисенок* → *лисята*, *чертенок* → *чертенята*, *хозяин* → *хозяева*, *брат* → *братья*, *зять* → *зятья*, *колос* → *колосья*.

Кроме указанных, в языке есть довольно большой пласт слов, которые в именительном падеже имеют два окончания, -ы(-и), -а(-я). Эти существительные двух образцов. 1) В одних словах формы множественного числа (на окончание -а регулярно падает ударение) образуются от той же основы, что и формы единственного числа: *учитель* → *учителя*, *учители*, *доктор* → *доктора*, *докторы*, *профессор* → *профессора*, *профессоры*, *кондуктор* → *кондуктора*, *кондукторы*, *шофер* → *шофера*, *шоферы*, *крейсер* → *крейсера*, *крейсера*, *лагерь* → *лагеря*, *лагери*, *договор* → *договора*, *договоры*, *инспектор* → *инспектора*, *инспекторы*. 2) В других словах форма множественного числа на -я образуется от основы на [-j], которая не совпадает с основой единственного числа: *клин* → *клины*, *клинья*, *корень* → *корни*, *коренья*, *камень* → *камни*, *каменья*, *сук* → *суки*, *сучья*, *крюк* → *крюки*, *крючья*, *клок* → *клоки*, *кlochья*, *муж* → *мужи*, *мужья*.

В первой группе формы различаются стилистической окраской. Нейтральным, как правило, бывает только один вариант. Во втором случае при помощи флексий разграничиваются лексические значения. Окончание -я чаще всего соотносится со значением собирательности.

Нестандартное для слов мужского рода нулевое окончание Р. п. мн. ч. в некоторых существительных является невариативным: *партизан, чулок, солдат, котят, горожан, армян* и др. Эта флексия тяготеет к выражению количественных отношений. Отдельные лексемы в Р. п. мн. ч. имеют конкурирующие окончания -ø и -ов(-ев): нет *апельсинов, мандаринов, баклажанов, абрикосов, помидоров, бананов* и *килограмм апельсин, мандарин, баклажан, абрикос, помидор, банан*. В письменной

речи употребление таких форм с нулевым окончанием не рекомендуется.

В среднем роде нестандартными являются окончания *-и* в И. п. мн. ч. (*колесики, плечики, яблоки*) и окончание *-ов/-ев* в Р. п. мн. ч. (*облаков, очков, доньев, деревьев, ружьев, перьев, крыльев, звеньев*), но они не являются вариантными.

Некоторые существительные второго склонения имеют две флексии в Р. п. мн. ч.: *-ø* и *-ей*: *свеч / свечей, простынь / простыней* или только флексию *-ей* (*бахчей, каланчей, саклей, возжжей*), которая у слов женского рода нерегулярна и запоминается вместе со словом, как все нестандартные окончания.

В третьем склонении вариантным является окончание Т. п. мн. ч. *-ми*: *дверями / дверьми, лошадьми / лошадьми*. Оно нестандартно, хотя и нормативно (*лошадьми, детьми, дочерьми*, см. также в сочетаниях: *пасть костьми, бить плетью*).

В некоторых существительных третьего склонения (*бровь, кровь, даль, грудь, пыль, печь* и др.) при помощи ударения различаются варианты формы предложного падежа с локальным и объектным значением: *о брови* (объект), *на брови* (место), *о пыли* (объект), *в пыли* (место), *о печи* (объект), *на печи* (место).

Нестандартно окончание *-я* в И. п. ед. ч. у слов среднего рода (*дитя, знамя*).

Существительное *гроздь* во множественном числе имеет параллельные формы: И. — *грозди / гроздьа*, Р. — *гроздей / гроздьев*. Второй вариант типовой парадигме женского рода не соответствует.

Особо надо отметить варианты окончания Т. п. ед. ч. у слов второго склонения *-ой (-ою)*: *страной (страною), рукой (рукою)*. Оба варианта стандартны. Формы на *-ою* употребляются обычно в книжной (чаще поэтической) речи. Формы на *-ой* стилистически нейтральны. Семантического различия эти падежные варианты не выражают.

§ 38. Явления, сопутствующие субстантивному словоизменению

При склонении существительных могут наблюдаться: 1) морфологические чередования гласных и согласных: *сон* → *сна*, *лев* → *льва*, *городок* → *городка*, *ущелье* → *ущелий*, *ухо* → *уши*, *черт* → *черти*, *сосед* → *соседи*, 2) образование падежей от разных основ: а) в формах ед. ч. одна основа, в формах мн. ч. — другая: *стул* → *стулья*, *муж* → *мужья*, *дно* → *донья*, *хозяин* → *хозяева*, *кум* → *кумовья*, *крестьянин* → *крестьяне*, *лягушонок* → *лягушата*; б) основа И. п. ед. ч. не совпадает с основой всех остальных падежей: *Христос* → *Христа, Христу, Христе*; *мать, матери, матерью, матерей*; *дочь* → *дочери, дочерью, дочерей*; *знамя* → *знаме-*

ни, знаменем, знамена, знамен; *пламя* → *пламени, пламенем*, в) в слове *церковь* Д., Т., и П. мн. ч. образуются в отличие от других падежей и от основы на мягкую, и от основы на твердую согласную: *церквям / церквам, церквями / церквами, о церквях / о церквах*; г) в существительном *дитя* при образовании формы мн. ч. происходит мена корневого морфа: *дитя* → *дети, детей, детям, детьми, (о) детях*; при образовании косвенных падежей ед. числа (*дитя* → *дитяти, дитятей*) происходит наращение основы на формант *-ят, д*) у слов *семя* и *стремя* в Р. п. мн. ч. наблюдается мена субморфов в основе: Р. п. ед. ч. — *семени, стремени*; Р. п. мн. ч. *семян, стремян*; 3) мена местами ударения⁵⁰.

В одних существительных при склонении место ударения не меняется, оно падает или на основу (*пáрта, пáрты, пáрте, пáрту, пáртой, о пáрте, пáрты, парт, пáртам, пáрты, пáртами, о пáртах*), или на окончание (*стол, столá, столú, стол, столóм, о столé, столý, столóв, столáм, столý, столáми, о столáх*).

В других словах ударение подвижное. Основные типы перемещения ударения следующие: 1) в формах ед. ч. ударение падает на окончание, в формах мн. ч. — на основу (*травá, травý, травé, травú, травой, о травé, травý, трав, травáм, травý, травáми, о травáх*), 2) в формах ед. ч. ударение на основе, в формах мн. ч. — на окончании (*дом, дóма, дóму, дом, дóмом, о дóме, домá, дóмов, домáм, домá, домáми, о домáх*), 3) во всех падежах, кроме И. мн. ч., ударение на окончании (*конь, коня́, коню́, коня́, конём, о конé, ко́ни, коней, коня́м, коней, коня́ми, о коня́х*), 4) во всех падежах мн. ч. и в В. п. ед. ч. ударение на основе, в остальных формах ед. ч. ударение на окончании (*душа́ души́, душе́, ду́шу, душой, о душе́, ду́ши, душ, ду́шам, ду́ши, ду́шами, о ду́шах*), 5) во всех падежах, кроме В. п. ед. ч. и И. и В. мн. ч., ударение на окончании (*нога́, ногú, ногé, нóгу, ногóй, о ногé, нóги, ног, ногáм, ногú, ногáми, о ногáх*), 6) во всех падежах ед. ч. и И. и В. мн. ч. ударение на основе, в остальных падежах мн. числа ударение на окончании (*зуб, зу́ба, зу́бу, зуб, зу́бом, о зу́бе, зу́бы, зу́бов, зу́бам, зу́бы, зу́бами, о зу́бах*).

§ 39. Несклоняемые существительные

К разряду несклоняемых существительных относятся: 1) многие иноязычные слова (*пальто, рагу, такси*), в том числе и имена собственные: *Гете, Гарибальди, Шоу, Осло, Токио, Хельсинки, Перу, Чили, Душанбе*, 2) многочисленные аббревиатуры (*МАДИ, ЦДРИ, ООН, МТС*), сложносокращенные слова типа *завкафедрой, помдиректора*, 3) фами-

⁵⁰ Акцентные изменения в склонении существительных подробно описаны А. А. Зализняком. См. Грамматический словарь русского языка. М., 1977. См. также: Русская грамматика-80. С. 511–530.

лии на *-ых/-их, -аго/-яго, -ово* (Черных, Долгих, Красных, Дурново), 4) женские имена и фамилии на согласный (*Элен, Элизабет, Гинзбург, Ирина Волк, Зегерс*), 5) украинские по происхождению фамилии на *-ко* (*Ляшко, Франко*), 6) обнаруживают тенденцию к утрате падежа наименования мест на *-ово/-ево, -ино/-ыно* (*от Тушино, до Шереметьево*), 7) отдельную группу несклоняемых слов образуют сложные слова типа *полвторого, полтретьего, полчетвертого... полдвенадцатого*. Эти слова обозначают время суток и употребляются в разговорном языке. В отличие от слов типа *полдома, полпути* они не изменяются по падежам. Исключение составляет позиция дательного падежа, в которой может появляться просторечная форма с аффиксом *-ому*: *к полвторого и полвторому*.

В последнее время несклоняемые существительные стали объединять в так называемое нулевое склонение с омонимичными падежными формами. Думается, что выделение нулевых флексий у несклоняемых существительных не соответствует определению морфологического падежа как изменяемой формы лексемы. Неизменяемые существительные морфологического падежа не имеют. Падежные значения в них выражаются неморфемным, аналитическим, способом.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. С. 126–137.
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 62–91.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977. С. 39–57.
- Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988. С. 116–153.
- Клобуков Е. В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. МГУ. 1986. С. 25–72.
- Мучник. И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971. С. 205–245.
- Панова Г. И. Морфологические категории в современном русском языке: аспекты формального выражения глагольного вида и рода существительных. СПб.– Абакан, 1996. С. 85–127.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. С. 62–74.
- Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. М., 1968. С. 144–175.
- Современный русский язык: В 3-х частях. Ч. 2. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. М., 1981. С. 93–125 (Далее: Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. Ч. 2.).
- Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 40. Семантические, морфологические и синтаксические признаки прилагательных

Категориальная частеречная семантика прилагательных в литературе определяется по-разному: иногда как значение признака предмета, иногда как значение непроцессуального признака предмета. Ср., например, 1) «Имя прилагательное — это грамматическая категория, формирующая и объединяющая слова, которые означают признак предмета <...>» (В. В. Виноградов, Русский язык) и 2) «Имя прилагательное — это часть речи, обозначающая непроцессуальный признак предмета <...>» («Русская грамматика-80»). Добавление определения *непроцессуальный*, которое прочитывается как *неглагольный* мотивировано расширением границ прилагательного как части речи.

Традиционно представление о признаке предмета связывалось с таким свойством, которое обнаруживается в предмете как бы по природе вещей. Именно так объяснял специфику значения прилагательных А. М. Пешковский. Сопоставляя прилагательное с глаголом, А. М. Пешковский подчеркивал, что глагольный признак создается деятельностью предмета. Прилагательное же изображает признак как качество, «а качества предметов не зависят от них самих, а зависят только от их природы... прилагательные изображают признаки, заложенные в природе предмета»⁵¹. А. М. Пешковский как бы уравнивает представление о неглагольности и грамматической качественности в семантической структуре прилагательного. Точно так же на качественность при характеристике прилагательных опирается и В. В. Виноградов. «Семантической основой имени прилагательного, — писал он, — является понятие качества» (Русский язык, гл. 2, (§) 1). По В. В. Виноградову, качественность неодинаково характеризует разные типы прилагательных. Прежде всего и ярче всего она обнаруживается у прилагательных качественных. Но и относительные прилагательные в результате своего морфологического строения тоже называют качества.

При таком понимании признака в прилагательные по значению не должны включаться ни порядковые числительные, ни местоименные слова, так как никаких качеств они не обозначают. Школьная традиция порядковые числительные и местоимения к прилагательным как части речи не относит.

Как видим, традиционная интерпретация частеречной адъективной семантики опирается не только на грамматическое оформление прила-

⁵¹ Русский синтаксис в научном освещении. С. 84.

гательных, но и на лексическое значение основ соответствующих слов (хотя и не очень последовательно).

В то же время можно обратить внимание на то, что все лексемы, имеющие адъективные морфологические категории, объединяются тем, что обладают свойством индивидуализации предмета, характеризуют предмет так, что в результате его можно отличить от другого предмета: *белый шар / красный шар, железная проволока / медная проволока, Танина юбка / Машина юбка, второй дом / третий дом, мой карандаш / твой карандаш*. Это и является основой для расширительного понимания прилагательных как части речи. Категориальное значение в таком случае определяется через понятие непроцессуального (неглагольного) признака.

Непроцессуальный признак предмета — это любой признак (кроме глагольного), и такой, который присущ предмету по природе вещей (*высокий деревянный дом*), и такой, который к природе вещей прямого отношения не имеет (*второй дом*). Непроцессуальный признак — это любая примета предмета, любое свойство, по которым предметы различаются между собой или, наоборот, по которым их можно объединить (*круглый шар, круглая луна, круглое яблоко*).

Значение непроцессуального признака формируется с опорой на морфологические формы прилагательного.

Частеречная семантика прилагательного может опираться на лексическое значение слова, но может предопределяться в первую очередь его грамматическими свойствами. В прилагательном *злой* значение признака выражено дважды: значением основы и грамматическим оформлением. В слове *второй* значение признака формируется окончанием, морфологическими категориями.

Слова, оформленные грамматически как прилагательные, лексически обозначают самые разнообразные признаки предметов: цвет — *черный, розовый, мышиный*; форму — *круглый, квадратный, треугольный*; размер — *узкий, широкий, большой*; положение в пространстве — *левый, правый, передний*; во времени — *вечерний, вчерашний, прошлогодний*; материал, из которого предмет сделан, — *кирпичный, медный, полотняный*; отношение к лицу или животному — *отцов, мамин, мой, волчий, медвежий*; отношение лица к предмету — *плохой, хороший, вкусный* и др.

При разграничении непроцессуальности и качественности не возникает принципиальных возражений против включения в прилагательные как часть речи порядковых числительных и местоимений соответствующего грамматического оформления.

При расширительном понимании прилагательного ядром части речи по-прежнему остаются качественные прилагательные. На периферии части речи оказываются лексемы, не называющие свойств предметов (*мамин, отцов, мой, ваш, пятый, сотый*), а также те, у которых нет мор-

фологических признаков прилагательных и которые обозначают качество корнем (*беж, бордо, моренго*).

Категориальная семантика прилагательных (или адъективная семантика) и глаголов не только различаются между собой, но имеют и сходство: и глаголы, и прилагательные называют зависимые признаки. Только существительное обладает свойством обозначить признак как отдельную самостоятельную субстанцию.

Итак, по значению прилагательное как часть речи объединяет слова, обозначающие непроецессуальные признаки предметов.

Морфологические показатели прилагательных — это категории рода, числа и падежа, посредством которых прилагательные присоединяются к существительным, именам тех предметов, чьи признаки они обозначают. По определению В. В. Виноградова, «грамматические формы имени прилагательного — в отличие от форм имени существительного — не выражают никаких дополнительных лексических значений, кроме общего значения согласуемого признака. Они вполне синтаксичны и — в силу этого — более абстрактны»⁵².

Морфологическое оформление прилагательных не является таким жестким, как оформление глаголов. Неизменяемых глаголов в языке нет, тогда как прилагательные не всегда имеют морфологические формы: *плиссе, беж, бордо, хаки, мини, макс* и т. п.

Качественные прилагательные имеют краткую форму и степени сравнения.

В структуре предложения прилагательные бывают определениями (это их первичная синтаксическая функция): *Воды глубокие / Плавно текут. Люди премудрые Тихо живут* (Пушкин) — и присвязочным компонентом именного составного сказуемого (или главного члена): *Мне совершенно все равно — где совершенно-одиноким быть* (Цветаева). Кроме этого, прилагательные регулярны в позиции обособленного члена: *Пришел нагаец, скуластый, в одной рубахе* (Л. Толстой).

§ 41. Лексико-грамматические разряды прилагательных

Прилагательные прежде всего можно разделить на два больших разряда, качественные и относительные, которые различаются между собой по нескольким параметрам: по значению, по формальным признакам, по словообразовательной структуре и словообразовательному потенциалу и по некоторым синтаксическим отношениям.

Качественные прилагательные называют собственно качества предметов, свойства, воспринимаемые органами чувств, физические

⁵² В. В. Виноградов. Русский язык. 1972. С. 151.

признаки людей и животных, квалифицирующие и оценочные признаки предметов: *красный, толстый, длинный, хромо́й, худо́й, ста́рый, молодо́й, голо́дный, до́брый, зло́й, пло́хой, хоро́ший, поле́зный, прави́льный*.

Качественные прилагательные бывают непроизводными, и в таких случаях значение признака они выражают уже семантикой корня (*бе́лый, сини́й, зло́й, глупы́й, глухо́й*). В производных суффиксальных качественных прилагательных словообразовательная морфема нередко выражает значение, которое может быть осмыслено в количественном отношении: *ветви́стый, кости́стый, говори́вый, ворчи́вый, заманчи́вый, черви́вый, привле́кательный, занима́тельный, кля́кстый, воло́сатый*. Суффикс качественного прилагательного никогда не выражает недифференцированного отношения к производящей основе, он всегда включает в себе какой-нибудь компонент индивидуализирующей семантики. Сложные качественные прилагательные включают в свою структуру мотивирующую основу качественного прилагательного: *дли́ннору́кий, кривоно́гий, толсто́брюхий, темно-красный, светло-голубо́й*.

От качественных прилагательных образуются субстантивные и наречные синтаксические дериваты (отвлеченные существительные со значением качества и качественные наречия): *синева, вы́сь, сушь, краса́та, нежност́ь, голу́бизна, кости́тость; хоро́шо, пло́хо, глупо́, челове́чно*, а также лексемы с модифицирующим словообразовательным значением: *глупы́й* → *глупе́нький, глупова́тый, преглупы́й, красны́й* → *красне́нький, красно́ватый, здоро́вый* → *здоро́венный, здоро́вущий*.

Качественные прилагательные употребляются в полных и кратких формах, имеют степени сравнения.

Качественные прилагательные образуют словосочетания, выражающие градуальные отношения (значение интенсивности признака): *очень темны́й, совсем глупы́й, безобразно худо́й, пуга́юще черны́й, необы́кновенно до́брый, на редко́сть откровенны́й*.

Наконец, у качественных прилагательных могут быть антонимы: *хоро́ший / пло́хой, до́брый / зло́й, темны́й / светлы́й, новы́й / ста́рый, живо́й / мертвы́й, близки́й / дале́кий* и т. п.

Перечисленные признаки не являются абсолютными, т. е. в совокупности они характеризуют не каждую лексему в разряде качественных прилагательных. Тем не менее на них можно опираться при определении лексико-грамматического разряда: в том или ином объеме эти признаки у качественных прилагательных обнаруживаются регулярно. Вообще-то достаточно и одного из указанных свойств, чтобы увидеть в лексеме качественное прилагательное. Например, прилагательные *же́натый, вдово́й* не должны относиться к относительным уже потому, что они имеют краткую форму.

Относительные прилагательные характеризуют предмет через отношение к другому предмету (одушевленному и неодушевленному), действию, месту и времени, участнику речевой ситуации, количеству:

железный, песчаный, клюквенный, студенческий, автомобильный, дедушкин, лисий, кафедральный, стиральный, здеиный, вчерашний, мой, твой, наш, свой, пятый, сотый, тысячный.

Относительные прилагательные не бывают непроеизводными, кроме прилагательных-местоимений. В некоторых лексемах выделяется нулевая суффиксальная морфема: *золото* → *золотой*, *свинья* → *свиной*, *пять* → *пятый*, *сто* → *сотый*.

Суффиксы в относительных прилагательных не имеют дифференцированных значений, выражая самое общее отношение к производящей основе, которое наполняется конкретным содержанием в структуре субстантивного словосочетания: *автомобильное колесо* (колесо от автомобиля), *автомобильный завод* (завод, выпускающий, производящий автомобили), *автомобильная катастрофа* (катастрофа с автомобилем).

От относительных прилагательных не образуются синтаксические дериваты. Качественные наречия образуются от относительных прилагательных только при условии их перехода в разряд качественных: *картинная поза* → *картинно позирует*, *поверхностное изучение* → *изучить поверхностно* ⁵³.

От относительных прилагательных (если они не употребляются как качественные) не образуются степени сравнения и краткие формы.

Относительные прилагательные не формируют градуальных синтаксических отношений.

Качественные прилагательные устойчивы в своих значениях. Они становятся относительными только в терминологических сочетаниях: *легкая промышленность, тяжелая промышленность, звонкий согласный, глухой согласный, черная металлургия.*

Относительные прилагательные, напротив, легко утрачивают свою относительность и в зависимости от дистрибуции получают различные качественные смыслы: *золотые серьги и золотой характер, золотые волосы; осенний месяц и осеннее настроение; чугунная ограда и чугунные объятия, медная проволока и медный цвет, свинцовые примочки и свинцовые тучи.*

Употребление относительного прилагательного в значении качественного настолько регулярно, что окачествование можно признать его потенциальным свойством. В результате граница между качественными и относительными прилагательными оказывается подвижной.

Относительные прилагательные неоднородны. Их делят на собственно относительные, притяжательные, количественные (порядковые числительные) и местоимения-прилагательные (местоимения *какой, та-*

⁵³ При этом сами относительные прилагательные нередко признаются словами с транспозиционным значением. См. Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989. С. 295.

кой при выражении степени признака: *Какой / такой красавец Недин жених!* — перестают быть относительными).

Притяжательные прилагательные образуются при помощи суффиксов *-ин-, -ов (-ев), -ий*: *отцов, председателев, Колин, мамин, сестрин, волчий, лисий, медвежий, старушечий, барсучий*. При образовании прилагательных с суф. *-ий-* на морфемном шве происходит чередование согласных (см. приведенные примеры).

Притяжательные прилагательные, особенно на *-ов*, непродуктивны. По значению они выражают принадлежность лицу или животному. Семантически они, и в первую очередь слова на *-ий-*, которые могут в зависимости от употребления выражать разные смыслы, — ср.: *лисья нора* (притяж.), *лисий воротник* (относ.), *медвежья берлога* (притяж.), *медвежья услуга* (кач.), *волчий хвост* (притяж.), *волчий мех* (относ.), *волчьи нравы* (кач.), — четко не отделены от собственно относительных прилагательных.

Притяжательные прилагательные склоняются по образцам, отличающимся от парадигм собственно относительных прилагательных (см. типы склонения прилагательных). Они выделяются в особую группу относительных прилагательных не только по значению, но и по формальному признаку.

Количественные прилагательные (порядковые числительные), будучи мотивированными количественными числительными (кроме лексем *первый* и *второй*), объединяются с собственно относительными отсубстантивными (*медный, дубовый*) прилагательными транспозиционным характером своего значения.

Количественные слова образуют особую группу относительных прилагательных как по значению, так и по словообразовательной структуре, которая во многом повторяет словообразовательную структуру количественных числительных: *триста двадцать четыре* → *триста двадцать четвертый, девяносто пять* → *девяносто пятый* и т. д.

Местоименные прилагательные характеризуют предмет через отношение по причине особенностей местоименной семантики в целом (См. об этом в разделе Местоимение). Они противопоставлены всем прилагательным, в том числе и собственно относительным, своим указательным значением. В склонении многие из них объединяются с притяжательными прилагательными.

§ 42. Морфологические категории прилагательных

Морфологически прилагательные, как и существительные, охарактеризованы категориями рода, числа и падежа. Все они являются словоизменительными и зависящими от одноименных категорий существительного.

Род, число, падеж прилагательных синкретически выражаются одними и теми же окончаниями. Окончания мн. ч. не обладают свойством дифференцировать род.

Род, число и падеж в прилагательных в абсолютном большинстве случаев асемантичны и являются только средством синтаксического согласования прилагательного с существительным, что, однако, не означает полной изолированности адъективных флексий от номинативных значений.

Флексия прилагательного выражает родовую семантику в сочетаниях с существительными общего рода и личными местоимениями 1-го, 2-го л. ед. ч.: *наш / наша староста, горький / горькая сирота, я беден / бедна, ты болен / больна, например, Трезвый, я говорить не умею (Горький), Он сулил мне золотые горы, а я, глупая, ему верила (Матезиус).*

В прилагательных на основе окончаний можно выделить три рода, мужской, женский и средний.

Формы мн. ч. выбираются по значению в некоторых типах словосочетания при одновременной отнесенности адъективного признака к нескольким предметам: *Вдали виднелись спелые рожь и пшеница; Радостные Петя с Володей возвращались домой.* Кроме этого, прилагательное имеет номинативное значение множественного числа в сочетании с формой единственного числа существительного в конструкциях с количественными числительными два, три, четыре: *Две неприятельские лошади достались тут же в добычу победителя (Пушкин).*

В позиции при связке (*Старик казался совсем больным, Девочка была крохотной, Отец вернулся усталым*), а также в конструкциях типа *Он помнил мать молодой* падеж прилагательного не выражает согласования: он, подобно субстантивному творительному падежу в таких случаях, зависит от глагола, при котором употребляется.

На основе окончаний в прилагательных можно выделить только шесть основных падежей.

При субстантивации флексии прилагательных обладают свойством принимать функции окончаний существительных: *Тут ужас до того овладел Берлиозом, что он закрыл глаза. А когда он их открыл, увидел, что все кончилось, марево растворилось, клетчатый исчез, а заодно и тупая игла выскочила из сердца (Булгаков).* Окончание в слове *клетчатый* в данном тексте указывает на один предмет мужского пола, т. е. и род, и число имеют номинативное содержание. Именительный падеж (так же, как падеж существительного) называет субъект глагольного действия.

§ 43. Одушевленность / неодушевленность в прилагательных

Прилагательные по значению нельзя разделить на одушевленные и неодушевленные. Форма винительного падежа в них зависит от того, с каким, одушевленным или неодушевленным, существительным они согласуются. Если существительное одушевленное, В. п. прилагательного совпадает с его Р. п. Если существительное неодушевленное, то в мужском и среднем родах В. п. совпадает с И. п. и в ед., и во мн. ч., а в женском роде только во мн. ч.: *сорвать белый левкой, белое покрывало, белую розу, белые левкои, белые покрывала, белые розы; увидеть незнакомого человека, незнакомых людей, незнакомых насекомых, незнакомых девушек*. Синтаксическая одушевленность / неодушевленность у прилагательных является отраженным свойством.

§ 44. Краткие формы качественных прилагательных

Качественные прилагательные употребляются в полных и кратких формах. Краткие формы не изменяются по падежам и имеют грамматический род и число.

Краткие формы образуются от полных форм посредством замены адъективных окончаний субстантивными окончаниями: нулевым в формах мужского рода (*старый* → *стар*), *-а(-я)* в формах женского рода (*старая* → *стара*), *-о(-е)* в формах среднего рода (*старое* → *старо*), *-ы (-и)* в формах множественного числа (*старые* → *стары*).

В кратких формах м. р., образованных от основ на *-н-* и *-к-* с предшествующими согласными, появляется беглый гласный: *просторный* → *просторен*, *укромный* → *укромен*, *удобный* → *удобен*, *ловкий* → *ловок*, *меткий* → *меток*, *прыткий* → *прыток*, *робкий* → *робок*. Беглый гласный появляется и перед конечными согласными *-р-* и *-л-*, когда основа прилагательного оканчивается группой согласных (*хитрый* — *хитёр*, *светлый* — *светел*), здесь чередование гласных не является обязательным (*быстрый* → *быстр*, *добрый* → *добр*, *смуглый* → *смугл*).

От прилагательных на *-енн-*, *-анн-* краткие формы м. р. образуются на *-ен* (*-енен*), *-ан*: *царственный* → *царствен* (*царственен*), *божественный* → *божествен* (*божественен*), *величественный* → *величествен* (*величественен*), *безжизненный* → *безжизнен* (*безжизненен*), *дисциплинированный* → *дисциплинирован*, *воспитанный* → *воспитан*, *образованный* → *образован*. Формы на *-енен* считаются разговорными и образуются не от всех прилагательных: *болезненный* → *болезнен* (формы на *-енен* нет). Все остальные краткие формы от прилагательных данного типа (в отличие

от кратких форм страдательных причастий) имеют -нн-: *божественна, божественно, божественны, воспитанна, воспитанно, воспитанны*.

В отдельных случаях краткие формы образуются нестандартно: *маленький* → *мал*, *большой* → *велик*, *солёный* → *солон*.

При образовании кратких форм от прилагательных с ударным окончанием ударение в м. р. переносится на основу. Акцентные типы прилагательных по соотношению конечного и неконечного ударения в полных и кратких формах подробно описаны в «Грамматическом словаре» А. А. Зализняка и в «Русской грамматике-80» (т. 1. С. 565–572). Основные типы такие: 1) в полных и кратких формах ударение падает на основу — *ру́сый, рус, ру́са, ру́со, ру́сы*; 2) в полных и кратких формах ударение падает на окончание — *смеи́шой, смеи́шн, смеи́на, смеи́нь, смеи́ны*; 3) в полных формах ударение на основе, в кратких на окончании — *хоро́ший, хоро́ш, хоро́ша, хоро́шн, хоро́шн; 4) в краткой форме женского рода ударение на окончании, в остальных формах на основе — кра́ткий, кра́ток, кратка́, кра́тко, кра́тки; 5) в полных формах и в краткой форме женского рода ударение на окончании, в остальных кратких формах на основе — молодби́, мо́лод, мо́лода, мо́лодо, мо́лоды*.

Некоторые прилагательные употребляются только в кратких формах или имеют полные формы, несоотносительные с ними по значению: *рад, горазд, должен, готов, прав*.

В целом краткие формы образуются регулярно от лексем «с очень высокой частотностью употребления» (Ю. П. Князев)⁵⁴. Многие типы качественных прилагательных кратких форм не имеют. К ним относятся:

1) производные прилагательные с экспрессивно-оценочными значениями: *красненький, добренький, толстенный, широченный, здоровенный, худющий, злющий, простецкий*; многие производные прилагательные с приставками *пре-* и *раз-*, выражающими большую степень признака: *премилый, преспокойный, разудалый, разлюбезный, распрекрасный*;

2) отглагольные прилагательные с суффиксом -л-: *беглый, спелый, вялый, обрюзглый, горелый, возмужалый, устарелый, бывалый*. При ослаблении семантических связей с глаголом и утрате производности прилагательные с конечным -л- основы краткие формы образуют: *пошлый* → *пошл*, *чахлый* → *чахл*, *смелый* → *смел*, *тусклый* → *тускл*;

3) прилагательные с суффиксами -ов (-ев), -ск-: *деловой, черновой, беговой, передовой, комический, трагический, дружеский, товарищеский*; некоторые прилагательные с суф. -н- и -н'-, образованные из относительных: *кровный, копеечный, ручной, родной, посторонний*;

⁵⁴ Теория Функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб., 1996. С. 70.

4) прилагательные, употребляющиеся только в устойчивых сочетаниях: *проливной дождь, карие глаза, заклятый враг, скоростижная смерть, закадычный друг*;

5) прилагательные *большой, меньший, старший, младший, восходящие* к сравнительной степени;

6) прилагательные, называющие масти животных: *чалый, буланый, каурый, гнедой, вороной*;

7) прилагательные, полученные адъективацией причастий: *выдающийся ученый, надутый вид, приподнятое настроение, бешеная собака, кошенная трава, пуганая ворона*. Данное ограничение распространяется на многие, тем не менее не на все прилагательные причастного происхождения. От некоторых таких лексем краткие формы образуются: *Пастор попробовал сопротивляться, но ее глаза были так испуганны и умоляющие, что он вздохнул и последовал за нею* <...> (Н. Гумилев);

8) сложные прилагательные, пишущиеся через дефис: *темно-красный, светло-голубой, оранжево-красный, солнечно-розовый*;

9) прилагательные в форме превосходной степени: *добрейший, краснейший, величайший, широчайший* ⁵⁵.

Некоторые прилагательные образуют не все краткие формы. Например, у прилагательных *вдовый, холостой, лысый, куций* употребляется только форма м. р.: *вдов, холост, лыс, куц*.

По наблюдению Ю. П. Князева (см. упомянутую монографию), количество лексем, от которых не образуется краткая форма, в языке все время увеличивается.

Чаще всего краткие формы образуются не для всех значений полного прилагательного, а только для некоторых из них, как правило, прямых или основных. Так, МАС наряду с другими у слова *бедный* выделяет значение *попавший в беду, несчастный*: *Но бедный, бедный мой Евгений... Увы! его смятенный ум Против ужасных потрясений не устоял* (Пушкин). К этому значению краткая форма не образуется, хотя с другими значениями данного слова краткая форма употребляется: *Он беден, роман беден событиями, обстановка бедна*. Лексического разрыва между формами в таких случаях обычно не происходит (очевидно, потому, что у полной формы имеется значение, тождественное значению краткой формы).

Иногда краткую форму образуют к относительному прилагательному: *восьмичленная, шестичленная парадигма → парадигма восьмичленная, шестичленная* («Русская грамматика-80»).

---

⁵⁵ Последние два случая отмечены в монографии: Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб., 1996. С. 69.

§ 45. Специфика морфологической категории полноты — краткости

Полные и краткие формы образуют особую бинарную привативную морфологическую категорию. В этой категории краткая форма — это маркированный член: она является знаком предикатного и в большинстве случаев предикативного употребления прилагательного. Полная форма, будучи слабым членом противопоставления, может употребляться и как сказуемое, и как определение (компонент субстантивного словосочетания): *Ночь темна, Ночь — темная, Была темная ночь.*

На первый взгляд может показаться, что отношения между компонентами в данной категории устанавливаются исключительно по синтаксическому признаку: краткие формы являются сказуемым, полные формы — сказуемым и не-сказуемым. На самом деле это не совсем так. Синтаксическое место, занимаемое краткой формой, не может быть определено только как позиция сказуемого.

Краткая форма, утратив падеж, действительно перестала употребляться в структуре субстантивного словосочетания и не используется в номинативной функции существительного. На вопрос: *Что это за предмет?* нельзя ответить: **Бела ромашка* (правильно сказать *белая ромашка*).

Примечание. Краткая форма в роли определения к существительному сохранилась в некоторых устойчивых сочетаниях: *среди бела дня, на босу ногу, добр конь, красна девица, по белу свету* и др.

Тем не менее в синтаксической структуре предложения краткие формы не всегда бывают сказуемым. Они (обычно в поэтическом языке) могут быть еще обособленным определением к подлежащему или предикативному ядру в целом: *Дика, печальна, молчалива, Как лань лесная, боязлива, Она в семье своей родной Казалась девочкой чужой* (Пушкин); *Золотистой долиной Ты уходишь, нем и дик* (Блок); *Говорлива и широка, ровно плещет волна народа за бортом его пиджака, словно за бортом парохода* (Смеляков). Это так называемая полупредикативная функция прилагательного. Она есть и у полной формы: *Высокий, красивый, сильный, как бык, он легко побивал всех парней в округе, а драться он любил* (Н. Гумилев); *Пьяный, он потребовал перо и бумагу и начертил важный на себя документ* (Достоевский). По сравнению с XIX в. такое употребление краткой формы заметно сократилось, но не исчезло окончательно.

В результате краткая форма так же, как и полная форма, не может быть охарактеризована одним синтаксическим признаком. Она свидетельствует только о том, что прилагательное не выражает атрибутивного отношения, т. е. не является компонентом развернутого наимено-

вания предмета. Полная и краткая формы разведены семантически. Что же касается синтаксической позиции краткой формы, то в принципе она может быть и позицией сказуемого, и позицией определения, хотя частотным является употребление в роли сказуемого.

В морфологическом строе русского языка краткие формы, не имея основной функции прилагательных, не порывают все-таки с ними как частью речи. Они сохраняют лексические значения полных форм (не всегда во всем объеме) и некоторые их синтаксические свойства (именное сказуемое и обособленное определение к подлежащему).

§ 46. Функциональное соотношение между полной и краткой формами в позиции сказуемого

В связи с тем, что именным сказуемым может быть и краткая, и полная форма *ребенок был послушен / послушный / послушным* («Русская грамматика–80»), существует проблема выбора адъективной формы в предикате. Вообще-то, это проблема синтаксиса, но по традиции при характеристике краткой формы в морфологии отмечаются некоторые ее функциональные особенности.

Прежде всего необходимо иметь в виду, что полные и краткие формы далеко не всегда пересекаются в употреблении. Существуют:

1) условия, в которых не встречаются краткие формы: сочетание прилагательного со связками, управляющими творительным падежом: *считаться каким-н., казаться каким-н., оказаться каким-н., являться каким-н.*;

2) условия, в которых не встречается полная форма. К ним относятся:

а) употребление в сказуемом прилагательного, управляющего грамматическим объектным (иногда восполняющим) падежом: 'довольный кем / чем': *Она довольна (*довольная) работой*, 'похожий на кого / что': *Сын похож (*похожий) на отца*, 'влюбленный в кого / что': *Брат влюблен (*влюбленный) в море*, 'богатый кем / чем': *Тайга богата (*богатая) зверем*, 'знакомый кому-н.': *Этот человек знаком (*знакомый) мне*, 'далекий от': *Я далек (*далекий) от мысли огорчить вас*. Краткая форма выбирается и в тех случаях, когда управление объектным падежом характеризует прилагательное только в предикативном употреблении: *широкое пальто → пальто широко ему, дикое и смешное чувство → Нам чувство дико и смешно (Пушкин), все новое → Онегину все было ново (Пушкин)*;

б) наличие зависимого инфинитива при выражении модального отношения: *Он должен / обязан / вынужден / готов помочь (ехать, работать, остаться)*;

в) высказывание без временной парадигмы: *Пространство бесконечно, Растения чувствительны к свету, Бешеные собаки опасны, Старик обидчив; Жалок тот, кто живет без идеала* (Тургенев).

Последнее условие сформулировано Ю. П. Князевым. Рассматривая примеры типа *Красавицы капризны* (П. Павленко), *Великие люди недоступны* (К. Федин), особо отмеченные Н. Ю. Шведовой, Ю. П. Князев обратил внимание на модально-временную специфику подобных предложений, на то, что отсутствие глагольной формы в таких предложениях отсылает к категории «вне времени». В них «речь идет об утверждениях общего характера и вневременной значимости, о научных определениях, афоризмах, разного рода сентенциях и поговорках». Синтаксической спецификой таких предложений является отсутствие грамматической парадигмы⁵⁶. Кроме этого, они лишены конкретной референции.

3) Наконец, есть такие условия, в которых возможны обе формы: *Сын у нее болен и Сын у нее больной; Наташа красива и Наташа красивая*. Эти условия окончательно еще не описаны. Существует мнение, оспариваемое в новых исследованиях, согласно которому полная форма выражает классифицирующий, в этом смысле постоянный, признак (*Наташа красивая* = Наташа относится к классу красивых людей). Краткая форма обозначает признак, локализованный обозначенной в предложении ситуацией, в этом смысле временный (*Некрасивая Наташа сегодня красива*). А. А. Шахматов считал, что краткие формы означают признак во времени (теперь, в настоящее время), а полные формы — признак постоянный, «тесно сочетавшийся с субстанцией»⁵⁷.

Можно обратить внимание на то, что указанное семантическое различие реализуется в предложениях конкретной референции (Примеры А. А. Шахматова: *больная мать, мать больна, ногти у него грязны, ногти у него грязные*). Как видим, краткая форма в зависимости от референтной отнесенности высказывания может называть вневременной признак (*Жизнь прекрасна*) и признак во времени локализованный (*После дождя эти сады особенно прекрасны*). Локализация признака подчеркивается распространителями предложения, в первую очередь обстоятельствами времени и места, а также общей смысловой организацией высказывания: *Брата он нашел тогда в беспокойстве, в болезненном волнении. Митя был многоречив, но рассеян и раскидчив...* (Достоевский); *Начался допрос Екатерины Ивановны <...> Надо заметить, потом весьма многие утверждали, что она была удивительно хороша собой в ту минуту* (Достоевский).

⁵⁶ См. указ. монографию. С. 71–72.

⁵⁷ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 291.

Указанное семантическое различие не всегда обнаруживается при употреблении краткой формы в конкретном высказывании. См., например, *Небольшая, низенькая комнатка, в которой он находился, была очень чиста и уютна* (Тургенев); *<Она наследовала от своей матери любовь к порядку, рассудительность и степенность>*; но она была так молода, так одинока; *Николай Петрович был сам такой добрый и скромный...* (Тургенев). Замена кратких форм полными и, наоборот, полных краткими в приведенных примерах не изменяет временной характеристики признака. Указанное различие не объясняет всех случаев употребления краткого прилагательного там, где допускается выбор формы.

Краткие и полные формы в сказуемом стилистически маркированы. Краткие формы являются книжными. Исследователи отмечают, что кратким формам отдается предпочтение в официальной и научной речи и что они, как и в XIX столетии, широко используются в поэтическом языке.

В литературе о прилагательных сделан вывод о том, что в языке в целом есть тенденция к сокращению употребления кратких форм. Это не означает, однако, что краткие формы в морфологическом строе языка обречены на отмирание. Их устойчивость предопределена теми синтаксическими условиями, которые не принимают полной формы.

§ 47. Степени сравнения

Качественные прилагательные имеют формы степеней сравнения, форму сравнительной степени и форму превосходной степени. В парадигму степеней сравнения включается и то прилагательное, от которого образуются формы степеней сравнения. Семантической основой степеней сравнения является количественная оценка меры признака. Степени сравнения являются средством градуальной модификации признака, обозначенного их производящей основой. В парадигме степеней сравнения исходное прилагательное называется формой положительной степени.

Положительная, сравнительная и превосходная степени образуют градуальную трехчленную категорию, называемую категорией степеней сравнения. Положительная степень в этой категории является слабым, немаркированным членом, так как получает значение исходной степени признака только при условии противопоставления другим степеням.

Степени сравнения от качественных прилагательных образуются регулярно и традиционно считаются особыми морфологическими формами, а категория степеней сравнения — особой морфологической категорией прилагательных.

Современные описательные грамматики русского языка включают в качестве отдельного раздел «Словообразование», в котором выделяют в рамках частей речи модели с модификационным значением. Степени сравнения, особенно превосходная, не ограничены четко от модифицирующего словообразования. Тем более что изменение по степеням сравнения наблюдается и у качественных наречий: *просто* → *проще* → *проще всего*.

Иногда категория *степени сравнения* признается двучленной (см. «Русскую грамматику—80», с. 546–547). В нее, кроме положительной степени, включается сравнительная степень, которая признается морфологической формой качественного прилагательного. Что же касается превосходной степени, то она считается модификационным дериватом мотивирующего прилагательного. Такое определение места форм степеней сравнения в адъективном формообразовании вряд ли является лучшим по сравнению с традиционным. Специфика превосходной степени выявляется на основе отношения как к мотивирующей основе, так и к сравнительной степени, т. е. внутри грамматической категории.

§ 48. Сравнительная степень (компаратив)

Сравнительная степень выражает два основных значения: 1) она указывает на то, что признак, обозначенный исходной формой, одному предмету присущ в большей мере, чем другому или другим предметам (*Коля старше Пети, Сосна выше рябины, В июне день длиннее ночи, Кошка умнее собаки, Лето теплее весны, осени и зимы*); 2) она указывает на то, что признак, обозначенный исходной формой, одному и тому же предмету в одной ситуации присущ в большей мере, чем в другой (*Зима в этом году холоднее, чем в прошлом; В современной жизни человек стал жестче; Мне кажется, что сегодня и люди добрее, и улицы спокойнее, и воздух чище*).

Форма сравнительной степени не изменяется по родам, числам и падежам. В неизменяемости форм сравнительной степени В. В. Виноградов усматривал признаки ее отхода на периферию прилагательных как части речи⁵⁸.

Формы сравнительной степени тяготеют к употреблению в позиции при связке, т. е. в роли сказуемого: *А волны всё шумней и выше* (Пастернак), но могут быть и определением *Там живут люди умнее нас с тобой*.

Формы сравнительной степени образуются от основы исходного прилагательного при помощи суффиксов *-ее (-ей)*, *-е*, *-ше*. Продуктивным является суф. *-ее (-ей)*: *белый* → *белее (белей)*, *розовый* → *розовее (ро-*

⁵⁸ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1972. С. 211.

зовей), ядовитый → ядовитее (ядовитей), ветвистый → ветвистее (ветвистей), разговорчивый → разговорчивее (разговорчивей), привлекательный → привлекательнее (привлекательней) и т. д.

От прилагательных с основой на *к, г, х* и некоторых слов с основой на *д, т, ст* сравнительная степень образуется посредством суффикса *-е*. При этом конечные согласные основы чередуются с шипящими: *громкий* → *громче*, *дорогой* → *дороже*, *тихий* → *тише*, *молодой* → *моложе*, *крутой* → *круче*, *простой* → *проще*. В прилагательных на *-ок* и некоторых на *-к* происходит усечение производящей основы (*-ок, -к* отбрасываются), оставшийся конечный согласный чередуется с шипящим или парным мягким согласным: *высокий* → *выше*, *короткий* → *короче*, *широкий* → *шире*, *сладкий* → *слаще*, *низкий* → *ниже*, *узкий* → *уже*. Сравнительная степень от прилагательного *ловкий* → *ловчее*.

Формы сравнительной степени с суффиксом *-ше* единичны: *далекый* → *дальше*, *большой* → *больше*, *ранний* → *раньше*, *тонкий* → *тоньше*, *старый* → *старше*, *долгий* → *дольше* (некоторые формы образуются от усеченной основы). Форма сравнительной степени прилагательного *глубокий* → *глубже*.

От трех прилагательных форма сравнительной степени образуется супплетивным способом: *малый* → *меньше*, *хороший* → *лучше*, *плохой* → *хуже*.

Отдельные прилагательные имеют вариантные формы сравнительной степени, образованные разными суффиксами: *большой* → *более* и *больше*, *далекый* → *далее* и *дальше*, *долгий* → *доле* и *дольше*, *маленький* → *менее* и *меньше*, *поздний* → *позднее* и *позже*.

Ударение в формах сравнительной степени никогда не падает на конечный гласный.

Форма сравнительной степени не образуется от тех прилагательных, которые называют признаки, не изменяемые по степеням: *женатый*, *вдовый*, *холостой*, *босой*, *голый*, *хромой*, *слепой*, *мертвый*, *пустой*, *русый*, *кривой* (человек), *чужой*, *негий*, *буланый*, *вороной*, *каурый*. Иногда сравнительная степень не образуется в соответствии с узусом, а не значением прилагательного: *ветхий*, *гордый*, *чуждый*, *куций*.

Не имеют формы сравнительной степени прилагательные на *-ов* (при окончании *-ой*), *-ск-*, *-л-* (отглагольные), *-оньк-* (*-еньк-*), *-оват-* (*-еват-*), сложные прилагательные на *-кий-*, *-гий-*, *-хий-* и нек. др.: *деловой*, *передовой*, *дружеский*, *дряблый*, *мягонький*, *слабенький*, *тугоухий*, *криворукий*, *длинноногий*.

От сравнительной степени образуются формы с приставкой *по-* став называемым смягчительным значением (*Дай кусочек помягче* = *Дай кусочек, который был бы несколько мягче того, что дали раньше*): *потеплее*, *посуше*, *повеселее*, *поплотнее*.

В предложении значение сравнительной степени может быть выражено аналитически, сочетанием качественного прилагательного со словом *более*. Аналитическое выражение значения сравнительной степени продуктивно, не имеет формальных ограничений: *более красный, более дружеский, более дряхлый, более деловой*, что позволяет компенсировать отсутствие морфологической формы при выражении сравнительной семантики. Аналитические сочетания могут быть образованы и с краткой формой: *более образованна, более воспитанна, более свойственна*.

В слове *более* лексическая самостоятельность (отдельность) поддерживается противопоставлением слову *менее*, которое тоже входит в сочетания с качественными прилагательными и также выражает градualное значение: *Его товарищ, напротив, возбуждал в зрителе чувство менее выгодное* (Тургенев). Однако сочетания с *менее* не выражают значения морфологической сравнительной степени, поскольку указывают на меньшую степень признака.

§ 49. Превосходная степень (суперлатив)

Различают простую (синтетическую) и аналитическую форму превосходной степени.

Простая форма образуется от основы прилагательного при помощи суффикса *-ейш-* (*-айш-*). Морф *-айш-* присоединяется к основам на задненёбные, которые при этом чередуются с шипящими: *красный* → *краснейший*, *добрый* → *добрейший*, *злой* → *злейший*, *легкий* → *легчайший*, *строгий* → *строжайший*, *простой* → *простейший*.

Простая превосходная степень образуется не от всех прилагательных. Обычно ее нет у тех же лексем, от которых не образуется форма сравнительной степени. Но ограничений на образование простой формы превосходной степени в целом больше. Она может отсутствовать и у тех слов, которые имеют форму сравнительной степени. Таковы качественные прилагательные с суффиксами *-аст-*, *-ист-*, а также многие слова с суффиксами — *лив-*, *-чив-*, *-к-*, например, *ветвистый* → *ветвистее* → *ветвистейший (превосходной степени нет), *узкий* → *уже* → *узейший, *волосатый* → *волосатее* → *волосатейший, *наваристый* → *наваристее* → *наваристейший, *молчаливый* → *молчаливее*, *молчаливейший, *разговорчивый* → *разговорчивее* → *разговорчивейший. Иногда бывает и так, что форма превосходной степени образуется, а сравнительной степени — нет: *великий* → *величайший*.

Аналитическая форма образуется сочетанием качественного прилагательного и слова *самый*. Она продуктивна, не связана с лексическими ограничениями: *самый красный, самый добрый, самый разговорчивый, самый молчаливый, самый узкий*. У прилагательных с модифицирующим суффиксом *-оват-* (*-еват-*) по причине их лексической семантики не об-

разуется (вернее, не употребляется) ни простая, ни аналитическая форма превосходной степени: **красноватейший, *самый красноватый, *глуповатейший, *самый глуповатый, *глуховатейший, *самый глуховатый*, так как значение неполноты признака несовместимо со значением высокой степени признака.

Значение превосходной степени может передаваться сочетаниями форм сравнительной степени со словоформами *всего* и *всех*: *Штабс-капитан был шумнее и болтливее всех* (Куприн), а также слова *наиболее* с формами положительной степени: *наиболее надежное укрытие, наиболее полезные советы*. Слово *наименее* также используется для выражения градуальных отношений (*наименее желательный поступок*), но не значения морфологической превосходной степени, так как морфологически выражается только высшая степень признака. Лексемы *наиболее* и *наименее* сочетаются и с краткой формой: *наиболее / наименее понятны, наиболее / наименее доступны, наиболее / наименее выразительны* и др.

Форма превосходной степени обозначает высшую степень качества. В отличие от сравнительной степени формы превосходной степени не могут выражать сопоставительной оценки степени признака 1) в одном и том же предмете: **Она сегодня бледнейшая, чем вчера* (ср. *Она сегодня бледнее, чем вчера*); 2) в двух предметах: **Она умнейшая из Маши* (ср. *Она умнее Маши*).

Превосходная степень выделяет предмет из некоторой совокупности предметов, наделенных общим признаком: *Она умнейшая из Маш, Она умнейшая в классе, Она умнейшая среди учеников*. Высказывания типа *Этот год был труднейшим в жизни президента* строятся по соответствующей модели: определяемый предмет является объектом сопоставления в нескольких ситуациях: в жизни президента были трудные годы, — не один и не два, — год, о котором идет речь, наделен признаком трудности в самой большой степени.

Различают два типа употребления форм превосходной степени: 1) форма называет высшую степень качества в данном предмете по сравнению с другими предметами (*Он способнейший студент в группе*): *За этим удивительным предприятием тревожно следили не только на земле, но и на всех ближайших к ней планетах, с которыми у обитателей земли поддерживались постоянные сообщения* (Куприн), *Ты моя галлюцинация. Ты воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны... моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых* (Достоевский), *Глушь и даль не так страшны, как думают иные, и в самых потаенных местах дремучего леса <...> растут душистые цветы* (Тургенев). Значение формы превосходной степени при этом употреблении называется суперлативным (или суперлативом).

2) Форма обозначает высокую степень признака без указания на сравнение, безотносительно к его сопоставительной характеристике:

милейший человек, прекраснейший собеседник, глупейшая голова, тончайшая работа, мельчайшие подробности, злейший враг и др.: На третий день его похоронили... Благороднейшее сердце скрылось навсегда в могиле! (Тургенев); Этот Елисей, калмык по происхождению, человек на вид крайне безобразный и даже дикий, но добрейшей души и неглупый, страстно любил Пасынкова (Тургенев); <...> Ведь это развитие, может, уже бесконечно раз повторяется, и все в одном и том же виде, до черточки. Скучища неприличнейшая... (Достоевский). Второе значение называют элативным (или элативом). Элативное значение оказывается не столько градуальным, сколько оценочным. Оно реже передается аналитическим способом. В книжной речи дополнительно выражается приставками *наи-* и *пре-*: *препочтеннейший* и *прелюбезнейший* человек (Гоголь); *наиглупейший* поступок, *наистрожайший* приказ;... Его выбрали почти что одними белыми шарами, ибо человек он *наидостойнейший* (Тургенев).

В категорию степеней сравнения превосходная степень включена только суперлативным значением, так как именно оно связано со сравнением предметов по определенному качеству. Это значение в формах превосходной степени является основным. Что же касается элатива, то он обращен к языковым средствам (модифицирующим суффиксам и приставкам, наречиям типа *очень*, *совершенно*, *несколько*), выражающим степень качества и не образующим форм адъективного словосклонения.

От простых форм с элативным значением (так же, как от модификационных прилагательных) иногда образуется аналитическая превосходная степень: *«Нет, боже сохрани, я вас очень слушаю»*, — с самым простодушнейшим видом отозвался Алеша, и мнительный Коля мигом ободрился (Достоевский). Ср.: *самый глупенький, самый хорошенький*.

§ 50. Склонение прилагательных

Склонением прилагательных называют их изменение по родам, числам и падежам. Выделяют три типа склонения прилагательных: адъективный (качественно-относительный) и два смешанных (склонение слов на *-ий* (*j*)- и на *-ов-, -ин-*). В качественно-относительном типе парадигмы формируются совокупностью собственно адъективных окончаний. В смешанных типах парадигмы включают адъективные и субстантивные окончания.

К адъективному типу склонения относятся качественные (включая и прилагательные в превосходной степени), собственно относительные, количественные прилагательные, кроме слова *третий*, и местоимения-прилагательные с адъективной флексией в именительном падеже (который, какой и т. п.).

К смешанным типам склонения относятся притяжательные прилагательные, слово третий, местоимения-прилагательные с субстантивными окончаниями в именительном падеже.

При склонении прилагательных так же, как при склонении существительных, принято выделять твердую и мягкую разновидности в зависимости от качества конечного согласного основы. Также особо отмечается склонение прилагательных с основой на шипящие, заднеязычные, -ц.

Образцы адъективного склонения имен прилагательных

Единственное число.
Мужской и средний род

	м. р.	с. р.	м. р.	с. р.	м. р.	с. р.
И.	старый	старое	синий	синее	куцый	куцее
Р.	старого		синего		куцего	
Д.	старому		синему		куцему	
В.	старый	старое	синий	синее	куцый	куцее
В.	старого		синего		куцего	
Т.	старым		синим		куцым	
П.	(о) старом		(о) синем		(о) куцем	

	м. р.	с. р.	м. р.	с. р.	м. р.	с. р.
И.	дорогой	дорогое	большой	большое	свежий	свежее
Р.	дорогого		большого		свежего	
Д.	дорогому		большому		свежему	
В.	дорогой	дорогое	большой	большое	свежий	свежее
В.	дорогого		большого		свежего	
Т.	дорогим		большим		свежим	
П.	(о) дорогом		(о) большом		(о) свежем	

Женский род

И.	старая	синяя	куцая
Р.	старой	синей	куцей
Д.	старой	синей	куцей
В.	старую	синюю	кущую
Т.	старой (ою)	синей (ею)	куцей (ею)
П.	(о) старой	(о) синей	(о) куцей

И.	дорогая	большая	свежая
Р.	дорогой	большой	свежей
Д.	дорогой	большой	свежей
В.	дорогую	большую	свежую
Т.	дорогой (ою)	большой (ою)	свежей (ею)
П.	(о) дорогой	(о) большой	(о) свежей

Примечания. 1. В прилагательных с основой на твердый согласный в именительном падеже ударное окончание *-ой* заменяется на *-ий*, когда ударение падает на основу. 2. В прилагательных с основой на шипящие ударяемое *-о* в окончаниях заменяется на безударное *-е*. 3. В прилагательных с основами на задненебные и *-ч* в соответствии с общими орфографическими правилами совмещаются окончания твердой и мягкой разновидности. По той же причине после шипящего в окончании не может быть букв *-ы, -ю, -я*.

Множественное число

И.	старые	синие	куцые
Р.	старых	синих	куцых
Д.	старым	синим	куцым
В.	как И. или Р.		
Т.	старыми	синими	куцами
П.	(о) старых	(о) синих	(о) куцых

И.	дорогие	большие	свежие
Р.	дорогих	больших	свежих
Д.	дорогим	большим	свежим
В.	как И. или Р.		
Т.	дорогими	большими	свежими
П.	(о) дорогих	(о) больших	(о) свежих

Примечания. 1. Формы множественного числа одинаковы для всех родов. 2. Во множественном числе прилагательные с основой на *-ч* склоняются по твердой разновидности. 3. Прилагательные с основами на задненебные и шипящие изменяются по мягкой разновидности. 4. Ударные и безударные окончания не различаются в написании.

Образцы смешанного склонения прилагательных

Склонение прилагательных типа *лисий*

	Единственное число			Множественное число
	м. р.	с. р.	ж. р.	
И.	лисий	лисье	лисья	лисьи
Р.	лисьего		лисьей	лисьих
Д.	лисьему		лисьей	лисьим
В.	лисий	лисье		лисьи
В.	лисьего		лисью	лисьих
Т.	лисьим		лисьей	лисьим
П.	(о) лисьем		(о) лисьей	(о) лисьих

Примечания. 1. Притяжательные прилагательные с основой на *-j-* в И. п. ед. и мн. ч. (соответственно и в В. п.) имеют субстантивные окончания, в остальных падежах — адъективные. 2. При склонении суффиксальный морф *-ий-* имеется только в И. п. м. р. ед. ч. Во всех остальных формах гласный *-и-* в суффиксе чередуется с нулем. 3. По образцу притяжательных прилагательных с основой на [j] склоняется слово *третий* (*третье, третья, третьи*).

Склонение притяжательных прилагательных на *-ов (ев), -ин*

Единственное число

	м. р.	с. р.	м. р.	с. р.	женский род	
И.	отцов	отцово	мамин	мамино	отцова	мамина
Р.	отцова		мамина (ого)		отцовой	маминой
Д.	отцову		мамину (ому)		отцовой	маминой
В.	отцов	отцово	мамин	мамино		
В.	отцова		мамина		отцову	мамину
Т.	отцовым		маминым		отцовой	маминой
П.	(об) отцовом		(о) мамином		(об) отцовой	(о) маминной

Множественное число

И.	отцовы	мамины
Р.	отцовых	маминных
Д.	отцовым	маминым
В.	как И. или как Р.	
Т.	отцовыми	мамиными
П.	(об) отцовых	(о) маминных

Примечания. 1. Прилагательные мужского и среднего родов имеют субстантивные окончания в трех падежах (И., Р., Д.), прилагательные женского рода — в двух (И., В.). Во мн. числе субстантивная флексия только в И. падеже (и в В. падеже, когда он совпадает с И.) 2. Прилагательные на *-ин (-нин)* продуктивнее прилагательных на *-ов (-ев)*. В разговорной речи в формах Р. и Д. падежей мужского и среднего родов они тяготеют к употреблению с адъективной флексией.

Склонение полных прилагательных в целом характеризуется устойчивостью ударения: в одних словах оно постоянно падает на основу, в других — на окончание: *красный, красного, красному, красным, (о) красном, красные, красных, красным, красными; голубой, голубого, голубому, голубым, (о) голубом, голубые, голубых, голубым, голубыми; отцов, отцова, отцову, отцовым, (об) отцовом, отцовы, отцовых, отцовым, отцовыми; дядин, дядина, дядину, дядиным, (о) дядином, дядины, дядиных, дядиным, дядиными.*

§ 51. Несклоняемые прилагательные

Несклоняемые, или аналитические, прилагательные выделяются в особую группу по грамматическому основанию: обозначая признаки предметов и будучи в предложении определением к существительному, они не имеют словоизменительных категорий прилагательного (рода, числа, падежа): *мини-юбка, язык хинди, программа-минимум, требования-максимум, платье беж, костюм моренго, коми литература* и др. В отличие от изменяемых аналитические прилагательные не употребляются в функции именного сказуемого. В предложении они не отрываются от существительных. Одни из них обычно стоят в препозиции, другие в постпозиции по отношению к субстантиву. Средством грамматической оформленности для них оказывается фиксированное синтаксическое место.

Несклоняемые прилагательные — это в основном заимствованные слова. Из русских слов в эту группу входят притяжательные местоимения *его, ее, их*. К аналитическим прилагательным не следует относить наречия, употребленные в качестве определения существительного: *яйца всмятку, кофе по-турецки, глаза навывкате*, а также примыкающий именительный падеж существительного и количественного числительного в синтаксической роли определения: *в доме восемьдесят два, в гостинице «Заря»*.

Параллельно с неизменяемым прилагательным в ряде случаев существует вариант в русской грамматической оформленности: *бордо* → *бордовый* (прост.), *беж* → *бежевый* (разг.), *пике* → *пикейный*, *трико* → *трикотажный*, *джерси* → *джерсовый*, *модерн* → *модерный*. Изменяемый и неизменяемый варианты лексемы могут иметь разную сочетаемость

с другими словами: *макси-юбка* (*максимальная юбка), *максимальный срок* (*макси-срок).

Многие слова, включаемые в аналитические прилагательные, обладают свойством называть как признак предмета, так и предмет, наделенный соответствующим признаком. В последнем случае они относятся к существительным: *ветер цунами* (прилаг.), *дует цунами* (сущ.), *ей нравятся юбки мини* (прилаг.), *она носит мини* (сущ.), *хинди* (сущ.) *труден для нее*, *они изучают язык хинди* (прилаг.). Строго говоря, лексемы с адъективно-субстантивным типом употребления не имеют однозначной частеречной характеристики, так как в структуре предложения не только прилагательные, но и существительные могут выражать признаковую семантику.

В современном языке продуктивно образование аналитических признаков наименований с одной неизменяемой частью: *стоп-кадр*, *там-там новости*, *шоу-бизнес*, *Горбачев фонд*, *гала-концерт*, *шеф-помощь*, *торговля купи-продай* и т. п. Состав этих наименований свидетельствует о том, что аналитическое выражение признака выходит за пределы прилагательного как части речи.

Некоторые лингвисты определяют аналитические прилагательные широко, включая в их число такие начальные компоненты сложных слов, как 'авто-' (*автопробег*), 'авиа-' (*авиакатастрофа*), 'фото-' (*фотоателье*), 'радио-' (*радионяня*), 'теле-' (*телепередача*), 'проф-' (*профсобрание*), 'парт-' (*партгруппа*), 'лит-' (*литобъединение*), 'лже-' (*лжедрузья*), 'полит-' (*политсобрание*), 'сель-' (*сельсовет*), 'гос-' (*госучереждение*) и др.

Эти компоненты рассматриваются как функциональные эквиваленты соответствующих изменяемых прилагательных. А. А. Реформатский, характеризуя сложение в таких случаях, как *киноактер*, *стоп-линия*, *вакуум-аппарат*, *фотостудия*, *кают-компания*, *икс-лучи* и нек. др, писал, что «это собственно не сложные слова, а словосочетания»⁵⁹. М. В. Панов, выделивший аналитические прилагательные в качестве отдельной неизменяемой части речи, относил к ним, кроме этого, лексемы: *чудо* (*чудо-молот*), *горе* (*горе-изобретатель*), *один*, *два*, *три* и т. д. (*космонавт два*), *жох* (*женищина-жох*), *хват* (*мужчина-хват*), *всмятку* (*яйцо всмятку*), *поневоле* (*жулик поневоле*), *тоже* (*тоже-политики*), *так себе* (*доклад так себе*) и некоторые другие (примеры М. В. Панова)⁶⁰.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. Имя прилагательное.

⁵⁹ А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1955. С. 226.

⁶⁰ См. М. В. Панов. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского. М., 1971. С. 240–254.

- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 82–91.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 80–84.
- Современный русский язык. Ч. 2. Под ред. Е. И. Дибровой. М., 1995. С. 40–53.
- Русская грамматика–80. Т. 1. С. 545–572.
- Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. М., 1968. С. 105–135.
- Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб., 1996., С. 65–79, 129–161.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

§ 52. Семантические, морфологические и синтаксические особенности числительных

Числительные как часть речи объединяют слова с количественно-числовым значением. Они являются именами чисел (*два, десять, сто пять, тысяча, миллион* и др.), выражают счет (*один, два, три, четыре, пять, шесть карандашей*) и обозначают количество считаемых предметов (*один апельсин, две груши, три яблока*). Способность числительных быть именем такой абстрактной сущности, как число, является достаточным семантическим основанием для выделения их в особый класс лексем. В этом классе единицы (называющие целые числа) образуют ассоциативный ряд и занимают в нем строго определенное место, так как каждая из них отличается на одну и ту же сему (на единицу) от предыдущей и последующей: пять на единицу больше четырех и меньше шести, шесть на единицу больше пяти и меньше семи и т. д.⁶¹ Однако неверно думать, что только в этом и состоит своеобразие значения числительных. Числительное нельзя адекватно охарактеризовать, не учитывая его роли в выражении количественных отношений.

Совмещение двух семантических компонентов, количественного и числового, является специфической чертой семантики числительных как части речи. Именно этот синкретизм отделяет числительные от существительных, которые тоже могут иметь количественное значение (*пара перчаток, тройка лошадей, дюжина салфеток, сотня казаков, пяток яиц, десяток луковиц, медный пятак, новенькая десятка*), но при этом не обозначают чисел. Количественно-числовое значение числительных как части речи опирается на их морфологическое оформление.

Морфологически числительные последовательно характеризуются падежом.

⁶¹ См. М. Ф. Лукин. К вопросу о лексико-грамматическом статусе числительных в современном русском языке // Вопросы языкознания, 1987, № 6. С. 43–51.

При выражении количественных отношений падеж числительного отличается от падежа существительного своей асемантичностью: он не выражает ни субъекта, ни объекта. Числительные сами по себе, вне сочетания с существительными не бывают ни подлежащим, ни дополнением: *Под окном росли две берёзы* (подлежащее — *две берёзы*).

Примечание. В случаях типа *Двое ушли в лес* числительное субстантивировано: оно выражает представление не только о количестве, но и о предмете (*двое* здесь — это 'два человека').

При обозначении чисел числительное является именем определенного цифрового знака и не сочетается с существительными, падеж числительного при этом функционально не противопоставляется падежу существительных: в структуре предложения он оказывается таким же компонентом, каким бывает падеж существительного. См., например, *Четыре больше трех*, где *четыре* — подлежащее, а *трех* — дополнение.

Как видим, там, где числительное семантически отделено от существительного (обозначение числа), грамматически оно ему не противопоставлено. Оно разграничено с существительными именно при выражении количественных отношений.

Морфологического числа (кроме слова *один*, а также существительных в нумеративном употреблении), числительные не имеют. Род в числительных представлен непоследовательно, и также непоследовательно отражается в числительных одушевленность/неодушевленность существительных, с которыми они сочетаются: *вижу две сосны / двух девушек*, но *вижу пять сосен / пять девушек*.

В синтаксическом отношении числительные похожи на местоимения тем, что у них нет собственной функции члена предложения, что делает уязвимой их грамматическую синтаксическую оформленность (числительные как часть речи выделяются не всеми лингвистами. Но нормативные грамматики их признают).

Синтаксическая оформленность числительных проявляется в способе их грамматической связи с существительными в количественно-субстантивных словосочетаниях. Особенностью этих словосочетаний (исключение — конструкции со словом *один*) является то, что в них существительные не могут иметь формы И. и В. падежей. В синтаксических позициях этих падежей числительное предопределяет форму существительного (Р. п.) или, как принято говорить, управляет существительным: *вот три яблока* (а не *яблоко* или *яблоки*), *вижу пять карандашей* (а не *карандаши*). В остальных падежах числительное согласуется с существительным: *рассказал о двух встречах*.

В результате, когда подлежащее или дополнение выражается количественно-субстантивным словосочетанием, падеж числительного вводит (не выражает!) в предложение семантический субъект или семанти-

ческий объект. Такой синтаксической роли нет ни у падежа существительных, ни у падежа прилагательных.

Числительное как часть речи представляет собой непополняемый класс слов, — хотя при этом может быть обозначено любое число, — что связано с особенностями их словообразовательной структуры, с агглютинативным способом их образования. Исходных лексем, посредством которых выражаются числовые значения, немного, и они строго ограничены. Это слова: *один (одна, одно), два (две), три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, девяносто, сто, двести, триста, четыреста, пятьсот, шестьсот, семьсот, восемьсот, девятьсот, тысяча, миллион, миллиард*. При этом последние три слова (их на самом деле больше — *триллион* и т. д.) могут быть и существительными, а слово *один* имеет и местоименно-адъективное употребление.

Числительному как части речи не свойственно сочетаться с прилагательными. Постановка согласуемого определения при количественном слове может быть знаком его субстантивной функции, например, *учиться на круглое пять; в дневнике с трудом можно было различить стертые два*. В сочетании *одна тысяча рублей* слово *тысяча* является существительным (ненормативно сказать **одной тысячью рублями*).

§ 53. Лексико-грамматические разряды числительных

В числительных прежде всего описываются два лексико-грамматических разряда: количественные и собирательные числительные.

В школьной практике (и во многих учебниках) выделяются еще порядковые числительные, которые образуются от количественных суффиксальным способом, включая и нулевой суффикс: *третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый, четырнадцатый, пятнадцатый, шестнадцатый, семнадцатый, восемнадцатый, девятнадцатый, двадцатый, тридцатый, сороковой, пятидесятый, шестидесятый, семидесятый, восьмидесятый, девяностый, сотый, двухсотый, трехсотый, четырехсотый, пятисотый, шестисотый, семисотый, восьмисотый, девятисотый, тысячный, миллионный, миллиардный*. К слову *один* порядковое числительное — *первый*, к слову *два* — *второй*. При образовании порядкового числительного от составного количественного числительного происходит мена последних компонентов: *сто двадцать один* → *сто двадцать первый*, *семьсот девяносто шесть* → *семьсот девяносто шестой*.

Порядковые числительные называют порядковый номер предмета при счете. Они являются синтаксическими дериватами количественных

числительных. По природе своего транспозиционного значения и по морфологическим категориям, как уже отмечалось, порядковые числительные совпадают с относительными прилагательными.

Кроме порядковых, выделяют также особый разряд количественных числительных — дробные числительные: *два с половиной (процента), две пятых, три шестых, одна десятая*. Их выделение мотивировано тем, что они называют дробь, т. е. особые числа. Однако с точки зрения морфологии это выделение не оправдано. Дробные числительные — это скорее особый тип количественных словосочетаний. Порядковые числительные в них субстантивированы (*две третьих участка* = две третьих части участка). М. Ф. Лукин (см. упомянутую статью), опираясь на знаковую функцию дробных сочетаний, предложил называть их особыми словами. С этим очень трудно согласиться, так как слово и словосочетание в принципе не могут быть разведены на основе знаковой роли.

Кроме специализированных сочетаний, дробные числительные представлены словами *полтора* и *полтора*. Эти два слова и должны рассматриваться в морфологии. Но в связи с тем, что их только два, понятие лексико-грамматического разряда к *дробным числительным* приложимо условно.

§ 54. Количественные числительные

Грамматическим ядром части речи являются количественные числительные. Все сказанное об особенностях числительного как отдельно-го класса слов прежде всего касается количественных числительных.

Количественные числительные делятся на определенно-количественные и неопределенно-количественные. Первые соответствуют цифровым обозначениям количества (*два, сто, тысяча*). Вторые выражают представление о неопределенном количестве и относятся к числительным не столько по семантике, сколько по грамматическим признакам: как собственно числительные, они обладают свойством управлять родительным падежом существительного и вводить в предложение семантические субъект и объект. Неопределенно-количественными числительными являются лексемы: *много, немного, мало, немало, столько, столько-то, сколько, несколько, сколько-нибудь, сколько-то*.

Указанные слова обозначают неопределенное количество предметов только при сочетании с существительными (*Сколько птиц! много дней; мало друзей*). В отличие от определенно-количественных слов они могут сочетаться с существительными, не называющими дискретных предметов (*много горя, мало радости*).

В Р., Д., Т. и П. падежах, т. е. там, где числительное согласуется с существительным, склоняемые неопределенно-количественные числи-

тельные не отграничены от прилагательных. Но в именительном и винительном падежах сочетания с неопределенно-количественными числительными и прилагательными не совпадают: можно сказать *Сколько воробьев! много кошек*, но нет сочетаний **сколький воробей* или **сколькие воробьи*; **многая кошка*. Есть сочетание *многие кошки*, но оно по смыслу не совпадает с *много кошек*.

В сочетаниях с глаголами неопределенно-количественные числительные переходят в разряд наречий и утрачивают (если являются изменяемыми, т. е. все, кроме неизменяемых *мало* и *немало*) склонение (*сколько спит, много работает, столько ест*).

Примечание. Некоторые лингвисты настаивают на том, что неопределенно-количественные слова нужно относить не к числительным, а к наречиям, так как они лишены числового значения⁶². Бесспорно, собственно числительные и неопределенно-количественные слова семантически существенно различаются. Но дело в том, что эти слова, когда они выражают представление о неопределенном количестве, т. е. когда сочетаются с существительными, грамматически, а также семантически не совпадают и с наречиями. Отнесение неопределенно-количественных слов к числительным как части речи (точно так же и к наречиям) в известной степени оказывается условным.

§ 55. Простые, сложные, составные определенно-количественные числительные

К простым относятся непроеизводные слова (*один, два, десять, сто*) и производные на *-надцать/-дцать* (*одиннадцать, двадцать*). Сложные числительные имеют сложную основу (*пятьдесят, триста, семьсот*). Составные числительные состоят из двух или более компонентов, каждый из которых сам является простым или сложным числительным (*восемьдесят шесть, девятьсот пятьдесят четыре*).

§ 56. Собираательные числительные

Собираательные числительные представляют собой замкнутую группу слов, образованных от количественных числительных, обычно в пределах первого десятка, начиная с двух: *двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро* (окказионально могут быть образованы формы и от других числительных — *девятнадцатеро*). К собираательным числительным обычно относят слово *оба (обе)*, имеющее, кроме собираательного, и местоименное значение 'и тот и этот'. Слово *оба (обе)* в отличие от собираательных числительных не является производным и морфемно не связано с количественными числительными.

⁶² См. Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. Современный русский язык. Ч. 2. С. 148–149.

ми. Отличается оно от собирательных числительных и тем, как соединяется с существительными (*семеро козлят*, но *оба козленка*), и тем, с какими существительными употребляется (**двое выступлений* и *оба выступления*, **двое студенток* и *обе студентки* — только вторые словосочетания в приведенных парах являющиеся нормативными). А. Н. Тихонов считает, что *оба (обе)* следует квалифицировать как особое местоименно-количественное слово и помещает его в местоимения.

Собирательные числительные обозначают количество как совокупность. В отличие от количественных числительных они не могут быть наименованием чисел и не используются при счете.

В грамматической оформленности собирательные числительные объединяются с количественными числительными. У них нет морфологического числа и рода — по роду изменяется только слово *оба (оба — м. р., обе — ж. р.)*. Так же И. и В. падежи противопоставляются другим падежам по синтаксической связи с существительными. Однако по лексической сочетаемости количественные и собирательные числительные не совпадают.

Количественное числительное может присоединять к себе любое существительное, называющее дискретно существующие предметы, кроме слов *pluralia tantum* (**три брюк*). Собирательное числительное, напротив, сочетается далеко не со всеми конкретными словами.

Собирательные числительные употребляются со следующими существительными: 1) с личными существительными мужского и общего рода (*трое студентов*, *пятеро сирот*, *двое мужчин*). Употреблять собирательные числительные с личными сущ. женского рода не рекомендуется (**двое женщин*, **трое девушек*); 2) с названиями детеньшей и словами со значением «невзрослости» (*семеро козлят*, *четверо негритят*); 3) с личными субстантивами (*пятеро учащихся*, *двое больных*); 4) со словами *люди*, *дети*, *ребята*, *людишки*, *детишки*, *ребятишки* (*четверо детей*, *пятеро ребят*, *трое ребятшек*); 5) с личными местоимениями (*двое нас*, *семеро их*); 6) с неодушевленными *pluralia tantum* (*двое суток*, *трое брюк*); 7) с неодушевленными существительными, называющими парные предметы (*двое носок = две пары носок*, *двое рук = две руки*). При этом (имеется в виду пункт 6-й и 7-й) собирательные числительные выступают только в И. и В. падежах. В остальных падежах они заменяются на формы количественных числительных (И., В. — *двое суток*, Р. — *двух суток*, Д. — *двум суткам*, Т. — *двумя сутками*, П. — *о двух сутках*).

§ 57. Морфологические категории числительных

Все количественные числительные, кроме слов *мало*, *немало*, изменяются по падежам. В числительных, как в прилагательных и местоимениях, можно выделить только основные 6 падежей.

Падеж числительных, кроме употребления для обозначения цифровых знаков, имеет синтаксическое (синтагматическое) содержание: указывает на синтаксическую связь числительного с существительным.

Изменение числительных по падежам имеет две особенности, отличающие числительное и от существительного, и от прилагательного. Во-первых, при образовании падежных форм у сложных и составных числительных изменяются все основы, образующие числительное: И. — *пятьдесят, шестьсот, четыреста семьдесят три*, Р. — *пятидесяти, шестисот, четырехсот семидесяти трех*, Д. — *пятидесяти, шестистам, четырестам семидесяти трем* и т. д. Во-вторых, в склонении некоторых числительных (*сорок, девяносто, сто*) формы И. и В. падежей имеют одну флексию, а формы остальных падежей другую (И., В. — *сто*, Р., Д., Т., П. — *ста*), что соответствует противопоставлению этих падежей в синтаксисе.

Продуктивной тенденцией в склонении числительных является упрощение словоизменения. С этой тенденцией В. В. Виноградов связывал встречающиеся формы творительного падежа типа *пятидесятью, шестидесятью* вместо рекомендуемых нормативными грамматиками *пятьюдесятью, шестьюдесятью*: *Бошняк остался с шестидесятью человеками офицеров и солдат* (Пушкин, пример В. В. Виноградова). В устной речи нередко не склоняются компоненты составных числительных. Такое употребление ненормативно и не рекомендуется в письменном языке.

В современном языке продуктивно употребление количественных числительных в определительной функции в субстантивном словосочетании: *квартира тридцать два, дом номер семь, самолет ТУ-104 (сто четыре)* и т. п. В этой синтаксической позиции количественные числительные не изменяются по падежам.

Числительные *два (две), три, четыре* и составные с этими словами в качестве последнего компонента в И. п. (и В., если он совпадает с И.) сочетаются с Р. п. существительных ед. числа: *два карандаша* (не карандаши и не карандашей). В остальных падежах существительное при таких числительных должно быть во мн. ч.: *нет двух карандашей, двум карандашам, двумя карандашами, о двух карандашах*.

Примечания. 1. Это правило распространяется и на слово *человек*, которое вне сочетания с числительными во мн. числе не употребляется: И. — *два человека*, Р. — *двух человек*, Д. — *двум человекам*, Т. — *двумя человеками*, П. — *о двух людях*. Если слово *человек* употребляется с определением, то в косвенных падежах оно заменяется на *люди* (например, *с тремя незнакомыми людьми*).

2. Существительное *год* в сочетаниях с числительными образует форму Р. п. мн. ч. от основы *лет*: *два года — не прошло двух лет; пять*

лет — не прошло пяти лет, но двум годам, пяти годам, двумя годами, пятью годами, о двух годах, пяти годах.

Числительное *один (одно, одна, одни)* само по себе и в структуре составных лексем по падежу, а также по роду и числу всегда согласуется с существительным, к которому относится: *сто сорок один карандаш, нет ста сорока одного карандаша, ста сорока одному карандашу, ста сорока одним карандашом, о ста сорока одном карандаше.*

§ 58. Предложное употребление количественно-субстантивных словосочетаний

Когда предлог требует В. п., и В. п. совпадает с И. п., действует общее правило: числительное управляет Р. п. существительного — *взять на два часа.*

Если предлог управляет другим падежом, то и числительное, и существительное ставятся в том падеже, который предопределен предлогом (о таких случаях принято говорить, что существительное стоит в определенном падеже, а числительное по падежу с ним согласуется): *пробыть около двух часов, рассказать о трех событиях, висеть над тремя столами, переходить по двум перекладинам.*

Исключением из этого общего правила являются конструкции с предлогом *по* в распределительном значении. Когда в таком значении употребляется существительное, оно ставится в Д. п. ед. ч.: *дать по яблоку, по прянику, по шоколадке.* Числительные *два (две), три, четыре* в таких случаях употребляются в В. п., совпадающем с И. п., а начиная с пяти — в В. п. или в Д. п.; существительное при числительном всегда стоит в Р. п.: *дать по два пряника, по четыре конфетки, по пять / пяти пряников, конфеток.* Форма составного числительного зависит от последнего компонента: *дать по двадцать две таблетки, дать по двадцать пять / по двадцати пяти таблеток.*

§ 59. Категория рода

Морфологический род, кроме слова *один (одно, одна)*, имеют только числительные *два (две), оба (обе), полтора (полторы).* В числительных различаются женский и не-женский род. Выражается это окончаниями: *две, обе, полторы* — это формы женского рода, а *два, оба, полтора* — формы не-женского рода, т. е. недифференцированных мужского и среднего родов. При этом слова *два (две)* и *полтора (полторы)* различают род только в И. п. (и В. п., когда он совпадает с И. п.), а слово *оба (обе)* и в косвенных падежах.

Род в числительных имеет чисто синтаксическое (синтагматическое) содержание. Женский род указывает на то, что числительное соединяется с существительными женского рода, а не-женский род соединяет числительное с существительными мужского или среднего родов: *две девушки, две страны, обе девушки, обе страны, полторы страницы; два мальчика, два помидора, два яблока, оба мальчика, оба помидора, оба яблока, полтора яблока, полтора помидора.*

Лексемы *один, тысяча, миллион, миллиард* и др., втянутые в выражение количественно-числовых значений, сохраняют морфологические признаки исходных частей речи.

§ 60. Одушевленность / неодушевленность числительных

Числительные, как и прилагательные, не могут иметь номинативного значения одушевленности/неодушевленности, но некоторые из них реагируют на одушевленность/неодушевленность существительных. При сочетании с одушевленным существительным В. п. совпадает с Р. п. у числительных *один, два (две), три, четыре*; а также у склоняемых неопределенно-количественных слов. Однако последние в современном языке тяготеют к употреблению по модели сочетаний с неодушевленными существительными: *вижу две книги, двух студенток, три яблока, трех воробьев, сорок четыре камня, сорок четыре студента, взять на несколько дней, надеяться на несколько / нескольких человек.*

Примечание. Употребление типа *«вижу сорока четырех студентов»* является устаревшим.

§ 61. Категория числа

Морфологического числа (кроме слова *один* и нумеративных существительных) числительные не имеют, при этом избирательно относятся к формам числа существительных, с которыми соединяются.

Числительные *два (две), три, четыре*, составные, в которых названные лексемы являются последним компонентом, *полтора (полторы), оба (обе)* в И.–В. п. употребляются с существительными в форме Р. п. ед. ч. В косвенных падежах названные числительные сочетаются с субстантивными формами мн. ч.: *три дома, трех домов...*

Исключение из этого общего правила образуют сочетания с субстантиватами (субстантивированными прилагательными и причастиями), которые при числительных, кроме слова *один* и составных лексем с последним компонентом *один*, употребляются во мн. ч.: *две столовых, три закусочных, два насекомых, сорок четыре пельменных.* Такие существительные женского рода могут употребляться и в И. п.: *три мастер-*

ские, две булочные. Для субстантивированных слов мужского рода И. п. не является нормой.

Начиная с *пяти* все числительные во всех падежах употребляются с существительными в формах мн. ч.

Прилагательное при существительном в количественно-субстантивном словосочетании всегда стоит в форме мн. ч. Если количественное словосочетание употреблено в именительном (соответственно винительном) падеже, прилагательное при существительном муж. или ср. рода имеет форму Р. п. (*два новых карандаша, три гусиных пера*), при существительном женского рода — (чаще) форму И. п. или Р. п. (*три известные картины, три известных картины, две неприятельские лошади, две неприятельских лошади*).

Собирательные (кроме *оба/обе*) и неопределенно-количественные числительные употребляются с существительными во мн. ч.: *двое мальчиков, трое поросят, несколько дней*.

В конструкциях типа *Вы трое должны уйти. Мы двое остались здесь еще на день* и личное местоимение, и собирательное числительное ставятся в именительном падеже.

Словоформа *одни* может быть числительным только в сочетаниях с конкретными неодушевленными *pluralia tantum*: *одни часы, одни брюки, одни ножницы, одни ворота*.

Склонение числительных

Числительное *один* склоняется как местоименное прилагательное *этот*.

Числительные *два, три, четыре* имеют особые парадигмы.

Числительные от *пяти* до *десяти*, все слова на *-цать* и на *-десят* склоняются, как существительные женского рода третьего склонения.

В числительных *сорок, девяносто* и *сто* все косвенные падежи, кроме В., совпадающего с И. п., образуются окончанием *-а*: *сорока, девяноста, ста*.

В сложных числительных изменяются обе основы.

Склонение простых числительных

И.	два две	три	четыре
Р.	двух	трёх	четырёх
Д.	двум	трём	четырёх
В.	как И. или Р.		
Т.	двумя	тремя	четырьмя
П.	(о) двух	(о) трёх	(о) четырёх

И.	пять	пятнадцать	сорок
Р.	пяти	пятнадцати	сорока
Д.	пяти	пятнадцати	сорока
В.	пять	пятнадцать	сорок
Т.	пятью	пятнадцатью	сорока
П.	(о) пяти	(о) пятнадцати	(о) сорока

Склонение сложных числительных

И.	двестн	триста	четыреста	пятьсот
Р.	двухсот	трёхсот	четырёхсот	пятисот
Д.	двумстам	трёмстам	четырёхстам	пятистам
В.	двести	триста	четыреста	пятьсот
Т.	двумястами	тремястами	четырьмястами	пятьюстами
П.	(о) двухстах	(о) трёхстах	(о) четырёхстах	(о) пятистах

Примечания. 1) По образцу слова *пятьсот* склоняются все сложные числительные на *-сот-*. 2) В Т. п. числительного *восемьсот* есть вариантная форма: *восемьюстами / восьмьюстами*. 3) Флексия Т. п. *-ю* [у] в первой основе слова в разговорном языке может заменяться на *-и* (*пятистами*). 4) В количественных словосочетаниях *несколько сот, нескольких сот, несколькими стами рублей* словоформы *сот* и *стами* нужно считать субстантивными, так как неопределенно-количественные слова не входят в составные числительные.

В письменном языке в составном числительном должен склоняться каждый компонент.

Существительное *тысяча* в Т. п. имеет форму *тысячью* и *тысячей*. Слова *миллион* и *миллиард* полностью сохраняют свое субстантивное склонение. В словосочетаниях *тысячи рублей, миллионы рублей, миллиарды рублей* обе словоформы являются субстантивными. Выражения вроде **о тысячах рублях, *миллионами рублями* ненормативны.

Склонение собирательных числительных

	м. и ср. р.			ж. р.
И.	двое	четверо	оба	обе
Р.	двоих	четверых	обоих	обеих
Д.	двоим	четверым	обоим	обеим
В.	как И или Р.			
Т.	двоими	четверыми	обоими	обеими
П.	(о) двоих	(о) четверых	(об) обоих	(об) обеих

Склонение неопределенно-количественных числительных

И.	много	несколько
Р.	многих	нескольких
Д.	многим	нескольким
В.	как И. или Р.	
Т.	многими	несколькими
П.	(о) многих	(о) нескольких

Примечания. 1. Неопределенно-количественные числительные в И. п. имеют безударное окончание *-о* после твердого согласного в конце основы. В остальных падежах их формы совпадают с формами полных прилагательных мягкой разновидности во мн. ч.

2. В сочетаниях с предлогом *по* с распределительным значением употребляется форма на *-о* и на *-у*: *по несколько дней* и *по несколько дней*; *по сколько рублей* и *по скольку рублей*. Формы на *-о* считаются разговорными, их употребление продуктивно.

Дробные числительные в склонении напоминают слова *сорок, девяносто, сто*: они имеют форму И.–В. п. (*полтора, полторы, полтора-ста*) и форму для всех остальных падежей (*полутора, полутораста*). В слове *полтора* в косвенных падежах род не различается.

Числительные при склонении имеют неподвижное ударение или на основе (*одиннадцать, двенадцать, тринадцать, оба, обе*), или на флексии (*два, три, пять, сто, пятьсот*). В словах *четыре, восемь, девять, десять, двадцать, тридцать, сорок, двести, триста, четыреста*, собирательных числительных в И.–В. п. ударение на основе, в остальных падежах — на окончании (подробное описание ударения в числительных см. в «Русской грамматике–80»).

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976. (§) 18, 19.
 Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. С. 233–254.
 Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. М., 1976. С. 256–268.
 Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977. С. 66–68.
 Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. М., 1968. С. 85–96.
 Современный русский язык. Ч. 2. М., 1955 / Под ред. Е. И. Дибровой. С. 76–90.
 Чеснокова Л. Д. Русский язык. Трудные случаи морфологического разбора. М., 1991. С. 61–76.

НАРЕЧИЕ

§ 62. Семантические, морфологические и синтаксические признаки наречий как части речи

Наречие как часть речи объединяет лексемы со значением не процессуального признака действия или другого признака. По словам А. А. Потебни, наречие называет признак признака.

Морфологически наречия охарактеризованы отрицательно, т. е. отсутствием словоизменения.

Примечание. Некоторые наречия имеют формы степеней сравнения (*хорошо* → *лучше*, *лучше всего* / *всех*). Однако эти формы не участвуют в противопоставлении наречий другим грамматическим классам, так как предполагают отнесенность к наречиям тех лексем, от которых они образуются (см. аналогичное явление в соотношении полных / кратких прилагательных).

Основной грамматической оформленностью наречий является их синтаксическое свойство: быть обстоятельством членом предложения при сказуемом (при глаголе), при определении (при прилагательном). Это первичная синтаксическая функция наречий. С опорой на эту функцию определяется категориальная семантика данной части речи.

Некоторые наречные лексемы могут быть в присустановительном употреблении: *яйца всмятку*, *кофе по-турецки*, *дом напротив*, *глаза навыкате*, *бег взапуски*, *поворот направо*, *шапка набекрень*, *уход по-английски*, *чтение вслух*, *рубашка навыпуск*, *прогулка верхом*, *шаг назад*.

По этой причине одни исследователи выделяют несклоняемые русские по происхождению прилагательные, другие расширяют семантический признак наречий, называя их словами, способными обозначить не только признак глагола и прилагательного, но и существительного. Но ни того, ни другого лучше не делать, так как употребление при существительном для наречий является вторичной синтаксической функцией: substantive словосочетание с наречиями либо обнаруживает семантический эллипсис, выявляющий связь наречия с глаголом (*яйца всмятку* = *яйца*, *сваренные всмятку*, *шапка набекрень* = *шапка*, *надетая набекрень*), либо оказывается фразеологически устойчивым (при этом наречие наделяет сочетание компонентом глагольной семантики: *глаза навыкате* — это как бы выкатившиеся глаза, ср. *глаза выкатились на лоб*). Что касается синтаксических дериватов (*бег*, *поворот*, *уход*), то они просто сохраняют глагольную дистрибуцию (*бегать взапуски*, *поворотить направо*, *уходить по-английски*). Некоторые substantive-наречные сочетания явно строятся по адъективному образцу: *совсем дитя* (совсем маленький), *совсем дурачок* (совсем глупый), *слишком ловкач* (слишком ловкий), *очень уж красавец* (очень уж красивый). Кроме этого, мож-

но обратить внимание на то, что качественные наречия на *-о*, *-е* (а они-то и называют прежде всего признак глагола) определением к существительным быть не могут: нельзя образовать словосочетание вроде **прекрасно рассказ* или **негромко пение*.

На уровне категориальной семантики в русском языке последовательно разграничены предметы, признаки предметов (процессуальные и непроцессуальные) и признаки признаков.

Кроме обстоятельства и определения, в предложении наречие может быть сказуемым (занимать позицию при связке): *туфли были впору*, *пушки были наготове*, *подарок оказался кстати*, *он казался навеселе*.

По признаку синтаксической связи наречия характеризуются примыканием. Эта синтаксическая связь не является только наречной, так как примыкают все неизменяемые словоформы, несклоняемые существительные и прилагательные, инфинитив, деепричастия. Но если в остальных самостоятельных частях речи примыкание является всего лишь одним из способов синтаксического соединения с другими словами, то для наречия оно оказывается специфически частеречным: другой синтаксической связи наречие формировать не может, оно только примыкает. Синтаксически наречие может относиться к любой форме глагола (инфинитиву, спрягаемой форме, причастию и деепричастию: *произносить*, *произношу*, *произносящий*, *произнося* <слова> *нараспев*), прилагательному: *Я слышу иволги всегда печальный голос* (Ахматова), наречию: *День выдался на редкость хороший: было тихо, светло и в меру холодно* (Арсеньев), существительному: *Кепи <...> и черная военная шинель внакидку привлекали на улице всеобщее внимание* (Куприн). Наречие может примыкать к предложению в целом: *Отныне я — цензор твоих африканских страстей* (Цветаева).

§ 63. Границы наречия как части речи

Вопрос о частеречных границах наречия мотивирован двумя взаимосвязанными причинами: во-первых, спецификой наречного словообразования, во-вторых, тем, что субстантивные падежи и глагольные деепричастные формы имеют адвербиальную функцию.

Среди наречий есть непроизводные слова, в том числе местоименной семантики: *здесь*, *там*, *куда*, *всюду*, *так*, *как*, *потом*, *возле*, *подле*, *едва*, *лишь*, *прежде* и др. В целом таких наречий немного. Большинство наречий лексически соотносительно со словами других частей речи: *вдвоем* ← *двое*, *впервые* ← *первый*, *навстречу* ← *встреча*, *вкривь* ← *кривой*, *дважды* ← *два*, *по-моему* ← *мой*, *тягуче* ← *тягучий*, *внезапно* ← *внезапный* и т. д.

Наречие имеет собственные модели морфологического словообразования: *хороший* → *хорошо*, *красивый* → *красиво*, *певучий* → *певуче*, *летний* → *по-летнему*, *свой* → *по-своему*, *дружеский* → *по-дружески*, *товарищеский* → *по-товарищески*, *иронический* → *иронически*, *трагический* → *трагически*.

Но очень многие наречия образованы не морфологическим (не аффиксальным) путем, сращением предлогов с падежными словоформами, сращением двух словоформ, переходом отдельных словоформ в наречия: *внизу*, *слева*, *направо*, *вчера*, *вкось*, *вдаль*, *пешком*, *молчком*, *рядком*, *сначала*, *издалека*, *наедине*, *накануне*, *сегодня*, *тотчас*, *сгоряча* и т. п.

Пополнение наречий в результате словоупотребления продолжается и в современном языке, в основном за счет падежных и предложно-падежных форм. Исследователи отмечают, что «онаречивание» ненаречных словоформ проходит разные фазы в своем развитии. По наблюдению О. П. Ермаковой, адвербиализация, «имея начало, вовсе не всегда имеет завершение. Некоторым полунаречным формам, возможно, суждено остаться таковыми: *на бегу*, *в обмен*, *с размаху*»⁶³. По этой причине не всегда можно провести четкую границу между наречием и падежом существительных в наречной функции. Пока у падежной словоформы в наречном употреблении существует семантическая связь с именительным падежом (исходной формой существительного) невозможно говорить о полной ее адвербиализации. Отнесение к наречиям таких словоформ, как *летом*, *зимой*, *весной*, *осенью*, *утром*, *вечером* вряд ли бесспорно, хотя и широко принято. Временное значение в Т. п., с одной стороны, мотивировано лексическим значением соответствующих существительных, с другой стороны, этот творительный обладает свойством употребляться в сочетании с определением (*ранней весной*, *студеной зимой*, *поздним вечером*), наконец, Т. времени представлен не только в данной группе слов, его могут иметь личные существительные, определяющие человека по возрасту или какому-нибудь другому признаку, наделенному временным параметром: *Мальчиком он много болел*, *Еще учительницей начальных классов она познакомилась с нынешним директором фабрики*, *Студентом первого курса он уже увлекся немецкой философией*. Значение времени в творительном падеже само по себе не приводит к отрыву словоформы от части речи. Этот отрыв обычно сопровождается или семантической изоляцией, или утратой существительного.

Сказанное в целом справедливо и для деепричастий, у которых наречная функция регулярна и которые при этом, как правило, не порывают с глаголом.

⁶³ О. П. Ермакова. О некоторых общих вопросах словообразования наречий // Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966. С. 46–47.

§ 64. Лексико-грамматические разряды наречий

В наречиях, не считая их разбиения на собственно наречия и наречия-местоимения (повторим, что такое деление лексики есть во всех самостоятельных частях речи, кроме глагола), выделяют два основных лексико-грамматических разряда, определительные или собственно-характеризующие наречия и обстоятельственные наречия.

Определительные наречия обозначают качества и свойства, присущие признакам, степень признака и способ его проявления: *модно одеваться, очень устать, относиться по-дружески, жить вдвоем, перебраться вброд*.

Обстоятельственные наречия называют признаки, внешние по отношению к их носителям, определяют признак, обозначая место, время, цель, причину: *стоять слева, приходить вовремя, сделать назло, написать сгущу*.

Определительные и обстоятельственные наречия могут различаться занимаемыми синтаксическими местами: определительные наречия употребляются при глаголах и прилагательных, обстоятельственные, кроме этого, примыкают к предложению (*Слева пруд, Справа сосновый лес, Сегодня дождь, Завтра отъезд, Поневоле нам пришлось остаться дома*).

Определительные наречия делятся на качественные, степени или количества и способа действия.

Качественные наречия определяют признак со стороны его качества (отвечают на смысловой вопрос *как?*). В своей морфемно-словообразовательной структуре они соотнесены с качественными прилагательными, от которых образуются суффиксами *-о (-е)*, *-и-:* *дорогой — дорого, потрясающий — потрясающе, комический — комически*. Суффикс *-о (-е)* образует словоформы, омонимичные с формой ср. рода краткого прилагательного, которые различаются в предложении синтаксическими функциями (*Лицо красиво —* краткое прилагательное в роли сказуемого, *Она одевается красиво —* наречие в роли обстоятельства).

§ 65. Степени сравнения качественных наречий

Качественные наречия на *-о* имеют степени сравнения, сравнительную и превосходную. Простая сравнительная степень совпадает с сравнительной степенью прилагательных, отличаясь от нее занимаемым синтаксическим местом (*Ученик стал писать лучше —* сравнительная степень к наречию *хорошо*, но *Продукты стали лучше —* сравнительная степень к прилагательному *хороший*).

Значение сравнительной степени, как и в прилагательном, может быть выражено аналитически, сочетанием слова *более* с наречием на *-о*: *Этот учитель объясняет материал более доходчиво*. Наречия на *-о* образуют сочетания и со словом *менее* (*менее доходчиво*), такое сочетание выражает градуальное значение, которое по определению не соответствует сравнительной степени (простая степень не имеет значения *меньше, чем*).

Превосходная степень в наречиях образуется только аналитическим способом, сочетанием простой сравнительной степени с словоформами *всего* и *всех*: *Больше всего люблю прогулки по лесу, Больше всех ученикам нравился Петр Афанасьевич*. Превосходная степень в наречиях не имеет элативного значения. Аналитическое выражение степеней сравнения в наречиях относится к синтаксическому уровню. Лексическая отделимость слова *больше* поддерживается его противопоставлением слову *меньше*.

Простую сравнительную степень наречий, как и сравнительную степень прилагательных, можно было бы относить к внутричастеречному модифицирующему словообразованию.

От качественных наречий на *-о* образуются наречия с модифицирующими значениями: *дорого* → *дороговато*, *плохо* → *плоховато*, *скучно* → *скучновато*, *рано* → *рановато*, *ранехонько* и *ранешенько*, *трудно* → *трудновато*, *трудненько*, *тяжело* → *тяжеловато*, *тяжеленько*.

§ 66. Наречия способа и степени действия

Наречия способа (или образа) действия отвечают на смысловой вопрос *Каким образом?*. В отличие от качественных они не имеют степеней сравнения и соотносятся в первую очередь не с прилагательными, а существительными или глаголами: *вплавь, наперебой, шепотом, вброд, наискосок, ощупью, ползком* и др.

Среди наречий способа действия особо выделяются 1) слова, образованные от прилагательных и имеющие сравнительно-уподобительное значение (*по-собачьи, по-гусиному, по-дачному, по-хозяйски, по-моему, по-детски*), 2) слова со значением совместности (*вместе, вдвоем, втроем, сообща, совместно*).

Четкой семантической границы между качественными наречиями и наречиями способа действия нет. Некоторые лексемы совмещают в своем значении оба признака (к ним можно поставить и вопрос *как?*, и вопрос *каким образом?*), например: *верхом, вручную, ощупью, пешком, наизусть, шагом*.

Наречия степени или количества выражают степень признака, его интенсивность. В отличие от степеней сравнения они не включают

в свою семантику сопоставительное значение: *очень, совсем, едва, едва-едва, еле-еле, чуть-чуть, крайне, весьма, много, мало, чересчур, совершенно*. В значении наречий степени могут употребляться и некоторые качественные наречия: *совершенно, абсолютно, ослепительно, безмерно, смертельно, несказанно, неслыханно* и др.

Наречия степени могут употребляться при глаголах, обозначающих действие, изменяемое в количественном отношении: *чрезмерно устал, несказанно обрадовался, очень вырос, чересчур усердствует, едва дышит, совсем не спит*. Но в первую очередь они сочетаются с прилагательными: *смертельно бледный, чрезвычайно важный, чересчур занятый, крайне необходимый, весьма полезный, удивительно красивый* и т. п.

Наречия степени употребляются также при наречии: *очень много, чрезвычайно полезно, совсем непонятно, фантастически трудно, относительно просто*.

§ 67. обстоятельственные наречия

Обстоятельственные наречия по значению делятся на наречия места: *рядом, вблизи, вдали, вдаль, внизу, вверх, слева, кругом, здесь, там, где, повсюду, туда, оттуда* и т. д.;

Наречия времени: *вчера, сегодня, завтра, послезавтра, сейчас, теперь, тогда, когда, всегда, встарь, издавна, исстари, поутру, наметни, полудни, пополудни, спозаранку*;

наречия причины: *потому, поэтому, поневоле, невзначай, нечаянно, понаслышке, сдуру, слепу, спросонок, сгоряча, спроста, спросонья, слепо*;

наречия цели: *назло, взаем, взаимы, зачем, зазря, навстречу, в добавление, в заключение, в отместку*.

§ 68. Предикативные наречия (категория состояния)

В особый разряд выделяются предикативные наречия, т. е. наречия, употребленные как сказуемое. Эта функция для наречий является вторичной. Предикативные наречия называются также предикативами и категорией состояния.

Существует мнение, что предикативное употребление несовместимо с наречием как таковым. Именно это и побуждает исследователей связывать предикативное употребление наречий с особой частью речи «категорией состояния».

Основное возражение против такой оценки соответствующих фактов связано с тем, что употребление при связке не изменяет частеречно-го статуса словоформ. Возможность же употребления наречия при связке очевидна: ср. *ехать вдвоем* и *быть вдвоем*, *разделить пополам* и *У нас всё пополам*; *сделать по-твоему* и *Все — по-твоему*. Наречия места и времени свободно соединяются с глаголом *быть*, образуя такие компоненты предложения, которые в последнее время многими синтаксистами подводятся под именное составное сказуемое (в «Русской грамматике-80» к предложениям с некоординированными главными членами отнесены такие, в которых в сказуемом представлена падежная форма имени с предлогом, выражающая характеристику по месту, пространственной соотнесенности, временной протяженности, временному признаку. Среди примеров приводятся *Днепр — за спиной*, *Клуб — через дорогу*, *Поворот — в двадцати шагах*, *Друзья были рядом*, *Его раскаяние — на час*)⁶⁴.

Предикативные наречия представлены двумя группами.

В одной группе объединяются неизменяемые слова (их немного), которые всегда употребляются предикативно: *жаль*, *нельзя*, *можно*, *надо*, *стыдно*, *совестно*, *тошно*, *замужем*, *наготове*, *впору* (в признаковом значении: *туфли впору*). Одни из них употребляются в предложениях с инфинитивом в роли главного члена (*нельзя проехать*, *можно уйти*, *надо собираться*), другие, кроме этого, могут быть главным членом безличного предложения (*ему совестно*, *детям стыдно за свои поступки*, *мне тошно от всего случившегося*), третьи бывают сказуемым в двусоставном предложении (*женщина замужем*, *пушки наготове*, *туфли впору*).

Другая группа предикативных наречий объединяет слова на *-о*, соотносительные с качественными наречиями и краткой формой среднего рода качественных прилагательных. Такие лексемы употребляются в функции сказуемого в безличных предложениях: *На полях туманно*, *тихо*, *пусто...* (С. Орлов); *Как светло здесь и как бесприютно*, *Отдыхает усталое тело...* (Ахматова); *Как весел был труд их, как ловок! Как любо им было, когда Пять маленьких, быстрых головок Выглядывать стали с гнезда!* (Майков); *С вечера все спится, на дворе темно* (Фет).

Предикативное употребление таких словоформ больше соответствует краткому прилагательному, чем наречию, тем более что безлично употребляется и краткая форма среднего рода страдательных причастий (*В избе сильно натоплено и накурено*), да и в спрягаемом глаголе средний род втянут в выражение безличности. Но, поскольку позиция при связке для наречия в целом не закрыта, можно считать, что при безличном употреблении признаковых форм на *-о* частеречная принадлеж-

⁶⁴ Русская грамматика-80. Т. 2. С. 300-302.

ность словоформы определяется условно (однозначно не может быть определена — наблюдается своего рода частичная нейтрализация). Существует традиция относить их к наречиям.

ЛИТЕРАТУРА

- Галкина-Федорук Е. М. Наречия в предложении // Русский язык в школе. 1941, № 2.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. С. 95–96, 156–157.
- Русская грамматика–80. Т. 1. С. 703–705.
- Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. Ч. 2. М., 1981. С. 225–238.
- Русский язык. Экспериментальные учебные материалы для средней школы. Ч. 3 / Под ред. И. С. Ильинской, М. В. Панова. М., 1980. С. 16–22.
- Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 502–504.

МЕСТОИМЕННИЯ

§ 69. Местоимение как часть речи

В системе частей речи местоимения выделяются по традиции. Они не образуют особого грамматического класса, так как не имеют общей грамматической оформленности и общей категориальной семантики.

В языкознании отсутствует единое представление о местоимении как части речи. Некоторые лингвисты, например, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, такой части речи не выделяют.

В школьной практике в местоимения не включают местоименные наречия, которые объединяются с собственно наречными лексемами. При этом в наречиях выделяют знаменательные (*слева, вверх, наизусть*) и местоименные слова (*там, здесь, туда, так, как* и др.). В результате может показаться, будто различие между этими двумя типами наречий иной природы, чем различие между знаменательными и местоименными прилагательными или собственно числительными и местоименными количественными словами. Но это неверно: местоименное наречие относится к собственно наречию так же, как местоименное прилагательное к собственно прилагательному.

В настоящее время вслед за В. В. Виноградовым во многих описательных грамматиках русского языка, в том числе и академических, в качестве отдельной части речи объединяются только те местоимения, которые в употреблении соотносительны с существительными (местоименные существительные). Эти местоимения имеют свои модели склонения, а в категориях рода, числа и падежа полностью с существитель-

ными не совпадают. В предложении они обычно не соединяются с неособобленными определениями, кроме слов *один, сам*. Тем не менее и данное решение вопроса о частеречном статусе местоимений не представляется достаточно аргументированным. Дело в том, что различия между местоименными существительными и собственно существительными часто объясняются тем, что морфологические категории последних связаны с лексическими значениями слов, а следовательно, не могут во всей полноте реализоваться в местоимениях.

Все местоименные слова образуют единый лексический (лексико-семантический) класс слов. Каждое местоименное слово предполагает одновременное вхождение и в класс местоимений, и в грамматический класс (часть речи), соответствующий его грамматической оформленности. У каждого местоимения есть 1) местоименное значение, 2) категориальное значение той части речи, в которую оно входит.

§ 70. Местоимения как лексико-семантический класс

В разделе, посвященном общей характеристике частей речи, отмечалась специфика местоименных слов: 1) местоимения не имеют вещественного значения, они не называют предметы и признаки, а только указывают на них; 2) местоименное значение не зависит от грамматической оформленности слова, оно предопределено местоименным корнем. К сказанному добавим, что у местоимений есть еще одна особенность, отличающая их от неместоименной лексики. Эта особенность состоит в том, что семантика местоимений релятивна по своей природе, и не просто релятивна — она непосредственно или опосредованно сориентирована на говорящий субъект, на я. На это свойство местоимений обратил внимание А. М. Пешковский: «Местоимения представляют собой такую единственную в языке и совершенно парадоксальную в грамматическом отношении группу слов, в которой неграмматические части слов (корни) имеют... субъективно-объективное значение, т. е. обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит»⁶⁵.

Связь местоименной семантики с субъектом речи объясняет их так называемый дейктический характер: местоимения являются средством актуализации высказывания, т. е. выражения конкретной референтной соотношенности его именных компонентов, их ориентации на речевую ситуацию. (В глаголе эта функция осуществляется посредством предикативных грамматических категорий, прежде всего категории лица и времени.) Местоимения 1-го, 2-го лица называют непосредственных участников речевого акта.

⁶⁵ Русский синтаксис в научном освещении. С. 154.

Если определять местоимения на основе всех указанных признаков, нужно признать, что они образуют замкнутую или почти не пополняющуюся группу слов. Отмечаемая в грамматиках прономинализация связана с утратой в самостоятельных словах лексического (вещественного) значения и в этом смысле с приближением к местоимениям. Прономинализованные слова нередко похожи на анафорические местоимения, т. е. местоимения, содержащие в своем значении отсылку к предыдущему или последующему тексту (компоненту текста), такие, как: он, она, оно, они, тот, этот, который и др. См. в данной статье, в подобных обстоятельствах, следующее заявление. Однако при этом они не выражают ориентации на говорящий субъект, другими словами, не имеют одного из самых специфических свойств местоимений. Прономинализованные лексемы, как правило, не бывают дейктическими (см., например, существительные *человек, женщина, люди, дело, факт, вещь* и т. п., о местоименном употреблении которых писали А. А. Шахматов и В. В. Виноградов). Прономинализацию скорее надо понимать как тип употребления, чем способ образования слова.

Местоименные слова объединяются общим синтаксическим свойством: у них нет своего синтаксического места, они оказываются словами-«заместителями»: употребляются в синтаксических позициях других самостоятельных частей речи.

В русском языке нет местоименных глаголов. Ю. С. Маслов, приведя пример на «заместительное» употребление словоформы *делай: Не делай этого!*, тем не менее отметил, что «местоглаголие» в нашем языке не получило развития⁶⁶. В связи с этим важно обратить внимание на то, что вопросы «Что делать?» и «Что сделать?», посредством которых определяется вид глагола и в которых глагол делексикализован, «заместительно» не употребляются.

Местоимения — это слова, в своем употреблении соотносительные с именами (существительными, прилагательными, числительными) и наречиями.

Местоимения — единственный класс слов, в котором представлены словообразовательные модели с такими специфическими аффиксами, как *кое-, -либо, -то, -нибудь*.

Морфемная структура местоименных слов не всегда объясняется с точки зрения синхронных связей. Например, при сравнении словоформ *ты, тебе, тобой* выделяется корневой морф *т-*. С одной стороны, он совсем не соответствует типовому именному корню (свс — согласный, гласный, согласный), с другой стороны, непонятно, каково отношение этого морфа к морфам *теб-, тоб-*, как позиционно они распределены.

---

⁶⁶ Ю. С. Маслов. Введение в языкознание. М., 1997. С. 166.

Местоимение — это единственное слово, которое может разрываться предлогом (*ни о ком, не с чем*).

Личные местоимения, являющиеся ядром местоименного класса, втянуты в выражение категории лица в глаголе.

В структуре предложения некоторые местоимения приближаются к служебным словам. Таковы относительные местоимения, выполняющие функции подчинительных союзов, и указательные местоимения в роли соотносительных слов в сложном предложении: *Я тот, кого никто не любит...* (Лермонтов) (отметим, что в таком употреблении *тот* не противопоставляется *этом*, ненормативно **Я этот, кого никто не любит*).

Контекст может изменять значение местоименной лексемы. См.: *...Кто в глаза ему смеется, Кто скорее отвернется...* (А. Пушкин), где *кто...* *кто* имеет значение 'один... другой'.

Некоторые местоимения входят в устойчивые сочетания типа *куда попало, что попало, кто придется, какой надо, куда угодно* и др. (*дружит с кем придется, гуляет с кем попало, съест что угодно*). О. П. Ермакова назвала такие сочетания составными местоимениями в русском языке⁶⁷. От местоименных слов подобные единицы явно отличаются компонентами оценочной семантики.

Местоимения могут совмещать в себе местоименное и неместоименное значения, например, слово *ничто*, кроме отрицания, означает 'ничтожный или бесправный человек', слово *никто* — 'чужой, посторонний человек' (см. МАС). По наблюдению В. В. Виноградова, «в русской лексике непрерывно происходит развитие "местоименных" значений у имен. С другой стороны, старые местоимения обрастают именными значениями или производят лексемы и идиоматические выражения, лишенные оттенка местоименности» (1972, 261).

Отметим также, что внутри местоименного лексико-семантического класса возможна субстантивация (переход из одной части речи в другую): *Если ветер крыши рвет, если град загрохал, каждый знает — это вот для прогулок плохо* (Маяковский) — субстантивированы местоименные прилагательные *каждый* и *это*.

Примечание. Субстантивированное изменяемое местоимение *это*, анафорически отсылающее к предыдущему тексту (см. приведенный пример), следует отличать от субстантивированного несклоняемого слова *это* в конструкциях типа *Это была Марфа Тимофеевна*, где оно кореферентно с другим существительным: *На повороте показалась женщина. Это была М. Т.* — слово *это* соответствует сочетанию *эта женщина*.

⁶⁷ О. П. Ермакова. Составные местоимения в русском языке // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 195–204.

Традиционно принято выделять

1) личные местоимения: *я, мы, ты, вы, он, она, оно, они*. Последние четыре словоформы нередко употребляются анафорически, обнаруживая тем самым свойство указательных местоимений (*А вот и Надя! Она моя соседка*). Поэтому их называют также лично-указательными.

Примечание. Местоимение *вы* употребляется не только для обозначения нескольких адресатов. Оно используется также при вежливом обращении к одному человеку. В последнем случае оно имеет некоторые синтаксические особенности: к нему может присоединяться родовая форма прилагательного: *какой вы добрый, такая вы счастливая*. Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев *вы* адресатное и *вы* как форму вежливости считают омонимичными лексемами⁶⁸.

2) Возвратное местоимение *себя*, не имеющее именительного падежа. Возвратное местоимение указывает на то, что объект или адресат действия совпадает с субъектом действия, обычно одушевленным предметом;

3) притяжательные местоимения: *мой, наш, твой, ваш, его, ее, их, свой*;

Примечание. Словоформы *его, ее, их* во многих грамматиках определяются как формы Р. п. местоименных существительных *он, она, они*. В них усматривается функция субстантивного родительного принадлежности. Однако синтаксические характеристики этих словоформ не соответствуют Р. п. существительного. Кроме употребления в позиции по отношению к определяемому слову, они не распространяются по моделям существительных, не могут иметь при себе согласованного определения, например, не говорят **Прочитали одного его работу* или **взял самой ее тетрадь*⁶⁹. Словоформы *его, ее, их*, будучи неизменяемыми, семантически и синтаксически не противопоставлены притяжательным местоимениям.

Притяжательные местоимения, сочетаясь с конкретными неодушевленными словами, называющими собственно предметы, выражают принадлежность предмета первому, второму и третьему лицу (*моя, твоя, его, её книга*). Слово *свой* выражает принадлежность предмету, обозначенному подлежащим (*я взял свою книгу, ты взял свою книгу, он взял свою книгу, книга имеет свои особенности* = у книги есть особенности). При сочетании с существительными других разрядов значение принадлежности может модифицироваться в зависимости от денотативного смыс-

⁶⁸ Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 327.

⁶⁹ Последняя особенность словоформ *его, ее, их* отмечена в названной книге Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева.

ла словосочетания. Например, *мой друг* = человек, с которым я нахожусь в дружеских отношениях, *моя группа* = группа, в которой я преподаю, или группа, которую я веду на экскурсию, и т. п.;

4) указательные местоимения: *тот, этот, такой, этакий, таковой (таков), столько, здесь, там, туда, оттуда, тогда, сюда, отсюда*, установившиеся, *оный*. Указательные местоимения регулярны в анафорическом употреблении, но в них есть и дейктическое значение. Пары *тот / этот, там / здесь, туда / сюда, оттуда / отсюда* разграничены ориентацией на субъекта речи: *здесь, сюда, отсюда* — это место, где находится субъект речи, *там, туда, оттуда* — это место, где нет субъекта речи; этот предмет находится к говорящему ближе, чем тот предмет;

5) определительные местоимения: *весь, сам, самый, всякий, каждый, иной*. Определительные местоимения семантически неоднородны. А. М. Пешковский разделил их на три группы: обобщительные (*всякий, каждый, любой*), совокупные (*весь*), выделительные (*сам, самый, иной, другой*);

6) вопросительные местоимения: *кто, что, какой, каков, каковой, который, чей, сколько, где, куда, откуда, когда, почему, отчего*. Вопросительные местоимения заключают в себе вопрос о неизвестном говорящему предмете, признаке, количестве, месте, времени и причине;

7) отрицательные местоимения. Они образованы от вопросительных местоимений при помощи отрицательных приставок *не-, ни-*: *никто, ничто, нечего, некого, никакой, ничей, нисколько, нигде, никуда, никогда, ниоткуда*. Отрицательные местоимения указывают на отсутствие предметов, признаков, обстоятельств. Они используются при построении отрицательных предложений (*Никто не приехал, Никуда не пойду, Никогда не узнаю, Нет никаких нарядов*);

8) неопределенные местоимения. Они образуются при помощи аффиксов *не-, -то, -либо, -нибудь, кое-*: *некто, нечто, некий, некоторый, кто-то, кто-либо, кто-нибудь, кое-кто* и т. п. Данные местоимения используются говорящим для обозначения предметов, признаков и обстоятельств, которые говорящему неизвестны или изображаются таковыми;

9) относительные местоимения. По составу они совпадают с вопросительными, от которых резко отличаются своей функцией: относительные местоимения являются строевыми элементами сложного предложения. По существу они образуют особую группу союзных единиц. От местоимений они сохраняют свойство формировать анафорические отношения;

10) к местоимениям относится фразеологическая единица *друг друга* (образованная сочетанием кратких форм от местоимения *другой*) со значением 'взаимно один другого (других)': *любить друг друга, помнить друг друга, помогать друг другу, заботиться друг о друге*. В таком же

значении употребляется сочетание *один другого: перебивать один другого, обещать один другому, писать один другому*. Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев выделяют наречную местоименную лексему *один за другим* (склоняется только компонент *один*) со значением 'поочередно': *Они входили один за другим*⁷⁰.

§ 72. Грамматические разряды местоимений

По грамматической оформленности местоименные слова неоднородны. Они обнаруживают признаки разных частей речи. На основе сходства с частями речи выделяют:

1) местоимения-существительные. К ним относятся личные, лично-указательные местоимения, слова *кто, что* и образованные от них отрицательные и неопределенные местоимения, а также слово *себя*. Местоименные существительные в структуре предложения замещают субстантивные позиции;

2) местоимения-прилагательные. К ним относятся все местоимения, способные замещать позицию согласованного определения. Местоименные прилагательные, кроме притяжательных *его, её, их*, изменяются по родам, числам и падежам. Относительные местоимения *который и какой*, сохраняя свойство соответствующих вопросительных слов согласоваться в роде и числе с существительным (находящимся в главной части), в придаточном предложении имеют субстантивный падеж, например, П. п. со значением места: *Вот дом, в котором мы живем*;

3) местоимения-числительные. К ним относятся слова *столько и сколько* (и образованные от них: *столько-то, сколько-нибудь* и др.), которые морфологически подобны слову *много*. Значение неопределенного количества в них зависит от употребления при существительном (*столько книг, сколько дней?*). В позиции при глаголе они становятся наречиями (*Столько работать не каждый может*) и утрачивают падежную флексию;

4) местоимения-наречия, к которым относятся все неизменяемые местоимения, употребляющиеся в позициях обстоятельственных членов предложения. Кроме этого, к местоименным относятся и те лексемы, которые образованы от местоимений по наречной словообразовательной модели: *по-моему, по-твоему, по-нашему, по-вашему*.

Морфологические категории местоимений

В особой характеристике нуждаются только грамматические категории местоименных существительных. Местоименные прилагательные

---

⁷⁰ Там же. С. 359.

по грамматическим свойствам совпадают с собственно прилагательными, а местоименные числительные с неопределенно-количественными числительными. Местоименные наречия морфологических категорий не имеют.

Морфологические категории местоименных существительных

§ 73. Категория рода

Морфологический род среди местоименных существительных есть только у лично-указательных местоимений *он, она, оно*, который выражается окончаниями и имеет прежде всего синтаксическое содержание: род местоимения при употреблении выбирается в зависимости от рода того существительного, которое замещается местоимением: *Среди миров, в мерцании светил Одной Звезды я повторяю имя... Не потому, чтоб Я Ее любил, А потому, что я томлюсь с другими. И если мне сомненье тяжело, Я у Нее одной молю ответа, Не потому, что от Нее светло, А потому, что с Ней не надо света* (И. Анненский).

Выбор мужского или женского рода у лично-указательного местоимения может объясняться непосредственно референтной соотносительностью слова, в таких случаях род имеет номинативное значение: *...Он вышел, шатаясь, Искривился мучительно рот... Я сбежала, перил не касаясь, Я бежала за ним до ворот* (Ахматова). Употребление словоформы *он* в приведенном примере мотивировано тем, что речь идет о мужчине.

Остальные местоименные существительные морфологического рода не имеют, не имеют они и номинативного рода, так как у них нет вещественного предметного значения.

В предложении местоимениям *я, ты, себя* может приписываться номинативный род в зависимости от пола субъекта речи и его адресата. Семантическим показателем рода в таких случаях бывает согласуемая форма глагола или определения: *От него ревнивого, заперевшись в комнате, вы меня, ленивого, добрым словом вспомните* (К. Симонов); *Я глупая, а ты умен, Живой, а я остолбенелая* (Цветаева); ср. также: *я пришел, я пришла, ты пришел, ты пришла, разговаривать с самим собой и разговаривать с самой собой*.

В связи с этим местоимения *я, ты, себя* в некоторых работах наделяются общим родом (по аналогии с существительными общего рода). Однако эта аналогия весьма условна, так как при олицетворении (персонификации) неодушевленных существительных личному местоимению можно приписать и средний род: *Красно солнце отвечало: «Я царевны не видало»* (Пушкин). Когда речь идет о людях, какими бы существи-

тельными они ни обозначались, родовая согласуемая форма выбирается в соответствии с полом (напомним, что само местоимение на пол не указывает) того лица, которое оказывается субъектом речи или адресатом. Согласование глагола и прилагательного с указанными местоимениями является смысловым, а не грамматическим.

Местоимения *кто*, *что* и производные от них в позиции подлежащего сочетаются со спрягаемой формой глагола. В прошедшем времени и сослагательном наклонении эта форма обладает свойством согласоваться по роду. В таких случаях между сказуемым и подлежащим устанавливается синтаксическая связь, называемая условно-грамматическим согласованием. На основе такого согласования слово *кто* (и производные от него) приобретает синтаксический мужской род (*Кто пришел?*), а слово *что* (и производные от него) — синтаксический средний род (*Что упало?*). В сочетании с местоимением *такой* слово *кто* может получать номинативный женский род (*Хорошо бы узнать, кто такая была эта дама*), который в таких случаях передается окончанием словоформы *такая*. Род самого слова *такой* в подобных случаях бывает семантическим, выбирается по смыслу (т. е. на основе смыслового согласования).

§ 74. Одушевленность / неодушевленность местоимений-существительных

Местоименные существительные бывают одушевленными и неодушевленными, что выражается совпадением родительного падежа с винительным у одушевленных местоимений и именительного падежа с винительным у неодушевленных местоимений. К одушевленным относятся все склоняемые местоименные существительные, кроме слова *что*, являющегося неодушевленным, и его производных.

Одушевленность местоимений первого и второго лица можно мотивировать тем, что функция говорящего и его адресата связана с личными существительными. Что же касается словоформ 3-его лица, то в них одушевленность формальна, она не зависит от значения существительных, с которыми местоимения соотносительны в употреблении: *Вот Танин отец. Я его знаю; Вот карандаш. Я возьму его с собой.*

В местоимениях *кто*, *что* представление о живом / неживом разграничено значением корней, но это разграничение не абсолютно: при помощи слова *что* в некоторых речевых ситуациях можно спрашивать и о живых предметах: — *Что там шевелится? — Собака.*

Морфологическое число есть только у личных и лично-указательных местоимений.

У личных местоимений число выражается супплетивно: *я* → *мы*, *ты* → *вы* — и по значению не совсем соответствует числу существительных. Хотя можно допустить ситуации, в которых *мы* означает некоторое множество *я* (например, в детском саду дети хором поют: «*Мы писали, мы писали — наши пальчики устали*»), местоимение мн. ч. *мы* регулярно означает 'я с кем-н.', а местоимение *вы* — *ты* с кем-н.. (*Мы с Тамарой ходим парой* = Я и Тамара ходим парой). Поэтому число в местоимениях первого и второго лица является классифицирующей категорией: одни местоимения относятся к единственному, другие — к множественному числу.

Словоформа *они* имеет прежде всего синтаксическое содержание, она выражает согласование по числу с соотносительным существительным: *мальчики* → *они*, *девочки* → *они*, *тетради* → *они*, *ножницы* → *они*. Если словоформа *они* употребляется с ориентацией на референтную соотношенность, то она, как и форма мн. ч. существительных, указывает на некоторое множество предметов.

Местоимения *себя*, *кто*, *что* (и соответствующие производные) могут иметь только синтаксическое число. При этом форма числа согласуемого прилагательного при *себя* выбирается по смыслу (*сердиться на самих себя*), а согласование глагола с *кто*, *что* является условно-грамматическим, так как в современном языке глагол при этих местоимениях в форме мн. ч., можно сказать, не употребляется: одна и та же форма вопросительного предложения используется по отношению и к одному предмету, и нескольким предметам: — *Кто бежит?* — *Кошка* и *Кошки*. — *Что упало?* — *Карандаш* и *Карандаши*. Хотя согласуемая форма при *кто* и *что* употребляется в единственном числе, представление об единичности в лексическом значении этих слов отсутствует. Номинативного числа вопросительные (и относительные) местоимения не имеют. Исключением являются редкие случаи употребления при местоимении *кто* словоформы такие: *Пьер смотрел на них, не понимая, кто такие эти люди, зачем они и чего хотят от него* (Л. Толстой).

Номинативное число местоимение *кто* имеет при сочетании с формами мн. ч. глагола в структуре сложного предложения (... *те, кто остались*), когда согласуемая форма выбирается по смыслу, и местоимению *кто* приписывается номинативное множественное число.

Местоименные существительные изменяются по падежам. Показателем падежа является флексия или флексия в сочетании с предлогом: *расскажи мне, подойди ко мне*. Местоимения *он, она, оно, они* при сочетании с предлогом имеют формы с начальным *н'*: *его, но с него, ей → к ней, ими → с ними* и т. п. Такие формы называются припредложными.

Приращение *н'* строго обязательно происходит только после первообразных предлогов и предлогов, полученных их сочетанием (*из-за него, из-под него*). Что касается производных предлогов, то после них падежные формы местоимения *он (оно, она, они)* ведут себя по-разному: после одних предлогов приращение *н'* происходит (*около него, вблизи нее, близ нее*), после других нет (*благодаря ей, навстречу ему, наперекор им*) ⁷¹.

У местоименных существительных можно выделить только основные падежи: ни родительного количественного, ни местного падежа, ни счетной формы у них нет.

Местоименные падежи могут иметь такие же значения, какие выражаются формами собственно существительных, например, И. п. обозначает субъект действия: *К окну прикинув головой, я поджидал с тоскою нежной, чтоб ты явилась...* (Фет), *...Кто там молится, кто плачет, Кто мешает людям спать...* (Полонский); предмет как носитель признака: *Ты на свете всех милее, всех румяней и белее* (Пушкин); объект в пассивных конструкциях: *Печальная береза У моего окна, И прихотью мороза Разубрана она* (Фет). В. п. называет объект действия: *...Вручил записку от поэта. К окну Онегин подошел и про себя её прочел* (Пушкин); Д. п. — субъект состояния и адресат действия: *Она так хороша, так весело смеется... Не знаю, отчего так грустно мне при ней?* (Мей); *Но грустно думать, что напрасно была нам молодость дана* (Пушкин). Т. и П. падежи выражают объект глагольного действия: *Им овладело беспокойство...*; *О чем теперь ее мечтанье?..* (Пушкин).

Отмеченное совпадение падежной семантики не означает, однако, полного функционального совпадения падежей собственно существительных и местоимений. Чем больше падежное значение связано с лексикой, тем меньше возможность использовать для его выражения местоименную форму. Различия между существительными и местоимениями обнаруживаются прежде всего в сфере собственно обстоятельственных падежей. Например, нельзя построить высказывание таким образом: **Теплое июньское утро. Им мы уходили в поход. У лично-указательного местоимения нет значения, которое позволило бы Т. п. быть об-*

⁷¹ Подробнее об этом см. в Н. А. Еськова. Первообразные и непервообразные предлоги. Формальный аспект // Русистика. Славистика. Индоевропентика. М., 1996. С. 458–464.

стоятельством времени. Другое дело, когда выражается предметная семантика падежей: *Возьмите зонтик. Он вам пригодится: им вы укроетесь от дождя.*

При сравнении значений каждого падежа у существительных и местоимений выясняется, что полного параллелизма между ними не существует. К примеру, именительный падеж местоимений не употребляется при выражении признаков значений. Местоименный И. п. попадает в состав именного сказуемого только в идентифицирующих предложениях, где он называет предмет, а не признак: *Эх-ма! А хозяин-то ведь я* (Гоголь). Только словоформа *ты* может оказаться в позиции обращения. Можно сказать, что И. п. местоимений не используется для выражения количественных отношений, хотя у личных и лично-указательных местоимений такое значение возможно: *Детей-то у неё только я / ты, он, но не кто / что*). Р. п. у местоимений не бывает определительным (**книга меня, ручка тебя*). Т. п. не бывает обстоятельством образа действия, т. е. не выражает атрибутивно-определяющего значения, не обозначает места, времени. П. п. фактически не используется для передачи определительных отношений, он может иметь предметно-локальное значение: *Вот коробка. В ней сидит майский жук*, но чистым обстоятельством не бывает (некорректен такой текст: **Идемте в еловый лес, в нем много грибов*, надо сказать: *там много грибов*). К предложному падежу в высказываниях вроде *Нет: рано чувства в нем остыли* (Пушкин) не ставится смысловой вопрос *где?*, точно так же некорректен вопрос *Какая?*, если предложный падеж стоит при существительном: *Душа в ней долго поневоле Судьбою Ленского полна* (Пушкин).

Итак, хотя падеж местоимений, так же как субстантивный падеж, является средством синтаксической связи и выражает формирующиеся на основе такой связи отношения обобщенного предмета с другими предметами и их свойствами, функционально он не совпадает полностью с падежом существительных.

Склонение местоимений

Склонение местоимений-существительных

Личные местоимения

	Единственное число		Множественное число	
И.	я	ты	мы	вы
Р.	меня	тебя	нас	вас
Д.	мне	тебе	нам	вам
В.	меня	тебя	нас	вас
Т.	мною, мной	тобой, тобою	нами	вами
П.	(обо) мне	(о) тебе	(о) нас	(о) вас

Личное (лично-указательное) местоимение 3 л.

И.	он оно	она	они
Р.	его	её	их
Д.	ему	ей	им
В.	его	её	их
Т.	им	ей (ею)	ими
П.	(о) нём	(о) ней	(о) них

Возвратное местоимение *себя* (не имеет формы И. п. единственного числа и всех форм множественного числа. Склоняется, как местоимение *ты*).

Вопросительные местоимения *кто, что* не имеют форм множественного числа. По образцу *кто* и *что* склоняются образованные от них отрицательные и неопределенные местоимения.

Неопределенные местоимения *некто* и *нечто* не изменяются по падежам и употребляются в позиции И. п. *Нечто* может иметь также значение В. п.: *Он пел разлуку и печаль, И нечто, и туманну даль...* (Пушкин).

У отрицательных местоимений *некого, нечего* нет формы И. п.

Возвратное и вопросительные местоимения

И.	—	кто	что
Р.	себя	кого	чего
Д.	себе	кому	чему
В.	себя	кого	что
Т.	собой, собою	кем	чем
П.	(о) себе	(о) ком	(о) чём

§ 77. Особенности местоименных парадигм в сопоставлении с собственно субстантивными парадигмами

Таких особенностей несколько.

1) Местоименное склонение не связано с родом, что объясняет отсутствие у местоимений морфологического рода. Это проявляется а) в совмещении мужских и женских субстантивных окончаний в одной парадигме (*меня, тебя, себя* имеют флексию мужского рода, а *мне, мной, тебе, тобой, себе, собой* — женского рода), б) в отсутствии родовой значимости у окончания *-о*, что выявляется на синтаксическом уровне в согласовании (*кто пришел, но что упало*).

2) Супплетивизм и образование косвенных падежей от другой основы, причем основа *-j*, от которой образуются косвенные падежи местоимения 3 л., во мн. ч. и в Т. п. ед. ч. м. (ср.) р. сливается с окончаниями. В результате корневой морф в таких словоформах оказывается нулевым.

3) Наличие окончаний, отсутствующих у существительных: *-ем* (Т. п. ед. ч.), *-ас* (Р. п. мн. ч.), *-ы* (И. п. ед. ч.). Отсутствие последнего окончания среди живых именных флексий ед. ч. является основанием считать, что в местоимении *ты* флексия не выделяется так же, как в словоформе *я*. На основе парадигматического противопоставления Е. В. Клобуков приписывает словоформам *я* и *Ты* нулевое окончание подобно тому, как оно выделяется в словоформах *дом, конь, степь* ⁷²).

4) Принятое в существительных выделение твердых и мягких разновидностей типов склонения не приложимо к местоимениям.

5) При склонении форм 3 л., а также местоимений *кто* и *что* наблюдается совмещение субстантивных и адъективных окончаний, которое не совпадает полностью с тем соединением окончаний двух частей речи, которое характеризует так называемое смешанное склонение существительных.

6) Ударение при склонении местоимений-существительных постоянно падает на окончание, кроме слов *некто, нечто, некого, нечего*, в которых ударной последовательно является приставка *не-*. В неопределенных местоимениях с *кое-* на *кое-* падает дополнительное ударение: *ко́е-кто́, ко́е-кого́* и т. д.

Склонение местоимений-прилагательных

Местоименные прилагательные в склонении обнаруживают сходство с собственно прилагательными.

Местоимения *каждый, который, самый, какой, такой, всякий* и др. изменяются по образцу слов *новый, дорогой, глубокий*.

Местоимение *чей* (и производные от него) склоняются как прилагательные типа *лисий*. Так же склоняются слова *мой, твой, свой* с той разницей, что конечный согласный их основы *-j-* в формах множественного числа сливается с окончанием: *мои, твои, свои, моих, твоих, своих* (ср. *лисы, лисьих*).

Местоимения *наш, ваш* в именительном / винительном падежах имеют субстантивные окончания, а остальные формы образуют по типу прилагательных на шипящие.

⁷² Современный русский язык / Под ред. П. А. Леканта. М., 1982. С. 205.

**Парадигмы местоимений *сам, этот* (таблица № 1),
тот, весь (таблица № 2), *некий* (таблица № 3),
сей (таблица № 4)**

Таблица № 1. Единственное число

	Мужской, средний род				Женский род	
И.	сам	само	этот	это	сама	эта
Р.	самого		этого		самой	этой
Д.	самому		этому		самой	этой
В.	сам	само	этот	это		
В.	самого		этого		саму, самоё	эту
Т.	самим		этим		самой (ою)	этой
П.	(о) самом		(об) этом		(о) самой	(об) этой

Множественное число

И.	сами	эти
Р.	самих	этих
Д.	самим	этим
В.	как И. или Р.	
Т.	самими	этими
П.	(о) самих	(об) этих

Таблица № 2. Единственное число

	м. р.	с. р.	м. р.	с. р.	женский род	
И.	тот	то	весь	всё	та	вся
Р.	того		всего		той	всей
Д.	тому		всему		той	всей
В.	тот	то	весь	всё		
В.	того		всего		ту	всю
Т.	тем		всем		той (тою)	всей (всёю)
П.	(о) том		(обо) всём		(о) той	(о) всей

Множественное число

И.	те	все
Р.	тех	всех
Д.	тем	всем
В.	как И. или Р.	
Т.	теми	всеми
П.	(о) тех	(о) всех

Таблица № 3

	Единственное число			Множественное число
	м. р.	с. р.	ж. р.	
И.	некий	некое	некая	некие
Р.	некоего		некоей, некой	некоих, неких
Д.	некоему		некоей, некой	некоим, неким
В.	некий	некое	некую	некие
В.	некоего			некоих, неких
Т.	некоим, неким		некоей, некой	некоими, некими
П.	(о) некоем		(о) некоей, некой	(о) некоих, неких

Местоимения *некий* имеет во всех формах ударение на *не*-.

Таблица № 4

	Единственное число			Множественное число
	м. р.	с. р.	ж. р.	
И.	сей	сие	сия	сии
Р.	сего		сей	сих
Д.	сему		сей	сим
В.	сей	сие		сии
В.	сего		сию	сих
Т.	сим		сей (сею)	сими
П.	(о) сём		(о) сей	(о) сих

Примечание. Склонение местоимений типа *несколько* дано в разделе «Склонение числительных».

- Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976. (§) 20–21.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1977. С. 319–371.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. С. 153–154.
- Русская грамматика. Т. I. М., 1980. С. 531–539.
- Чеснокова Л. Д. Русский язык. Трудные случаи морфологического разбора. М., 1991. С. 77–98.

ГЛАГОЛ

§ 78. Категориальное значение, морфологические и синтаксические признаки глагола как части речи

Глагол как часть речи объединяет слова со значением процессуального признака, или действия предмета. Процессуальный признак — это частеречная, категориальная семантика. Ее имеют все глаголы. Особенности этой семантики выявляются при сравнении глаголов с существительными и прилагательными.

Существительное *чтение* и словоформа *читаю* лексическим значением называют одно и то же действие, но называют его по-разному: существительное — как независимую субстанцию, совокупность определенных свойств, а глагол — как деятельность предмета (в данном случае человека), т. е. как проявление субстанции, как ее признак. В предложениях *Под окном зеленеет трава* и *Под окном зеленая трава* обозначается одна ситуация, которая, однако, прилагательным и глаголом интерпретируется по-разному: прилагательное называет признак травы как нечто данное природой вещей, а глагол изображает «зеленость» как проявление свойств травы, как реализацию ее потенциальных возможностей.

Обозначение признака, в своем существовании обусловленного предметом, которому он приписывается, является отличительной чертой глагольного значения. Каждый глагол включает в себя анафорическую предметную сему, т. е. отсылает к предмету как источнику действия, что соответствует традиционному определению: «глагол как часть речи называет действие предмета». В личных формах глагола эта особенность проявляется в том, что глагольное окончание предопределяет тип действующего предмета, ограничивает возможности его морфемного выражения (*пишу* → *я*, *пишешь* → *ты*, *пишет* → *он, она, оно, человек*). В неличных формах (инфинитиве, причастии и деепричастии) — в синтаксических связях и синтаксической дистрибуции.

Второй специфической чертой процессуального признака является его охарактеризованность во времени. Это свойство глагольного значения также неразрывно связано с морфологическими категориями глагола, а именно с категориями времени и вида. Значение процессуального признака потому и является категориальным, что оно формируется с опорой на грамматическую оформленность глагола.

Как значение грамматической предметности не совпадает с лексическим значением предмета, так и категориальная семантика действия (процессуального признака) не тождественна с лексической семантикой глаголов. Лексически глаголы могут называть как действия, так и недействия: процессы (*жить*), события (*жениться*), состояния (*болеть*), отношения (*границить*) и др. Но что бы ни называл глагол, глагольный признак дается в отнесенности к его источнику и предполагает временную характеристику.

Как в существительных значение предмета или выражается дважды, лексическим значением основы и грамматическими категориями (*стол, книга*), или зависит только от грамматического оформления слова (*пение, бег, нежность*), так и в глаголах значение действия может передаваться и лексически, и грамматически (*бежать, пилить, умываться*) или только грамматически (*иметь, принадлежать, состоять, существовать*).

Итак, глагол как часть речи обозначает признак предмета, obligatorно охарактеризованный в двух измерениях: 1) признак дается как результат проявления свойств предмета (см. школьный вопрос к глагольному сказуемому: *Что делает — делал — будет делать?*), 2) признак имеет временные параметры (последнее свойство глагола иногда определяется словом «динамический»: глагол называет динамический признак предмета). Такова семантическая особенность глагола.

Глагол богат морфологическими категориями. Одни из них — вид, залог, наклонение, время, лицо — есть только в глаголе. Другие — род, число — являются едиными для глагола и имен. С морфологической стороны глагол специфически характеризуется обязательностью словоизменения. Как уже отмечалось, в языке нет неизменяемых глаголов, хотя у глагола есть неизменяемые формы.

Морфологические категории неодинаково характеризуют разные глагольные словоформы. Одни категории обнаруживаются во всех глагольных словоформах. Их называют постоянными глагольными категориями. Таковы категории вида и залога. Другие категории — наклонение, время, лицо, число, род — имеют не все глагольные словоформы. Их называют непостоянными грамматическими категориями глагола. Наклонение, время, лицо в спрягаемом глаголе неразрывно связаны с выражением синтаксической предикативности, т. е. грамматического

значения предложения. Поэтому их называют также предикативными категориями глагола.

В грамматическом строе языка глагол как часть речи оформлен и словообразовательными средствами. Важно, что многие суффиксы образуют только глагольные основы: *и-ть* (*белить*), *е-ть* (*белеть*), *а-ть* (*охать*), *ну-ть* (*охнуть*), *нича-ть* (*лентяйничать*) и др.

Первичной синтаксической функцией глагола является функция сказуемого в глагольном предложении. Существует своего рода симметричность между словоизменительными формами глагола (или тем, что называют финитным, т. е. определенным, глаголом) и их синтаксической ролью. Эти формы не бывают другими членами предложения (речь идет о собственно глагольном употреблении). Подлежащим, дополнением, определением и обстоятельством глагол может быть только в форме инфинитива, причастия и деепричастия, в связи с чем их можно было бы назвать внутричастеречными синтаксическими дериватами.

§ 79. Границы глагола как части речи

Вопрос о границах глагола как части речи связан с определением частеречного статуса инфинитива, причастия, деепричастия, а также слов типа *прыг*, *скок*. И это понятно, почему: грамматически они оформлены иначе, чем финитный глагол. После выхода книги акад. В. В. Виноградова «Русский язык», можно сказать, стало традицией объединять спрягаемые формы, инфинитив, причастия и деепричастие в одну часть речи (что не исключает и другого взгляда на факты, например, А. Н. Тихонов выделяет причастия и деепричастия в качестве отдельных самостоятельных частей речи). Формы типа *прыг*, *скок* определяются по-разному: нередко их квалифицируют как особые формы глагола, но, пожалуй, чаще их относят все-таки к междометиям. Каковы же основания для подобной трактовки?

§ 80. Инфинитив как форма глагола

Инфинитив (или неопределенная форма) признается словарной формой глагола. Между ним и финитными (спрягаемыми) формами глагола существуют особые отношения.

С одной стороны, инфинитив и спрягаемые формы объединяются на основе регулярности, позволяющей считать инфинитив начальной формой глагола. Нет ни одного инфинитива, параллельно которому не существовали бы соответствующие личные формы, и, наоборот, нет таких личных форм, для которых нельзя было бы назвать инфинитива. Кроме этого, инфинитив и спрягаемые формы совпадают в лексическом значении. При этом глагольные суффиксы соединяются с инфинитив-

ной флексией. Поэтому в лексикографической практике глагол представляется инфинитивом. С этой точки зрения, спрягаемые формы вторичны по отношению к инфинитиву.

С другой стороны, если определять инфинитив в аспекте первичной глагольной функции, то он оказывается вторичной формой по отношению к финитному глаголу, поскольку функция простого глагольного сказуемого для него возможна только в транспозиции: *И царица хохотать, и плечами пожимать, и подмигивать глазами, и прицеливать перстами, и вертеться подбочась, гордо в зеркальце глядясь* (Пушкин).

Инфинитив служит средством синтаксической транспозиции глагольной семантики. Это синтаксический дериват, но в отличие от субстантивных дериватов он не обнаруживает никакого категориального значения, которое семантически отличало бы его от финитных глагольных форм. В предложении инфинитив может быть подлежащим: *В этом городе знать три языка — ненужная роскошь* (Чехов), дополнением: *Я попросил Ерофея заложить ее (бричку) поскорей* (Тургенев), определением: *А на утро снова появились <...> листовки с призывом мстить захватчикам* (Фадеев), обстоятельством: *На другой день Пьер приехал проститься* (Л. Толстой).

§ 81. Связь с глаголом причастий и деепричастий

Причастие и деепричастие (даже если их называть отдельными частями речи) нельзя оторвать от глагола потому, что они обнаруживают категориальное глагольное значение. А. А. Потебня, характеризуя в свое время причастие, обращал внимание на то, что причастный признак «представляется зависимым от энергии, присущей предмету», хотя сам предмет при этом не называется⁷³. Другими словами, причастие называет признак по образцу глаголов, а не прилагательных. Вообще, название признака всегда ассоциируется с представлением о его носителе. Но прилагательное называет признак предмета, не выражая при этом, как предмет и признак связаны между собой (*черный карандаш, черные тучи, черные замыслы*). Причастие же называет признак, который предмет сам производит (*дрожащие руки, дрожащий голос, дрожащая струна*).

То же самое можно сказать и о деепричастии. М. В. Панов писал о том, что по типу категориального значения *хорошая* ближе к *хорошесть*, чем к наречию *хорошо*⁷⁴.

В причастиях и деепричастиях (и в инфинитиве) связь действия со своим источником выявляется не в морфологических категориях, а с по-

⁷³ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. 1–2, М., 1958. С. 94.

⁷⁴ М. В. Панов. О частях речи в русском языке // Филол. науки, 1960. № 4.

мощью синтаксических средств, синтаксических отношений. Причастия и деепричастия всегда употребляются так, что оказываются словоформами, имеющими субъектную валентность. Важно обратить внимание также на то, что и причастное, и деепричастное действие обязательно соотносится с временным планом.

В синтаксических разделах грамматики инфинитив, причастия и деепричастия признаются средством выражения вторичных или свернутых пропозиций. Другими словами, им приписывается номинативная пропозитивная роль финитного глагола, только не в позиции сказуемого.

Кроме общности категориального значения и пропозитивной номинативной предложенческой функции, инфинитив, причастия и деепричастия объединяются с собственно глаголом категориями вида и залога, а в причастиях есть и морфологическое время.

Причастие и деепричастие называют атрибутивными глагольными формами, так как у причастия есть признаки прилагательного (оно изменяется по родам, числам и падежам так же, как прилагательное), а у деепричастия — признак наречия — неизменяемость. Причастия и деепричастия — это гибридные формы глагола.

Гибридность причастий и деепричастий обнаруживается не только в их морфологических признаках, но и в синтаксисе. В разных синтаксических местах они неодинаково проявляют свои глагольные свойства.

Причастия, компенсирующие отсутствие категории лица включенностью в их семантику анафорической субстантивной семы, отсылающей к носителю действия (*читающий* = тот, кто читает; *читавший* = тот, кто читал), имеют три основных типа употребления: 1) в позиции небособленного прилагательного: *Пилат накинул капюшон на свою чуть лысеющую голову* (М. Булгаков), 2) в причастном обороте, где причастие сохраняет дистрибутивные свойства глагола и всегда может быть интерпретировано как трансформ спрягаемого глагола: *В доме жила уже несколько дней Тамара Игнатьевна, тетя Тома из Александрова, приехавшая, чтобы немного помочь теще по хозяйству* (Ю. Трифонов), 3) вместо существительного: *Он курил крепкие папиросы, и Маргарита раскашлялась, проходя мимо него. Куращий, (= тот, кто курил) как будто его колючили, вскочил со скамейки...* (Булгаков).

Деепричастия 1) могут быть обстоятельством образа действия, т. е. называть сопроводительное действие в качестве признаковой характеристики другого действия: *Артамоновы жили, ни с кем не знакомясь* (Горький), 2) могут, подобно глаголу, обозначать отдельную ситуацию: *Расставшись с Максимом Максимычем, я живо проскакал Терекское и Дарьяльское ущелья...* (Лермонтов). В таких случаях они легко преобразуются или в придаточные предложения, или в части сложносочиненных предложений.

Как видим, в тексте причастия и деепричастия могут удаляться от глагола, однако очень редко они порывают с глаголом окончательно. В любом употреблении они обнаруживают черты глагольной семантики.

§ 82. Отличие лексем типа *прыг, скок* от глагольных словоформ

Что касается лексем типа *прыг, скок*, то они не должны относиться к глаголам, во-первых, потому, что они нерегулярны: от многих (если не от большинства) глаголов такие формы не образуются. Во-вторых, потому, что таким лексемам свойственна специфическая функция: они в отличие от глагола действие не называют, а изображают и тем самым в какой-то мере сближаются с междометиями и звукоподражательными словами. Слова типа *прыг, скок* находятся на периферии частеречной системы, тогда как глагол образует центр языкового мышления и морфологического строя языка.

В результате границы глагола как части речи определяются так: инфинитив, спрягаемые формы (финитный глагол), причастия и деепричастия.

§ 83. Лексико-грамматические разряды глаголов

В морфологии выделяются только те разряды глаголов, которые влияют на глагольное формообразование. Эти разряды выделяются на разных основаниях и образуют несимметричные группы.

§ 84. Переходные / непереходные глаголы

Переходные глаголы — это глаголы с объектной валентностью. Однако традиционно переходность не считается чисто семантической категорией: при переходном глаголе грамматическое дополнение должно выражаться винительным падежом без предлога. В отрицательных предложениях винительный может заменяться родительным беспредложным падежом (*Ласточка одна не делает весны*). При этом семантическая роль объекта не влияет на определение переходности: объект может быть живым и неживым (*вижу кошку / дерево*), он может создаваться или, наоборот, разрушаться (*строить дом, есть грушу*), он может не подвергаться воздействию (*слышу шорох*).

По лексическому значению переходный глагол определить нельзя. Чтобы быть переходным, глагол должен сочетаться с винительным прямого дополнения. Переходность — это семантико-синтаксическое свойство глаголов. Один и тот же глагол в разных лексико-семантических

вариантах может быть переходным и непереходным (ср. *пить молоко* и *пить* = быть пьяницей).

Переходность имеет непосредственное отношение к категории залога.

Примечание. К переходным относят немногочисленные глаголы, управляющие другими объектными падежами, если от них образуются страдательные причастия: *управлять* (*управляемый*), *руководить* (*руководимый*), *накупить* (*накупленный*).

Все глаголы, не сочетающиеся с беспредложным объектным винительным падежом, кроме отмеченных в примечании, называются непереходными.

§ 85. Возвратные / невозвратные глаголы

Возвратными называются глаголы на *-ся*. Они могут быть непроеизводными, *reflexiva tantum* (*бояться, смеяться*), и образованными как от непереходных, так и переходных глаголов (*торговать* – *торговаться*, *умывать* – *умываться*). Некоторые непереходные и образованные от них возвратные глаголы могут обозначать одну и ту же ситуацию (*Что-то чернеет вдали* и *Что-то чернеется вдали*). Но в большинстве случаев возвратный и невозвратный глаголы называют разные ситуации, например, *торговать* означает 'продавать что-нибудь', а *торговаться* — 'стремиться купить подешевле', *умывать* называет ситуацию с двумя участниками (*Мать умывает девочку*), а *умываться* — ситуацию с одним участником (*Девочка умывается*); в предложениях *Миша ударил Колю* и *Миша и Коля ударились о дерево* речь идет о двух мальчиках, но ситуации, участниками которых они являются, неодинаковы. В связи с этим компоненты смысла (кроме значения страдательного залога), привносимые в слово постфиксом *-ся*, считаются словообразующими. *-ся* — многозначный аффикс (А. А. Шахматов насчитывал у него 12 значений). В грамматиках чаще всего отмечаются следующие:

1) собственно-возвратное значение: *умываться, одеваться, обуваться, разуваться, причесываться, пудриться, румяниться*;

2) взаимно-возвратное значение: *обниматься, ругаться, ссориться, целоваться, мириться, переписываться, встречаться*;

3) средне-возвратное значение: *восхищаться, гневаться, сердиться, веселиться, радоваться, ужасаться, пугаться*;

4) косвенно-возвратное значение: *укладываться, собираться, упаковываться, строиться, запасаться*;

5) активно-безобъектное значение: *бодаться, плевать, ругаться* (произносить нецензурные слова), *кусаться*;

6) пассивно-качественное значение: *гнуться, рваться, нагреваться, охлаждаться, расширяться, сужаться, стираться*;

7) пассивно-возвратное значение: *вспоминаться, припоминаться, представляться* (= казаться).

Возвратный глагол может быть образован при помощи *-ся* в сочетании с другими морфемами (*набегаться, умяться, перемигиваться*).

Возвратность связана с залогом (когда залог определяется на морфемном уровне, возвратные глаголы, образованные от переходных глаголов, объединяются в так называемый возвратно-средний залог). Аффикс *-ся* является знаком непереходности. Встречающиеся в разговорном языке сочетания вроде *боюсь мать, слушаю бабушку* ненормативны и немногочисленны.

§ 86. Предельные / непредельные глаголы

Выделение предельных / непредельных глаголов не имеет такой давней традиции, как выделение переходных и возвратных глаголов. Их разграничение в отличие от переходных и возвратных глаголов не опирается на формальный признак, поэтому граница между предельными и непредельными глаголами не всегда может быть четко установлена. Тем не менее понятие о предельности / непредельности действия оказывается очень важным для глагола, так как оно помогает раскрыть специфику грамматической категории вида.

Предельные глаголы называют действия, «стремящиеся к своему завершению». Указанный компонент значения чаще всего бывает связан 1) с направленностью действия на объект (*рисовать картину, ремонтировать дом*), 2) направленностью действия на субъект (*дом горит, человек старится, она садится на стул*), 3) с активной целенаправленной деятельностью субъекта (*Мать заставляет сына учиться, Петров выступает с докладом на ученом совете*).

Непредельные глаголы, наоборот, называют действия, которые к своему завершению не стремятся. Такими регулярно оказываются глаголы, обозначающие 1) постоянные свойства предметов (*Земля вращается вокруг солнца*), 2) состояние предмета (*Ребенок болеет*), 3) ту или иную деятельность как род занятий (*Он плотничает, хозяйничает, учителствует*), 4) нецеленаправленные действия или процессы с неактивным субъектом (*Солнце светит, вода кипит, ветер дует*); 5) отношения (*Россия граничит с Финляндией*).

Признак предельности / непредельности может характеризовать как лексему в целом, так и отдельные лексико-семантические варианты: в предложении *Он парень с головой и славно пишет, переводит* переходные глаголы употреблены как непредельные, поскольку называют свойства человека.

§ 87. Категория вида

Вид (вид называют также аспектом) является постоянной грамматической категорией глагола, так как он обнаруживается во всех глагольных формах, по этой же причине он не относится к числу предикативных глагольных категорий: он реализуется не только в позиции сказуемого.

Вид — это обязательный признак глагола. Каждый глагол имеет вид, вид сопутствует глагольному словообразованию.

Вид обладает классифицирующим свойством: все глагольные лексемы он делит на две группы. Одну группу называют глаголами несовершенного вида, другую — глаголами совершенного вида (глаголы НСВ и глаголы СВ).

§ 88. Средства выражения видового значения

Средства выражения вида имеют свою специфику. Она, в частности, состоит в том, что вид не выражается глагольной флексией, вид предопределен глагольной основой, и это объясняет тесную связь вида с лексическим значением слова.

Говоря о морфологическом, т. е. морфемном, выражении вида, надо отметить, что в языке есть глаголы, в структуре которых вообще нет морфем, которым можно было бы приписать функцию выражения вида, т. е. есть глаголы, в которых вид отдельной морфемой не выражается. Таковы, например, бесприставочные глаголы с корневым гласным в инфинитиве: *бить, вить, печь, стеречь, слыть, жить*; производные глаголы типа *писать, звать, дышать, висеть, рисовать* и др. Но таких глаголов относительно немного. В морфемной структуре большинства глаголов есть аффикс (или аффиксы), выражающий значение вида.

От бесприставочных глаголов НСВ при помощи приставок образуются глаголы СВ, лексически находящиеся на разном расстоянии от мотивирующего слова, например, *делать* → *сделать, доделать, подделать, заделать, выделать, переделать, подделывать*.

Приставки, изменяющие денотативный смысл глаголов (*заделать, подделывать* и др.), называются мутационными.

Приставки, выражающие результативные, количественно-временные характеристики действия и не меняющие денотативные свойства глаголов, образуют модифицирующие словообразовательные типы. В глаголе в целом широко представлено приставочное модифицирующее словообразование.

С выражением видового значения связывают прежде всего так называемые видовые, или грамматические приставки. Это такие приставки, которые, образуя глаголы СВ, объединяющиеся с мотивирующими словами (производящей базой) в видовые пары: *писать* → *написать*, *делать* → *сделать* (о видовой паре см. § 96). Чаще всего СВ в таких глаголах можно соотнести со значением конца или результата действия: *дом сгорел*, *школу построили*.

Провести четкую границу между модифицирующими и видовыми приставками практически невозможно. Модифицирующая приставка не является грамматической (см. *допить*, *запеть*, *поспать*), но грамматическая приставка обычно выражает и какое-нибудь модифицирующее значение. Например, выделяют видовые пары *видеть* – *увидеть*, *нравиться* – *понравиться*. В соответствии с этим в глаголах *увидеть* и *понравиться* приставка признается грамматической (видовой), но и приставке *у-*, и приставке *по-* в данных словах можно приписать начальное, т. е. модифицирующее, значение. Еще раз отметим, что в современной аспектологической литературе и значение законченности действия, и значение результата считаются модифицирующими. Другими словами, одна и та же приставка может быть и модифицирующей, и видовой.

В результате нужно сделать такой вывод: СВ выражается приставками, при этом средство выражения вида одновременно является и средством образования слова.

СВ выражается также суффиксом *-ну*: *толкать* → *толкнуть*, *кричать* → *крикнуть*. В таких случаях при образовании СВ происходит мена суффиксов (суф. *-ну* занимает место суф. *-а*). Полученные пары глаголов могут различаться модифицирующими смыслами: *мазать* → *мазнуть*, *чирикать* → *чирикнуть*, *охать* → *охнуть*.

От приставочных и бесприставочных глаголов СВ при помощи суффиксов (или собственно суффиксальным способом, или меной суффиксов) образуются глаголы НСВ, например, *переделать* → *переделывать*, *долить* → *доливать*, *дать* → *давать*, *простить* → *прощать*. Средством выражения видового значения в таких случаях оказывается суффиксальная морфема.

Образующиеся таким путем пары глаголов (см. только что приведенные примеры) регулярно различаются только видом, поэтому существует мнение, что основным средством выражения видового значения является суффикс, а не приставка. Суффиксальные морфы *-а-*, *-ва-*, *-ыва/-ива-* больше, чем приставки, предназначены для передачи видового значения. Тем не менее в языке есть глагольные лексемы, образованные той же суффиксальной морфемой и отличающиеся от мотивирующего глагола или модифицирующим или мутационным смыслом: *говорить* → *поговорить* → *поговаривать*, *глядеть* → *приглядеть* → *приглядывать*, *заб-*

лудиться (потерять дорогу) и заблуждаться (ошибаться). Так что в целом не только приставки, но и видовые суффиксы не противопоставлены словообразовательным средствам глагола.

Итак, в морфемном выражении вида можно отметить две особенности: 1) морфемы, выражающие вид, не являются окончаниями, 2) они не разграничены четко со словообразовательными суффиксами и приставками.

Образование СВ от бесприставочного глагола НСВ при помощи приставки или суффикса -ну- вслед за С. Карцевским называют перфективацией. Отдельные перфективированные глаголы образуются префиксально-суффиксальным способом: *вешать* → *повесить*.

Образование НСВ от глаголов СВ при помощи суффикса называют имперфективацией. Три имперфективированных глагола образованы с участием постфикса -ся: *лечь* / *ложиться*, *сесть* / *сидиться*, *стать* / *становиться*.

От глаголов СВ и НСВ, полученных перфективацией и имперфективацией, при помощи приставок сравнительно редко и всегда с модификационным значением образуются глаголы СВ: *понаговорить*, *понабирать*, *понавыдумывать*.

В отдельных случаях вид может выражаться супплетивно: *говорить* / *сказать*, *брать* / *взять*, *находить* / *найти*, *класть* / *положить*.

На основе приемов перфективации и имперфективации образуются «видовые цепи» глаголов:

толкать < толкнуть → подтолкнуть → подталкивать
вытолкать → выталкивать → повыталкивать

Видовое значение выражается и синтаксическими средствами, в сочетаниях глаголов со словами определенной семантики. Например, частица *всё* указывает на длящееся действие. С этой частицей употребляются глаголы НСВ: *он всё спит, ест, пишет* и т. д. Фазовые глаголы также сочетаются только с НСВ: *начал работать*, но не **начал зарабатывать*. Очень часто аспектуальный контекст задается временным наречным компонентом, ср.: *Каждое утро Петров являлся в контору ровно в десять часов* и *Сегодня утром Петров явился в контору ровно в десять часов*.

Как уже отмечалось, вид тесно связан с лексикой и может быть предопределен лексическим значением слова. Так, глаголы, обозначающие постоянные отношения, не бывают СВ: *Волга впадает в Каспийское море*.

§ 89. Особенности выражения вида в глаголах движения

При характеристике категории вида традиционно принято выделять небольшую и лексически замкнутую группу непроемких беспредметных глаголов движения (или глаголов перемещения). В нее включают следующие 14 пар глаголов: *бежать / бегать, брести / бродить, везти / возить, вести / водить, гнать / гонять, ехать / ездить, идти / ходить, катить / катать* в значении 'перемещать по поверхности какой-нибудь круглый предмет', *лезть / лазить* (разг. *лазять*), *лететь / летать, нести / носить, плыть / плавать, ползти / ползать, тащить / таскать*. Все эти глаголы несовершенного вида. Отличительной их особенностью является выражаемое ими разграничение в характере протекания действия: в каждой паре первый глагол называет действие, совершаемое в одном направлении (*Журавли летят на юг*). Это глаголы однонаправленного действия. Вторые глаголы называют действия или разнонаправленные, или многократные (*Над полем летают журавли, Летом он ходит за грибами*). Это глаголы разнонаправленного действия.

Глаголы разнонаправленного действия не всегда подчиняются правилу перфективации: когда к ним присоединяется пространственная приставка, они остаются глаголами НСВ: *вбежать, приводить, увозить, вылетать, отгонять*. К некоторым глаголам разнонаправленного действия пространственные приставки не присоединяются: *бродить, ездить, лазить, катать, плавать, таскать*. У глаголов *бегать* и *ползать* присоединение пространственной приставки связано с переносом ударения на суффикс: *бегать* → *убегать, отбегать, выбегать, перебегать, ползть* → *отползать, переползать, вползать, уползать*.

Примечание. Приставка может не изменять вид и в некоторых непредельных глаголах, например, *существовать* — НСВ, *сосуществовать* — НСВ, *страдать* — НСВ, *сострадать* — НСВ. Но этот факт не имеет непосредственного отношения к образованию видовых пар.

Присоединение приставки (любой) к глаголам однонаправленного действия переводит их в СВ: *вбежать, отвезти, довести, приползти, подкатить, приплыть, влезть*. Другими словами, на глаголы однонаправленного действия правило перфективации распространяется.

Примечание. Лексемы, образованные от глаголов однонаправленного и разнонаправленного действия при помощи одной и той же пространственной приставки, образуют пару глаголов, противопоставленных по виду: *прийти / приходить, влететь / влетать, отнести / относить, подогнать / подгонять*.

Когда пространственная приставка к глаголу разнонаправленного действия не присоединяется, глагол НСВ к соответствующему приставочному глаголу СВ образуется по общему правилу — имперфек-

тивацией: *отплыть* – *отплывать*, *подкатить* – *подкатывать*,
влезть – *влезать*, *притащить* – *притаскивать*, *приехать* – *приезжать*,
забрести – *забредать*.

§ 90. Морфонологические чередования при выражении вида

При образовании видов наблюдаются чередования согласных и гласных звуков (фонем). Чередуются следующие согласные: *д'/ж*, *д'/жд* (*родить* – *рожать*, *победить* – *побеждать*), *т'/ч*, *т'/щ* (*выплатить* – *выплачивать*, *осветить* – *освещать*), *з'/ж*, *с'/ш* (*погрузить* – *погружать*, *допросить* – *допрашивать*), *с'т'/щ* (*простить* – *прощать*), мягкий губной согласный / губной согласный + л' (*оскорбить* – *оскорблять*, *переломиться* – *переломляться*), *г'/ч* (*помочь* / *помогать*).

Чередование гласных: *о/а* (*усвоить* – *усваивать*), *о/ы* (*высохнуть* – *высыхать*), *е/и* (*умереть* – *умирать*), и (ы)/*ø* (*послать* – *посылать*, *забрать* – *забирать*).

§ 91. Значение вида

Традиционно вид относят к языковым средствам темпоральной характеристики действия, выражения различий в характере протекания действия. По словам А. М. Пешковского, вид обобщенно указывает, «как протекает во времени или как распределяется во времени» действие, названное глаголом.

Вид — это номинативная, семантическая категория. При помощи вида различается смысл высказываний, состоящих из одних и тех же словоформ, ср.: *Был вечер. Солнце садилось* и *Был вечер. Солнце село*; *Женица умирала* и *Женица умерла*. В приведенных предложениях посредством вида отражаются разные реальные ситуации. В то же время вид является и интерпретирующей категорией: при помощи вида субъект речи может по-разному изобразить один и тот же факт. Например, предложениям *Саша не решал задачу* и *Саша не решил задачу* соответствует общее положение дел: наличие нерешенной задачи. Вид по-разному объясняет, по-разному интерпретирует эту ситуацию. НСВ является знаком того, что Саша и не пытался решить задачу, а СВ означает, что он не смог решить задачу.

Значение вида относится к номинативно-интерпретирующей грамматической семантике.

В современной аспектологической литературе грамматическое значение вида чаще всего определяется или через понятие предела действия, или через понятие целостности действия. В работах А. В. Бондарко неоднократно высказывалась мысль о том, что эти понятия не исклю-

чают друг друга, а скорее дополняют. Понятие о пределе выводится с опорой на семантику глаголов, а представление о целостности учитывает интерпретационную функцию вида, предполагающую наличие интерпретирующего лица.

Глаголы СВ называют действия предельные, достигшие на временной оси своего протекания такой точки, после которой действие или прекращается вообще или может начаться новая фаза в его развитии (*Дом сгорел, Цены выросли и продолжают расти*). Глаголы СВ не отвечают на вопрос настоящего актуального: *Что сейчас происходит?*, они называют действия как случившиеся или как такие, которые могут случиться в будущем безотносительно к их протеканию во времени. В этом смысле они называют действия как целостные, т. е. не членимые на отдельные составные акты, события и факты.

Подобно тому, как различают значение предмета и грамматической предметности или лексическое значение действия и категориальное значение действия в глаголе, необходимо различать лексический и грамматический временной предел в виде. Значение предела в глаголах СВ может совпадать с представлением о реальном прекращении действия, что передается лексической семантикой (*Больной умер*). Но в целом грамматическое значение предела у глаголов СВ является интерпретационным, его имеют и те лексемы СВ, которые не называют логически исчерпавших себя действий. Ср. *Вода испарилась* и *Вода нагрелась*. Глагол *испариться* означает 'реально кончиться', а глагол *нагреться* свидетельствует о том, что нагревание воды достигло заданной (интерпретирующим лицом) температуры, заданного предела.

Специфика глаголов СВ с начинательным модифицирующим значением состоит в том, что предел в них связан с начальной, а не конечной точкой в развитии действия: *запел* по существу означает 'не пел — начал петь'.

Глаголы НСВ называют действия или непредельные (*принадлежать*), или предельные, но не достигшие предела в своем развитии (*Она пишет письмо*). Глаголы НСВ могут отвечать на актуальный временной вопрос: *Что сейчас происходит?*. Они обнаруживают свойство немаркированных членов привативных противопоставлений. Это свойство состоит в том, что глаголы НСВ, с одной стороны, выражают такое аспектуальное значение, которого нет у СВ: значение действия, разветвляющегося во времени: *Соперники одной дорогой Все вместе едут целый день* (Пушкин), с другой стороны, они могут называть действие реально закончившееся: *Кто строил (= построил) этот храм?*. В связи с этим вид можно отнести к разряду бинарных привативных грамматических категорий. Немаркированным членом в видовом противопоставлении является НСВ.

§ 92. Определение вида как грамматической категории

На основе сказанного вид можно определить так: вид — это морфологическая несловоизменяемая (классифицирующая) бинарная привативная номинативно-интерпретирующая категория», обозначающая различия в представлении протекания действия» (А. В. Бондарко), выражающаяся противопоставлением лексем совершенного и несовершенного вида.

Примечание. Поиски грамматической семантики видов имеют длительную историю. В разное время давались различные определения как сущности видового противопоставления, так и самим формам СВ и НСВ. Совершенному виду, например, приписывалось значение законченности, результата, начальной и конечной точки в развитии действия.

Интерпретация видов с опорой на понятия предела и целостности действия широко представлена в литературе о виде. Можно сказать, что для русистики она стала традиционной.

В последние 20–30 лет в аспектологии появились новые подходы к определению видового значения. Это прежде всего метод толкований, который был применен к описанию семантики вида русского глагола Ю. Д. Апресяном и особенно М. Я. Гловинской. Например, глаголы в предложениях типа *Он уснул; Ян получил эту книгу от Павла* М. Я. Гловинская толкует так: «Он начал спать», «Павел действовал так, что Ян начал иметь эту книгу»⁷⁵.

В результате соответствующего осмысления видовых пар, полученных имперфективацией, М. Я. Гловинская определила общий элементарный смысл СВ как «начало» (такой же вывод на материале польского глагола был сделан А. Вежбицкой). Это позволило заключить, что глаголы СВ обозначают переход субстанции из одного состояния в другое⁷⁶.

В настоящее время многие исследователи (И. М. Богуславский, Е. В. Падучева, Г. Г. Сильницкий, И. Б. Шатуновский и др.) оценивают вид как средство разного представления ситуации, обозначенной глаголом. При таком подходе общим свойством НСВ признается обозначение одной ситуации, одного и того же длящегося «положения вещей». СВ оценивается как знак смены ситуаций. По определению И. Б. Шатуновского, он передает «цепочку», соединение минимум двух ситуаций⁷⁷: *Вася растолстел* = 'Вася худой → Вася толстый'; *Вася умер* = 'Вася живой → Вася мертв'; *Вася выкопал яму* = 'Ямы нет → Вася копает → Яма есть'; *Сосулька растаяла* = 'Сосулька есть → Сосулька тает → Сосульки нет' (примеры И. Б. Шатуновского).

⁷⁵ М. Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982. С. 30.

⁷⁶ Там же. С. 105–108.

⁷⁷ И. Б. Шатуновский. Семантика предложения и иерферентные слова. М., 1996. С. 310–313.

В структуре предложения в совокупности с другими средствами, прежде всего темпоральными наречными компонентами и временными формами глагола вид используется для аспектуальной характеристики высказывания. Контекстные значения видов называют частными значениями.

Глаголы СВ употребляются для обозначения:

1) конкретных единичных фактов и событий: *Она пришла с мороза, Раскрасневшаяся, Наполнила комнату ароматом воздуха и духов...* (Блок) — так называемое конкретно-фактическое употребление (значение) СВ;

2) повторения ряда действий в конкретной единичной ситуации: *Смотрите, что делает заяц: то вскочит, то ляжет, то перевернется, то подымет уши, то прижмет их* (пример А. М. Пешковского); СВ может также называть действие как «наглядный пример» повторяющейся ситуации: *Иногда встретишь его и не знаешь, как с ним говорить* (А. В. Бондарко). Это наглядно-примерное значение;

3) суммы одинаковых конкретных ситуаций *Мать два раза напомнила о своей просьбе* — суммарное значение СВ;

4) повторяющихся ситуаций, в которых действие, названное глаголом, представляется потенциально возможным: *Живешь в одном городе, почитай рядом, а увидишься раз в неделю* (А. Островский), *В густой трапе пропадешь с головой...* (Блок).

Основным, частным значением СВ является конкретно-фактическое значение. Оно частотно и реализуется в минимальном контексте. Остальные частные значения СВ, как показал А. В. Бондарко, оказываются производными от него и представляют собой его контекстную модификацию⁷⁸.

Глаголы НСВ употребляются для обозначения:

1) действий, разворачивающихся во времени в конкретных единичных ситуациях: *Отсталых туч над нами пролетает Последняя толпа. Прозрачный их отрезок мягко тает У лунного серпа* (Фет) — так называемое конкретно-процессное (актуально-длительное) значение;

2) ситуаций, повторяющихся неограниченное или ограниченное количество раз: *Собирая любимых в путь, я им песни пою на память...* (Цветаева);

⁷⁸ А. В. Бондарко. Семантика глагольного вида в русском языке. Frankfurt-a-Main, 1995 (Beiträge zur Slavistik; 24) S. 23.

3) ситуаций постоянного отношения: *Люблю я пышное природы увяданье, В багрец и золото одетые леса* (Пушкин);

4) ситуаций, обозначенных безотносительно к протеканию действий во времени — общефактическое (обобщенно-фактическое) значение: *Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь...* (Пушкин); *Он читал всего Шекспира* (Гловинская). При общефактическом употреблении глагол называет ситуацию в некоторый неопределенный период времени. Эта неопределенность (темпоральная неконкретность) является его обязательным признаком;

5) свойств и признаков предметов: *Как взор его был быстр и нежен, стыдлив и дерзок, а порой блистал послушною слезой* (Пушкин) — потенциально-качественное значение.

Частные значения НСВ (в отличие от СВ) не образуют «прозрачной» структуры. «Можно говорить, — отмечает А. В. Бондарко, — об определенной иерархии частных значений НСВ, однако эта иерархия не имеет четко выраженного характера, не может быть признана однозначной и абсолютной»⁷⁹. Границы между отдельными значениями нередко определяются условно.

Чаще всего в НСВ выделяют два основных значения: первое — конкретно-процессное, второе — неограниченно-кратное (последнее, по словам А. В. Бондарко, занимает «второе место» в комплексе двух основных значений⁸⁰). Оба значения регулярны и реализуются в глаголах разных лексических классов.

Общефактическое значение производно от НСВ повторяющейся ситуации. Глаголы, не называющие узуальных, обычных действий (*ехать, идти, лететь, умирать, рождаться, висеть, стоять* и т. п.) не могут иметь общефактического значения⁸¹.

Потенциально-качественное значение и значение постоянного отношения также опираются на повторяемость и обычность названного глаголом действия.

В структуре текста НСВ нередко используется для передачи одновременности нескольких ситуаций, а СВ — их последовательности. Ср.: 1) *Живет Балда в поповом доме, Спит себе на соломе, ест за четверых, работает за семерых*; 2) *<Досветла все у него пляшет,> Лошадь запряжет, полосу вспашет, Печь затопит, все заготовит, закупит. Яичко испечет да сам и облупит* (Пушкин).

⁷⁹ Там же. С. 26.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ М. Я. Гловинская. Указ. соч. С. 134.

§ 94. Понятие о конкуренции видов

Конкуренция видов — это их взаимозаменяемость (в конкретных условиях употребления), не приводящая к изменению основного смысла высказывания.

Конкуренция видов связана с частными видовыми значениями. А. В. Бондарко показал, что конкурировать могут 1) конкретно-фактическое значение СВ и общефактическое (или обобщенно-фактическое) значение НСВ, 2) наглядно-примерное значение СВ и неограниченно-кратное значение НСВ, 3) потенциальное значение СВ и потенциально-качественное значение НСВ⁸². Наиболее обычным (частотным) является первый тип конкуренции. Именно его, как правило, приводят в качестве иллюстрации данного явления.

Конкуренция конкретно-фактического и общефактического значения наблюдается там, где лексическое значение глагола, контекст и речевая ситуация наделяют НСВ свойством имплицитного указания на единичное, конкретное, получившее завершение в своем развитии действие: *Сегодня по радио сообщали / сообщили, что ожидаются морозы; Где вы покупали / купили это пальто?; А Петров уже выступал / выступил с докладом?*

При конкуренции содержание видов полностью не совпадает. Различия между ними могут относиться к разным сторонам высказывания, но денотативная (диктумная) часть предложения остается общей. Ср.: а) *Университета Бернард Шоу не кончал* = 'не учился вообще'; б) *Университета Бернард Шоу не кончил* = 'не кончил, поступив, т. е. недоучился' (пример Е. В. Падучевой).

§ 95. Связь вида с другими грамматическими категориями

Вид связан прежде всего с категорией времени, которая характеризует действие по отношению к моменту речи. Связь вида и категории времени взаимная. С одной стороны, она проявляется в том, что вид влияет на образование форм времени (у СВ нет форм настоящего времени), а также в том, что в каждой временной форме есть и значение вида. С другой стороны, временная семантика, значение так называемого настоящего актуального (вопрос: *Что сейчас происходит?*), оказывается дифференцирующим признаком при разграничении НСВ и СВ.

Вид связан также с категорией наклонения и залогом.

Благоприятные условия для видового противопоставления создаются изъявительным наклонением в действительном залоге. Что касается страдательного залога, то у глаголов СВ он регулярно выражается

⁸² А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола. С. 36–42.

аналитически (*Портрет был нарисован неизвестным художником*). Связка же не вступает в регулярные видовые противопоставления.

В формах повелительного наклонения виды могут быть приспособлены к выражению модальности. Так, при отрицании собственно побуждения нередко бывает связано только с формами НСВ, а СВ означает предостережение: *не падай* → *не упади*, *не говори* → *не скажи*, *не читай* → *не прочти*, *не давай* → *не дай*.

§ 96. Понятие о видовой паре

Два глагола, различающиеся видом и совпадающие по лексическому значению, называются видовой парой. В видовые пары объединяются предельные глаголы. Видовые пары для неопределённых глаголов (*нравиться* – *понравиться*, *радоваться* – *обрадоваться*, *любить* – *полюбить* и др.) в литературе выделяются непоследовательно.

Ю. С. Маслов в 1948 г. предложил функциональный критерий определения видовой пары: в контексте настоящего исторического презентные формы НСВ замещаются формами прошедшего времени СВ: *Вчера он входит и говорит...* → *Вчера он вошел и сказал...*⁸³. Этот прием можно использовать широко, однако в некоторых случаях указанная замена возможна и у таких глаголов, которые видовой парой обычно не считаются: *Я ему говорю, что заболел, а он смеется* (пример Е. В. Падучевой) → *Я ему говорил, что заболел, а он засмеялся*.

Видовые пары, т. е. наличие двух лексем, по-разному обозначающих одно и то же реальное действие, специфически отличают славянские языки в целом, в том числе и русский язык, от других языков, где одно действие обозначается одним словом.

Видовые пары характеризуются по двум основаниям, по формальному признаку и по значению.

§ 97. Типы видовых пар по формальному признаку

1) Видовые пары, состоящие из бесприставочного глагола НСВ и приставочного или образованного суффиксом *-ну-* глагола СВ — *делать* / *сделать*, *строить* / *построить*, *писать* / *написать*, *минировать* / *заминировать*, *лечить* / *вылечить*, *чистить* / *очистить*, *кричать* / *крикнуть*, *касаться* / *коснуться* (напомним, что значение результата, обнаруживающееся у многих таких глаголов, является модифицирующим, а связанное с ним значение предельности — видовым). Такие пары образуются посредством перфективации. Некоторые перфективирован-

⁸³ Ю. С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Очерки по аспектологии. Л., 1984. С. 53.

ные глаголы образуются приставкой и суффиксом. В результате видовая пара состоит из бесприставочного глагола НСВ и приставочно-суффиксального глагола СВ: *ронять / уронить, сажать / посадить, вешать / повесить*;

2) видовые пары, состоящие из перфективированного и имперфективированного глагола, образованного а) морфем -ва-, б) морфем -ыва-/-ива-, в) морфем -а: *долить / доливать, вбить / вбивать, пережить / переживать, распилить / распиливать, дочитать / дочитывать, подкопать / подкапывать, простить / прощать, победить / побеждать, приземлить / приземлять*. Некоторые глаголы НСВ образуются нерегулярным суффиксом -ева-: *застрясть / застревать, затмить / затмевать*. Видовые пары второго типа образуются посредством имперфективации глаголов СВ.

Видовые пары, полученные в результате перфективации и имперфективации, являются стандартными. Их образование в языке регулярно.

Примечание. В литературе представлена точка зрения, согласно которой видовыми парами признаются только оппозиции лексем СВ и НСВ, полученные в результате имперфективации. Эта точка зрения не является традиционной для русского языкознания. Показать принципиальное функциональное различие между парами первого типа и парами второго типа пока никому не удалось, хотя приемы выражения видового значения перфективацией и имперфективацией существенно различаются между собой.

Кроме стандартных, существуют нестандартные видовые пары. Таковыми являются: а) пары, образованные супплетивно, разнокорневыми словами: *говорить / сказать, брать / взять, ловить / поймать, искать / найти*; б) видовые пары, образованные присоединением одной и той же приставки (регулярно пространственного значения) к соотносительным бесприставочным глаголам движения: *входить / войти, доходить / дойти, заносить / занести, перелетать / перелететь* и т. п.

Видовые пары могут объединять лексемы (*строить / построить, простить / прощать*) и лексико-семантические варианты лексем (*учить урок / выучить урок, учить грамоте / научить грамоте*).

Один и тот же глагол может входить не в одну видовую пару: *читать / прочитать, прочитывать / прочитать, пилить / распилить, распиливать / распилить*.

К одному и тому же глаголу соотносительный глагол в видовой паре может быть представлен несколькими лексемами: *пугать / испугать и напугать, осмыслить / осмысливать и осмыслать, перерезать / перерезать и перерезывать, приготовить / готовить и приготавливать*.

§ 98. Типы видовых пар по семантическому признаку

Разграничение видовых пар по значению мотивировано влиянием лексической семантики глагола на реализацию его видового содержания. Лексическое значение может как благоприятствовать, так и мешать реализации видовой оппозиции. Например, лексическое значение глагола *давать* с трудом совмещается с представлением о дпящемся, развертывающемся во времени действии. Такое значение в нем должно поддерживаться контекстом (*Когда Таня давала мне банку с медом, в комнату влетела оса*). Если такого контекста нет (*Мать давала девочке мед*), глагол *давать* тяготеет к тому, чтобы обозначать повторяющуюся ситуацию.

По семантическому признаку различают:

1) видовые пары, в которых НСВ называет действие стремящееся к пределу, а СВ — действие, достигшее предела (их называют предельными парами): *варить суп / сварить суп, перекрашивать дом / перекрасить дом, сохнуть / высохнуть, гореть / сгореть, убеждать / убедить, решать / решить*;

2) видовые пары, в которых глагол НСВ называет кратное действие: *давать / дать, являться / явиться, брать / взять, съедать / съесть, выучивать / выучить*;

3) видовые пары, в которых глагол СВ указывает не на конец, а на начало действия, обозначенного НСВ: *обижаться – обидеться, признавать – признать, возмущать – возмутить*. Эти пары описаны М. Я. Гловинской⁸⁴. Е. В. Падучева называет их перфектными⁸⁵. К третьему типу относятся также некоторые пары, полученные перфективацией: *видеть – увидеть, слышать – услышать, нравиться – понравиться*.

§ 99. Понятие о способе глагольного действия

Терминологическое сочетание «способ глагольного действия» употребляется в двух случаях. Во-первых, им обозначается семантическая модификация (А. В. Исаченко) в основном бесприставочных глаголов, в результате которой выражаются дополнительные количественные, временные и результативные смыслы.

Во-вторых, способами глагольного действия называют разряды глаголов, объединенных на основе общей семантической модификации, т. е. общего модификационного словообразовательного значения. Спо-

⁸⁴ Семантические типы... С. 91–101.

⁸⁵ Е. В. Падучева. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996. С. 94

собы глагольного действия выражаются приставками и суффиксами (иногда префиксально-суффиксально, иногда с участием постфикса). Основные способы действия следующие:

- результативный — *выкопать, создать, достичь, построить*;
- начинательный — *запеть, пойти, раскричаться, взволноваться*;
- окончательный (финитный) — *отгрохотать, перебродить (вино уже перебродило), допить*;
- ограничительный — *поговорить, покурить, походить, погостить*;
- длительно-ограничительный — *проговорить два часа, проходить весь день*;
- однократный — *мазнуть, сглупить, сострить*;
- уменьшительно-смягчительный — *наиграть, подвыпить, приглушить, вздремнуть*;
- распределительный — *перебить все чашки, перечитать все газеты, повывезти все вещи*;
- интенсивно-результативный — *нагладить, раскормить, набегаться, объесться, отлежаться*;
- многоактный — *мазать, охать, толкать*;
- многократный — *сизживать, хаживать, нашивать, есть*;
- сопроводительный — *прихрамывать, приплясывать, поглядывать* (говорить и поглядывать по сторонам).

Вид тесно связан со способами действия, во-первых, потому, что они тоже являются средством характеристики протекания действия, во-вторых, потому, что значение способов действия может ограничивать видовое формообразование (например, от многих глаголов начинательного способа не образуются имперфективные формы: *кричать* → *закричать* → *закрикивать, *охать* → *заохать* → *заохивать, *бежать* → *побежать* → *побегивать).

Многие значения способов действия препятствуют объединению глаголов НСВ и СВ в видовые пары. Так, *махать* и *махнуть* не образуют видовой пары в связи с тем, что первый имеет значение многоактности, а второй — одноактности, глаголы *кричать* и *раскричаться* не объединяются в видовую пару потому, что у последнего есть значение интенсивности и начала действия.

§ 100. Разряды глаголов с точки зрения вхождения в видовые пары

Большинство русских глаголов входит в видовые пары. Такие глаголы называются соотносительными или коррелятивными по виду.

Кроме этого, существуют одновидовые глаголы НСВ (*imperfectiva tantum*) и одновидовые глаголы СВ (*perfectiva tantum*). Причина отсутствия у глагола видового коррелята, как правило, кроется в лексическом значении слова. Так, глаголы со значением состояния, деятельно-

сти и непредельного процесса (*скучать, тосковать, плотничать, хозяйничать, гулять, висеть, знать, править* и др.) регулярно бывают только НСВ. Глаголы типа *вскрикнуть, очнуться, ушибиться*, т. е. обозначающие «моментальные переходы» из одного состояния в другое, имеют только СВ.

Особую группу образуют так называемые двувидовые глаголы. Их можно сравнить с существительными общего рода. Двувидовые глаголы совмещают в себе значения НСВ и СВ, которые выражаются у них аналитически, т. е. в предложении (*Солдаты сейчас атакуют* (НСВ) *дворец* / *Солдаты завтра атакуют* (СВ) *дворец*).

Основную массу таких глаголов образуют лексемы, заимствованные из западноевропейских языков, содержащие суффиксальный элемент *-ова-* (*-ова-*, *-ирова-*, *-изирова-*, *-фицирова-*): *атаковать, адресовать, телеграфировать, дезертировать, систематизировать, электрифицировать*. Слов собственно русских, в том числе и старославянских по происхождению, в этой группе мало: *велеть, казнить, миловать, даровать, наследовать, ранить* и некоторые другие. Отдельные двувидовые глаголы в своей морфемной структуре имеют приставку: *переоборудовать, перееосвидетельствовать, преобразовать, переадресовать*.

Исследователи отмечают, что в языке есть тенденция к устранению двувидовости. Она проявляется 1) в том, что многие глаголы частотно употребляются в значении одного вида (например, *арестовать* регулярно используется как СВ, а глагол *рецензировать* — как НСВ), 2) в том, что к двувидовым глаголам образуются соотносительные по виду глаголы (*атаковать* / *атаковывать, редактировать* / *отредактировать, рецензировать* / *отрецензировать* и *прорецензировать*), 3) в том, что разные формы глаголов по-разному проявляют двувидовость, так причастия и деепричастия двувидовыми не бывают.

Признак двувидовости может относиться к лексеме и лексико-семантическому варианту. Например, глагол *бежать* является двувидовым в значении 'спасаться бегством'.

§ 101. Категория залога

Слово *залог* является калькой греческого слова *διαтеза*, которое имеет значение 'распределение, размещение'. Залог — это словоизменяемая интерпретирующая грамматическая категория глагола. Залог указывает на то, как в грамматической структуре предложения между подлежащим и прямым дополнением распределяется выражение субъектно-объектного окружения глагола. Залогов два, действительный и страдательный.

В действительном залоге субъект обозначается подлежащим, а объект — дополнением: *Люди изучают космос, Плотники строят дом, Насос перекачивает воду, Государство охраняет права граждан.*

В страдательном залоге грамматическое подлежащее обозначает объект действия, а грамматическое дополнение в форме творительного падежа — субъект действия. Это дополнение называют субъектным: *Космос изучается людьми, Дом строится плотниками, Вода перекачивается насосом, Права граждан охраняются государством* (вместо Т. п. могут употребляться некоторые предложно-падежные формы: *Мальчика хорошо воспитала семья* → *Мальчик хорошо воспитан семьей* и *Мальчик хорошо воспитан в семье*).

Предложения с глаголами в действительном залоге называются активными конструкциями (активом), а с глаголами в страдательном залоге — пассивными конструкциями (пассивом). Активные и пассивные конструкции преобразуются друг в друга без изменения общего смысла предложения. Это трансформационное свойство обязательно для словоформ, образующих оппозицию по залогу. Оно должно учитываться при определении страдательного залога. Например, предложение *Уж так он Таню прельщался* можно преобразовать в *Уж так Таня прельщала его*, но при этом изменится его смысл. А это означает, что *прельщался* не является формой страдательного залога глагола *прельщать*.

На семантическом уровне залог включает три компонента: действие, объект и субъект, но в синтаксической структуре предложения субъект не всегда выражается отдельным членом. Так, в неопределенно-личных предложениях, имеющих значение действительного залога (*Арестованных привели*) не бывает подлежащего, в страдательных конструкциях может отсутствовать субъектное дополнение в творительном падеже (*На нашей улице строятся красивые дома, В письме Сидоров упоминается дважды*).

Собственно залог имеют только переходные глаголы. Только действие, обозначенное переходным глаголом, может быть представлено в двух языковых формах: форме действительного и форме страдательного залога.

Непереходные глаголы, невозвратные и возвратные, по залогу не изменяются. Они имеют своего рода фиктивный (Гавранек) залог, так как подводятся под залог по функции подлежащего. Если грамматическое подлежащее обозначает семантический субъект, то глагол при нем относят к действительному залогу (*собака лает, ребенок радуется, он завидует своему товарищу*). Если грамматическое подлежащее обозначает семантический объект, то глагол при нем подводится под страдательный залог (*Так часто мне снится ограда, Калитка и ваши слова* (Есенин)). Под действительный залог подводятся и безличные глаголы (*тошнит, вечереет, смеркается, не спится*), поскольку при них не может быть под-

лежащего, значит, и не может быть объекта, выраженного именительным падежом. В результате выделяются *activa* и *passiva tantum*. При таком подходе в конечном счете оказывается, что по признаку залога охарактеризованы все глагольные лексемы. Переходные глаголы изменяются по залогу, непереходные употребляются в одном залогe.

Примечания. 1) Предложения с глаголами пассивно-возвратного значения и субъектным дательным падежом (*снится кому-н., чудится кому-н.*), т. е. *passiva tantum*, семантически полностью страдательному залогу не соответствуют, так как Д. п. в отличие от Т. п. называет субъект не действующий, а воспринимающий. Предложение *И вынулось колечко ей под песенку старинных дней* совсем не означает, что именно она вынула колечко. Напротив, в соответствии с гаданием предсказывающее судьбу колечко должно было выкатиться само. См. у А. Пушкина: *Из блюда, полного водою, выходят кольца чередою*. Н. А. Янко-Триницкая обращала внимание на то, что именительный падеж при пассивно-возвратных глаголах совмещает в себе субъектно-объектную семантику.

2) Словоформы типа *говорилось, сообщалось* с безличными глаголами полностью не совпадают, так как при них может быть подлежащее со значением объекта. Поэтому такие словоформы можно отнести к страдательному залогу.

§ 102. Категория залога в атрибутивных формах глагола

Залог в причастиях.

Категорию залога имеют также причастия. При этом причастия страдательного залога образуются только от переходных глаголов, а действительные — от всех глаголов, кроме безличных (*смеркается*) и со значением многократности (*хаживать, сиживать*). В результате и в причастиях оппозиция залогов связана с переходностью, и, так же как в собственно глаголе, представление о действительном залогe не ограничено рамками залогового противопоставления.

Действительное причастие от переходного глагола обозначает действие, субъектом которого является предмет, названный существительным, с которым причастие согласовано. Объект при таком причастии выражается винительным падежом без предлога (*читающий газету мужчину*).

Страдательное причастие указывает на то, что объект причастного действия обозначен существительным, с которым причастие согласовано, а субъект — субъектным дополнением в творительном падеже (*читаемая мужчиной газета*), при этом позиция субъектного дополнения замещается не всегда (*испуганная ворона взлетела на дерево*).

Действительные причастия, образованные от непереходных глаголов, так же как сами непереходные глаголы, выражают отношение

только к субъекту действия: *плачущий ребенок* → *ребенок плачет*, *улыбающаяся девочка* → *девочка улыбается*. Они не могут быть преобразованы в формы страдательного залога.

Возвратные действительные причастия, образованные от глаголов, соотнесительных с переходными, и имеющие при себе субъектное дополнение, выражают пассивное значение, их можно преобразовать в страдательную конструкцию: *строящийся плотниками дом* → *дом строится плотниками*, *охраняющиеся государством права* → *охраняемые государством права* → *права охраняются государством*. В таких случаях значение причастного суффикса как бы зачеркивается залоговым содержанием постфикса *ся*. Подобное употребление действительных причастий нерегулярно и определяется узусом.

Страдательные причастия в сочетаниях с отдельными существительными также могут утрачивать залоговое содержание: *накрашенная женщина* = *накрасившаяся женщина*.

Залог в деепричастиях.

В деепричастиях залог представлен непоследовательно.

Деепричастия глаголов НСВ фактически не имеют противопоставления по залогу. Синтаксические структуры вроде *Даль начинала пропадать*, *застилаясь сизым мраком*, отмеченные Н. А. Янко-Триницкой, исключительно редки в употреблении. Для большинства переходных глаголов НСВ нельзя образовать деепричастие страдательного залога. См. **книга, читаясь учениками*, **дом, строясь рабочими*, **космос, изучаясь людьми* и т. д.

Если от переходного глагола образуется страдательное причастие настоящего времени (*любимый*), страдательный залог деепричастия может быть выражен аналитически, сочетанием *будучи* с согласуемой краткой формой страдательного причастия (*будучи любим, любима, любимы, любимы*), но такие формы являются книжными и также нерегулярны.

У переходных глаголов СВ аналитическая форма деепричастия страдательного залога более регулярна, так как в таких случаях регулярно образуется полная форма страдательного причастия: *будучи написан* (*написана, написано, написаны*), *будучи построен* (*построена, построено, построены*), *будучи нарисован* (*нарисована, нарисовано, нарисованы*) и др. Но и у глаголов СВ аналитические деепричастные формы стилистически маркированы и нечастотны в употреблении.

Действительный залог в деепричастии означает, что субъектом деепричастного действия является подлежащее предложения: *Женщина все время пылливо смотрела на него, слегка щурясь* (Бунин). В страдательном залоге подлежащее выражает объект деепричастного действия: *Роман, будучи написан в прошлом веке, остается злободневным и в наши дни*.

Выражение залога в спрягаемых формах

У действительного залога нет специальных средств выражения. Он передается переходными, а в случае *activa tantum* — непереходными, невозвратными и возвратными, глаголами.

Действительный залог является немаркированным членом в залоговой оппозиции. Для того, чтобы отнести глагол к действительному залогу, достаточно, чтобы у него не было формальных признаков пассивности. Что же касается значения, то в некоторых случаях, главным образом при аналитическом выражении предиката, форма действительно залога передает пассивное содержание, и это соответствует грамматической природе слабых членов привативных противопоставлений: *Такое предложение встретило осуждение коллектива*, т. е. это предложение было осуждено коллективом, *Он понес наказание за свой поступок*, т. е. он был наказан за свой поступок.

Страдательный залог выражается двумя способами: 1) прибавлением постфикса *-ся* к переходному глаголу, который при этом утрачивает переходность (*Завод выпускает современное оборудование* → *Заводом выпускается современное оборудование*); 2) аналитически, сочетанием связки *быть* с краткой формой страдательного причастия (*Сосед отправил письмо по почте* → *Письмо было отправлено соседом по почте*).

Первый способ используется преимущественно для выражения страдательного залога у глаголов НСВ: *Владимир Дубровский воспитывался в кадетском корпусе* (Пушкин). Второй способ — у глаголов СВ: *<Отсель грозит мы будем шведу>*, *Здесь будет город заложен На зло надменному соседу* (Пушкин); *<Ее не волновали воспоминания о том, что она была на балу у сатаны, что>* каким-то чудом мастер был возвращен к ней (Булгаков).

Аналитическая форма страдательного залога в несовершенном виде, хотя и образуется у отдельных лексем (*Нами ты была любима И для милого хранима* — Пушкин), в целом нерегулярна. Точно так же нерегулярно выражается залог возвратной формой у глаголов совершенного вида, при этом постфикс *-ся* нередко используется там, где субъектное дополнение не называет активного агенса: *Обычная угрюмость сошла с его лица и заменилась выражением какой-то равнодушной усталости* (Тургенев).

При определении форм страдательного залога необходимо иметь в виду три момента.

1) У возвратной формы страдательного залога может быть омонимичный возвратный глагол (некоторые лингвисты в возвратной форме выделяют флексию *-ся*). Например, в предложении *У Машиной куклы глаза закрываются* употреблен возвратный глагол с пассивно-качест-

венным значением, а в предложении *Розы на зиму обычно закрываются самой хозяйкой* — форма страдательного залога. Пассивную конструкцию (пассив) можно преобразовать в активную (актив): *Розы на зиму обычно закрывает сама хозяйка*.

2) Выражение залога постфиксом *-ся* частотно соотносено с 3-им лицом ед. и мн. числа, т. е. в качестве объекта в таких случаях обычно выступает предмет.

3) Залог, как и другие грамматические категории глагола, реагирует на лексико-синтаксическое окружение. Значение страдательного залога наиболее отчетливо проявляется, когда субъектное дополнение называет действующее лицо: *Чины людьми даются, а люди могут обмануться* (Грибоедов).

Особенно подвержены контекстному влиянию аналитические формы глаголов совершенного вида. В них различают два типа семантики: собственно залоговое, пассивное значение (пассив) и статальное значение (статив): *Она была причесана и одета по последней моде*. При статальном значении в глаголе акцентируется не действие, а его результат. Позиция субъектного дополнения не должна замещаться. Статальные формы свободно объединяются сочинительной и бессоюзной связью с прилагательными: *Она была красива, умна, одета и причесана по моде*.

§ 104. Выражение залога в причастиях

В причастиях залог передается суффиксами (которые выражают также и временные значения): *уш/лющ, аш/лящ, вш/ш* — у действительных причастий (*пишущий, читающий, слышащий, видящий, писавший, несший*); *ем/ом, им, енн/ин, т* — у страдательных причастий (*читаемый, ведомый, любимый, повешенный, прочитанный, расколотый*).

Страдательные причастия образуются от переходных глаголов, причем с большими ограничениями. Регулярно отсутствует страдательное причастие прошедшего времени у глаголов НСВ, особенно приставочных. См. **побежденный, *переписыванный, *выливанный* и т. п. Нет страдательных причастий и у многих глаголов СВ. Так, не имеют этих форм: глаголы с суф. *-ану-* (*пугануть*), экспрессивные глаголы с суф. *-ну-* (*пунуть*) и другие глаголы на *-ну-*, если на суффиксе падает ударение (*лизнуть, мазнуть*), многие глаголы второго спряжения на *-еть-* и *-ать-* (*разглядеть, перебежать*) и глаголы с двумя приставками (*понасорить, нарасказывать*) и др.

Страдательные причастия настоящего времени обычно образуются у имперфективированных глаголов НСВ (*переливать, дописывать, прощать*), но употребляются они редко.

Нестандартным способом выражения страдательного залога в причастиях НСВ является постфикс *-ся* (*книги, продающиеся / продававшиеся в книжной лавке = книжная лавка, продающая / продававшая книги*).

Страдательные причастия могут выступать как в полной, так и в краткой форме, которая образуется так же, как краткая форма прилагательных, заменой адъективных окончаний субстантивными: *освещенный* → *освещен, освещена, освещено, освещены*. Краткие формы причастий не изменяются по падежам. Они используются для выражения залога в спрягаемом глаголе и деепричастии.

Как и в спрягаемом глаголе, в зависимости от контекста в причастии различают пассив и статив. В пассиве акцентируется причастное действие. Статальное значение связывается с адъективным типом употребления или с адъективацией. Ср. 1) пассив: ... *Это грохнула где-то внизу дверь, с размаху кем-то брошенная* (Бунин); 2) статив: *Ветер завалит крышу пальми, покоробленными листьями* (Паустовский).

Примечание. Залог является одной из наиболее сложных в теоретическом отношении грамматических категорий. Существует много интерпретаций залога. Проблема залога не решена окончательно. Концепция двух залогов является наиболее распространенной в современном языкознании.

В русистике долгое время была распространена теория трех залогов, в своих истоках связанная с именем академика Ф. Ф. Фортунатова. Она изложена во многих учебниках и учебных пособиях. В соответствии с этой теорией залог является словообразовательной трехчленной категорией, которую имеют только переходные глаголы и возвратные глаголы, образованные от переходных. Первый залог — действительный. Он указывает на то, что действие исходит от субъекта и направляется на объект. Его имеют переходные глаголы. Второй залог — возвратно-средний (или возвратный), он выражается возвратным глаголом и означает, что действие, производимое субъектом, в том или ином объеме касается самого субъекта и, наконец, третий залог страдательный, который оценивается как следствие особого употребления возвратного глагола. Морфологический страдательный залог по этой концепции представлен только в причастиях, где он выражается суффиксами.

§ 105. Категория наклонения

Наклонение является словоизменительной номинативной и интерпретирующей категорией глагола. Смыслы, выражаемые этой категорией, относятся к разряду модусных и называются модальными.

Наклонение выражает устанавливаемое говорящим отношение действия к действительности по признаку его реальности / ирреальности.

Категория наклонения образуется тремя частными парадигмами, которые называются: изъявительное наклонение, сослагательное наклонение и повелительное наклонение или императив.

В изъявительном наклонении действие изображается как реальный факт действительности (безотносительно к истинности / ложности). Нередко изъявительное наклонение используется для простого отражения в языке реальных фактов и событий: *Десять лет и год твоя подруга Не слыхала, как поет гроза...* (Ахматова).

Сослагательное наклонение изображает действие как потенциально возможное, но тем не менее не осуществленное: *Я б тебя поцеловала, да боюсь увидит месяц* (Майков). Такую модальность называют ирреальной.

Повелительное наклонение выражает побуждение к действию: *«Раз, два, три! Догоняйка-ка». Пустились бесенок и заяк...* (Пушкин).

Сослагательное и повелительное наклонения вслед за А. А. Потебней называют косвенными, так как они обозначают действия в определенной интерпретации субъекта речи, в этом смысле субъективные. А изъявительное наклонение называют прямым в связи с его основной модальностью — свойством называть действия реальные, в этом смысле объективные.

Модальные значения, выражаемые категорией наклонения в целом, Н. Ю. Шведова назвала объективной грамматической модальностью.

Если оценивать наклонения не по признаку модального значения, а с точки зрения речевых условий употребления, нужно отделить повелительное наклонение от изъявительного и сослагательного, которые в равной мере используются для построения сообщений. Что же касается повелительного наклонения, то оно является составной частью особых так называемых аппеллятивных речевых актов, предполагающих участие как субъекта, так и адресата речи.

Наклонение тесно связано с категорией времени. Эта связь проявляется в том, что изъявительное наклонение выражается формами времени, и только в этом наклонении глагол изменяется по временам. Сослагательное и повелительное наклонения морфологического времени не имеют.

Категорию наклонения называют предикативной, так как она есть только у спрягаемых форм или, как принято говорить, у финитного глагола. Инфинитив, причастия и деепричастия морфологического наклонения не имеют.

§ 106. Специфика морфологического выражения категории наклонения

Морфологической основой категории наклонения являются формы императива, поскольку только они образуются специальной морфемой.

В формах единственного числа окончание *-и* или нулевое присоединяется к основе настоящего времени: *пиши, читай, сядь*.

Нулевым окончанием форма ед. ч. последовательно образуется у глаголов с основой настоящего времени на *-j* (*й*): *читают* → *читай*, *рисуют* → *рисуй*, *краснеют* → *красней*. Нулевую флексию имеют также формы тех глаголов с основой настоящего времени на согласную (кроме лексем *а*) с суффиксом *-ну-*, б) с ударной приставкой *вы-*), у которых в 1-м лице ед. ч. ударение падает на основу: *рёжу* → *режь*, *готовлю* → *готовь*, *сяду* → *сядь*, *лягу* → *ляг*, *мажу* → *мажь*. При этом в некоторых лексемах происходит чередование твердой и мягкой согласных: *кинут* → *кинь*, *слезут* → *слезь*, *будут* → *будь*.

Если в форме первого лица единственного числа ударение падает на окончание, повелительное наклонение образуется аффиксом *-и*: *пишú* → *пиши*, *зовú* → *зови*, *смотрú* → *смотри*, *дышú* → *дыши*, *несú* → *неси*, *бегú* → *беги*, *ловлю* → *лови*. Флексия *-и* также регулярно представлена в формах повелительного наклонения у глаголов с суффиксом *-ну-* или ударяемой приставкой *вы-*: *сохну* → *сохни*, *толкну* → *толкни*, *крикну* → *крикни*, *мигну* → *мигни*, *вынесу* → *вынеси*, *выгребу* → *выгреби*.

В следующих случаях форма повелительного наклонения ед. ч. образуется нестандартно: 1) у глаголов на *знава, дава, става*, у которых в основе настоящего времени суффикс *-ва-* отсутствует (*знаю, передаю, отстаю*), повелительное наклонение образуется от основы инфинитива, к которой присоединяется *-j* (*й*). Окончание в форме нулевое. 2) Глаголы с корнесвым гласным *-и-* в инфинитиве (*пить, лить, шить, бить, вить, допить, перебить* и т. п.) имеют форму повелительного наклонения на *-ей-*: *пей, бей, шей* и т. д. 3) *Ешь, дай, поезжай* (вместо нестандартной формы *езжай*) — формы повелительного наклонения глаголов *есть, дать, ехать*.

Некоторые глаголы имеют вариантные формы: *высунуть* — *высуни* и *высунь*, *уведомить* — *уведомь* и *уведоми*, *прочистить* — *прочисть* и *прочисти* и др.

При выражении множественного числа к формам единственного числа прибавляется *-те* (форма множественного числа образуется агглютинативным способом): *пишите, читайте, сядьте*.

Морфологические формы образуются только для побуждения к действию второго лица. От некоторых глаголов, главным образом по причине их лексического значения, формы повелительного наклонения не употребляются или употребляются в особых синтаксических услови-

ях, хотя и могут быть образованы: *тошнить, весить, поиздержаться, поизноситься, знобить, втечь, выветриться* и др.

В частную парадигму повелительного наклонения, кроме аффиксальных форм 2 лица, включают: 1) формы с инклюзивным значением, т. е. со значением совместного действия (*Наташа, пойдём в буфет*), которые признаются омонимичными с формами 1 лица мн. ч. Иногда к такой форме присоединяется агглютинативный аффикс *-те*: (*Споёмте, друзья, ведь завтра в поход уйдём в предрассветный туман* (Чуркин); 2) формы с частицей *-ка*: *выпью-ка я кофейку* (считается, что таким способом выражается побуждение к первому лицу); 3) аналитические сочетания с частицами *дай* и *давай* (*Дай посмотреть журнал, Давай с тобой дружить*); 4) аналитические сочетания с частицей *пусть* / *пускай* (так выражается побуждение к третьему лицу); 5) сочетание формы 3-го лица с частицей *да*: *Да здравствует солнце! Да будет свет! Да скроется тьма! «Да сохранил тебя твой добрый гений»* (Пушкин).

Перечисленные дополнительные средства выражения побуждения вряд ли можно отнести к морфологическому уровню. В целом они не отвечают требованию регулярности морфологической формы. Одни из них избирательно относятся к лексике (например, некорректны высказывания **Давай с тобой ехать в город, *Дай ответить кондуктору, говорят бежимте, идемте*, но нельзя сказать **бегаемте, *ходимте*), другие (частицы *ка, да, пускай*) стилистически окрашены, третьи используются не только для выражения побуждения (в предложениях с личным подлежащим частица *пусть* / *пускай* выражает допущение или разрешение: *Пусть собака еще погуляет*).

Инклюзивное (совместного действия) значение формы 1-го л. мн. ч. явно связано с двумя синтаксическими условиями: 1) наличием позиции обращения, которая может оставаться незамещенной, 2) отсутствием грамматического подлежащего. Это позволяет видеть в соответствующем употреблении транспозицию, тем более что со значением совместного действия употребляются и некоторые формы прошедшего времени: *Девочки, поехали в Донской монастырь!*

Надо различать выражение побуждения морфологической формой и другими, лексико-синтаксическими, средствами. Морфологическая форма императива, как уже было сказано, образуется только для второго лица.

Сослагательное наклонение выражается аналитически, сочетанием модальной частицы *бы* с формами прошедшего времени. Оснований для выделения особой аналитической формы наклонения три: 1) регулярность: нет ни одного глагола, у которого не было бы аналитической формы сослагательного наклонения; 2) утрата формами на *-л-* при соединении с частицей *бы* временной семантики; 3) значение ирреальной модальности, которое формируется именно в данных аналитических со-

четаниях. Структуры с кратким прилагательным вроде *Рад бы в рай, да грехи не пускают* немногочисленны.

Частица *бы* употребляется также при инфинитиве. В таких случаях выражается оптативная модальность, или желательность (*посидеть бы, поговорить бы*). Но морфологической формы при этом не образуется.

Значение желательности не совпадает полностью с ирреальной модальностью, в нем нет указания на неосуществимость действия. Значение желания выражается и лексически (*хочу посидеть, поговорить*). Строго говоря, ирреальность передается только сослагательным наклонением.

Значение желательности можно приписать самой частице, так как инфинитив вне употребления по модальной семантике не охарактеризован.

Изывительное наклонение не имеет специальных средств выражения и выделяется на основе противопоставления (не повелительное наклонение, не сослагательное наклонение — значит, изывительное). Изывительное наклонение является слабым членом грамматической категории.

§ 107. Частные (контекстные) значения наклонений

Повелительное наклонение.

Повелительное наклонение называет действие, обращенное к адресату. Значение повелительного наклонения модифицируется в зависимости от ряда факторов: от того, в каких иерархических отношениях между собой находятся говорящий и адресат, от того, кто (говорящий или адресат) заинтересован в осуществлении действия и кто предполагается в роли исполнителя действия.

В соответствующих речевых условиях формы повелительного наклонения могут выражать просьбу, приказ, команду, совет, рекомендацию (в инструкциях), пожелание, призыв, запрет, угрозу и др.: *<Когда же стемнело, и заперли ворота, Феня спросила барыню: — Что ж, барыня, разве они ночевать останутся?> — Да, постели ему на диване, — ответила Грушенька (Достоевский); <Евгения> Как ты страдаешь, бедная! Наташа! Наташа, голубушка, не плачь! (А. Островский); Смотрите ж вы у меня, не очень умничайте — вы, я знаю, народ избалованный, да я выбью дурь из ваших голов, небось, скорее вчерашнего хмеля (Пушкин); <Моя искренность поразила Пугачева. «Так и быть, — сказал он, ударяя меня по плечу. — Казнить так казнить, миловать так миловать.» Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь» (Пушкин), Уступил мне, скворец, уголок, Посели меня в старом скворечнике (Заболоцкий).*

Значение форм императива связано и с видами. Так, при обозначении действия, которое надо исполнить немедленно, формы НСВ неред-

ко выражают категорическое побуждение: *«Полно врать, — прервал я строго, — подавай сюда деньги, или я тебя взащей прогоню»* (Пушкин), а формы СВ лишены этого экспрессивного оттенка. Формы СВ при отрицании могут означать предостережение: *не упади, не поскользнься, не перегрейся (на солнце), не пересоли, не простудись, не обрежь (палец), не промочи (ноги)* и т. п.

Когда позиция обращения замещается именем, называющим предмет, который не может быть исполнителем действия, повелительное наклонение изменяет свою модальность и чаще всего выражает желательность: *...О узенькая будка автомата, встань предо мной средь этих строгих строк* (Смеляков).

Формы повелительного наклонения нередко оказываются в транспозиции, т. е. употребляются без отнесенности к адресату (синтаксическому обращению). В таких случаях они могут выражать:

1) модальность изъявительного наклонения: *А отец-то мой и полюбись ей* (Тургенев); модальность изъявительного наклонения с оттенком неодобрения: *А народ-то над ним насмеялся: Поделом тебе, старый невежа! Впредь тебе, невежа, наука: Не садися не в свои сани* (Пушкин); 2) модальность сослагательного наклонения: *Щепотки волосков лиса не пожалей, остался б хвост при ней* (Крылов); 3) оптативную модальность, т. е. желательность: *Минуй нас пуце всех печалей и барский гнев, и барская любовь* (Грибоедов); 4) значение долженствования: *Вы не плачьте, а я за вас отвечай* (Чехов); 5) в сложном предложении повелительное наклонение участвует в оформлении уступительных отношений: *Куда ни кинь — все клин* (погов.).

В транспозиции формы повелительного наклонения регулярно не согласуются с подлежащим.

Сослагательное наклонение.

Сослагательное наклонение, кроме основного значения действия потенциально возможного, но неосуществленного, употребляется для выражения желательной модальности: *Я хотел бы жить и умереть в Париже...* (Маяковский), которая в разговорном языке нередко реализуется в виде просьбы: *Сходил бы ты к отцу*. Сослагательное наклонение может выражать предположение и сомнение (обычно в сочетании с частицами): *Едва ли он смог бы выехать раньше*.

В структуре сложного предложения сослагательное наклонение участвует в оформлении условных и уступительных отношений: *Была бы курочка, сварит и дурочка* (посл.); *Кто б ни был ты, печальный мой сосед, люблю тебя* (Лермонтов).

Изъявительное наклонение.

Изъявительное наклонение, как слабый член грамматической категории, особенно подвержено влиянию контекста. При наличии в пред-

ложении модальных частиц модальное значение предложения может определяться не формой времени, а частицей. Например, в предложении *Вряд ли это грохочет гром* выражается сомнение в реальности события, обозначенного глаголом. Представление о реальности может осложняться субъективными смыслами при введении в предложение таких модальных слов, как *может быть, кажется, по-моему* и др.

Значение реальной модальности у форм времени обладает свойством модифицироваться в зависимости от лексической дистрибуции глагола.

Формы прошедшего времени в сочетании с союзом *чтобы* имеют значение сослагательного наклонения, а в сочетании с частицей *чтоб* выражают долженствование. Формы прошедшего времени от некоторых глаголов движения употребляются в императивном контексте: *И «пошел!» — привстав с нагайкой, Ямщику жандарм кричит...* (Н. Некрасов). В таком же контексте, т. е. в позиции при обращении, выступают формы первого лица мн. ч. со значением совместного действия: *<Но и друг наш, Чичиков, чувствовал в это время не вовсе прозаические грезы.> А посмотрим, что он чувствовал (Гоголь).*

§ 108. Категория времени

Морфологическое время есть только у спрягаемых форм в изъявительном наклонении и в причастиях. Морфологического времени нет в формах повелительного и сослагательного наклонений, в инфинитиве и деепричастиях. Время, как и наклонение, относится к разряду предикативных глагольных грамматических значений.

Морфологическое время — это словоизменительная номинативная грамматическая категория. Время может различать содержание предложения, ср.: *Кошка тебя оцарапает* и *Кошка тебя оцарапала*. Те компоненты смысла, которые привносятся в общее значение предложения формами времени, называются актуализационными, так как они связаны не с отношениями между участниками ситуаций, а с ориентацией действия (или ситуации, обозначенной глаголом) во времени.

Формы времени выражают отношение действия к моменту речи или к моменту его протекания.

Категория времени образуется противопоставлением трех членов или трех рядов форм, называемых формами прошедшего времени, формами настоящего времени и формами будущего времени.

Формы настоящего времени указывают на совпадение действия с моментом речи (моментом протекания). Формы прошедшего времени называют действие, протекающее до момента речи (момента протекания), а формы будущего времени — действие, следующее за моментом речи (моментом протекания).

При помощи особой морфемы образуются только формы прошедшего времени глаголов НСВ и СВ. Суффикс *-л-* со значением прошедшего времени присоединяется к основе инфинитива (*простил / прощал, писал / написал*). Формы прошедшего времени изменяются по родам и числам и имеют соответствующие окончания (*писал, писала, писало, писали*). У некоторых непродуктивных глаголов форма прошедшего времени мужского рода образуется нулевым суффиксом (у таких глаголов основа инфинитива и основа прошедшего времени не совпадают): *умер, сох, мерз, мок, пек, берег*.

Формы будущего времени глаголов НСВ образуются аналитически, сочетанием форм будущего времени глагола *быть* с инфинитивом: *буду писать, буду говорить*. Эти формы изменяются по лицам и числам.

Формы настоящего времени есть только у глаголов НСВ: *пишу, говорю, читаю*. Формы настоящего времени глаголов НСВ и будущего времени глаголов СВ образуются одинаково, личными окончаниями, присоединенными к основе настоящего времени. Они разграничены только видом. Можно сказать, что настоящее время НСВ и будущее глаголов СВ (будущее простое) не выражаются специальными морфемами. Это объясняет наличие таких контекстов, в которых они четко не противопоставляются друг другу. Например, в предложениях *Решетом воду не носят* (посл.) и *Решетом воды не наносишь* (посл.) формы НСВ и СВ скорее различаются не временным, а модальным значением (в СВ выражен смысл 'нельзя наносить').

Категория времени тесно связана с видом. Это проявляется прежде всего в том, что настоящее конкретного момента речи есть только у глаголов НСВ, только глаголы НСВ могут отвечать на вопрос: *Что ты сейчас делаешь? – Что сейчас происходит? или Что происходит в данный момент?* Кроме этого, от вида зависят временные значения в формах прошедшего и будущего времени.

Формы прошедшего времени глаголов НСВ обычно называют действием, которое целиком представляется в прошлом, а формы СВ могут обозначать действие, начатое в прошлом и не оторванное от момента речи: *мне нравилась эта девушка – мне понравилась эта девушка, старик видел медведя – старик увидел медведя, трава зеленела – трава позеленела*.

Формы будущего времени глаголов НСВ и СВ, различаясь видом, могут иметь одинаковое временное значение, одинаково выражать конкретное будущее время: *Они придут еще в шинелях и ремнях И долго будут их снимать в передней...* (Симонов). Но простая форма, подобно прошедшему времени СВ, нередко обозначает будущее, не отделенное от временного плана настоящего (*Допишу письмо и пойдем в парк*), а аналитическая форма регулярно называет действие, не связанное с на-

стоящим временем: *Как я выжил, будем знать только мы с тобой* (Симонов.)

Примечание. По мнению А. В. Бондарко, отметившего хотя и редкое, но тем не менее возможное употребление аналитической формы для обозначения действия, не отделенного от момента речи (*Плакала <...> над тем еще, что сейчас сидит одна у моря, темного и вечного, которое все так же будет шуметь и после ее смерти.* — Чехов), временное различие между формами будущего времени НСВ и СВ состоит в том, что форма НСВ не выражает неактуального временного значения⁸⁶ (о неактуальном временном значении см. §) 110.

Противопоставление форм времени не является чисто временным.

Принято считать, что в русском языке есть система видо-временных форм, состоящая из двух форм прошедшего времени, двух форм будущего времени и одной формы настоящего времени. Простую форму будущего времени во многих работах называют формой настоящего-будущего времени глаголов совершенного вида.

§ 110. Типы употребления форм времени

Образование форм времени не связано с лексикой и употреблением глагола. Каждый глагол в русском языке изменяется по временам. Что же касается временной семантики, то она, напротив, зависит и от лексического значения слова, и от контекста.

Различают три типа употребления форм времени: абсолютное, относительное и переносное, или транспозицию.

При абсолютном употреблении формы времени ориентируют действие на момент речи (тот временной план, в котором находится говорящий, на конкретную речевую ситуацию). При этом глагол оказывается главным средством временной характеристики высказывания. Это основной тип употребления временных форм. На его основе грамматическое время интерпретируется как номинативная категория, служащая для выражения отношения действия к моменту высказывания, как категория, посредством которой высказывание детерминируется во времени.

В абсолютном употреблении все временные формы оказываются многозначными. Соответствующие временные значения называют синтаксическими, так как они формируются в контексте.

Основными синтаксическими значениями формы настоящего времени являются так называемые настоящее актуальное и настоящее неактуальное.

---

⁸⁶ Вид и время русского глагола. С. 58.

Настоящее актуальное относит действие к конкретной речевой ситуации, к нему можно поставить вопрос *Что ты (он, она) сейчас (в данный момент) делаешь (делает)?* или *Что сейчас (в данный момент) происходит?* — *Солнце на горизонте уже целуется с землей, побагровело и скоро спрячется* (Чехов), *...Теплый ветер гуляет по траве, гнет деревья и поднимает пыль. Сейчас брызнет майский дождь и начнется настоящая гроза* (Чехов).

Настоящее неактуальное на указанные вопросы не отвечает. Обычно оно не относит действие к единичной речевой ситуации. Признаком настоящего неактуального является нелокализованность действия во времени. Временное значение формы при этом проявляется в том, что она указывает на наличие или, как пишет А. В. Бондарко, на «современность» действия. Другими словами, форма не относит действие ни к прошлому, ни к будущему.

Настоящее неактуальное имеет 1) значение постоянного отношения: *Земля вращается вокруг солнца, Деревню окружают болота*; 2) значение настоящего абстрактного, когда называется действие или обычное: *Жизнь — без начала и конца. Нас всех подстерегает случай* (Блок), *Счастливые часов не наблюдают* (Грибоедов), — или повторяющееся: *По утрам он варит себе крепкий кофе*.

К настоящему неактуальному относят также:

1) настоящее комментирующее (настоящее в ремарках, в пояснениях к разнообразным театральным представлениям и т. п.). Употребление форм времени в таких случаях «основано на отношении одновременности действия с каким-то моментом, помимо момента речи» (А. В. Бондарко)⁸⁷;

2) выделенное Н. С. Поспеловым настоящее изобразительное (его называют также настоящим описательным): *Под голубыми небесами Великолепными коврами, Блестя на солнце, снег лежит; Прозрачный лес один чернеет, И ель сквозь иней зеленеет, И речка подо льдом блестит* (Пушкин); *Звезды меркнут и гаснут. В огне облака. Белый пар по лугам расстилается. По зеркальной воде, по кудрям лозняка От зари алый свет разливается* (Никитин). «Настоящее изобразительное фиксирует действие как пребывающее в настоящем»⁸⁸.

Главным для форм настоящего времени нужно признать значение настоящего актуального. Именно оно специфически отличает формы настоящего времени НСВ от форм будущего времени СВ. Но, так как оно не является общим, его нельзя считать инвариантным.

⁸⁷ Вид и время... С. 73.

⁸⁸ Н. С. Поспелов. Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке // Исследования по грамматике русского литературного языка. М., 1955. С. 220.

При определении грамматической семантики презентных форм во многих работах принимается точка зрения А. В. Бондарко. По мнению А. В. Бондарко, формы настоящего времени всегда сохраняют значение «современности», одновременности действия с какой-нибудь (в том числе и с моментом речи) точкой отсчета на временной оси⁸⁹. Но нередко вслед за Р. Якобсоном признается, что у презентных форм инвариантного значения нет и что они представляют собой слабый (немаркированный) компонент в системе временных форм русского глагола.

Формы будущего времени также имеют актуальное и неактуальное значение. Будущее актуальное выражает следование за конкретным моментом речи, имеет значение реального будущего (см. примеры на настоящее актуальное). При неактуальном употреблении (это относится к будущему простому) форма СВ выражает значения настоящего неактуального: *Детство веселое, детские грезы... Только вас вспомнишь — улыбка и слезы...* (Никитин); *И черной музыки безумное лицо На миг появится и скроется во мраке, <Но я разобрала таинственные знаки И черное мое опять ношу кольцо>* (Ахматова).

При выражении неактуального значения формы настоящего времени глаголов НСВ и формы будущего времени глаголов СВ временной семантикой друг другу не противопоставляются.

Синтаксические значения форм прошедшего времени описываются в терминах перфектное, аористическое и имперфектное значение.

Перфектное значение обычно имеют формы прошедшего времени глаголов СВ: действие совершается до момента речи, а результат его актуален в настоящем: *Она похудела и помолодела*. При аористическом значении действие называется как факт прошлого: *Я жил тогда в Одессе пыльной...* (Пушкин). Имперфектное значение соотносительно с конкретно-процессной семантикой НСВ: *Шумела папиросная бумага юбочек и плащей, качались на проволочных стеблях искусственные розы, струились шелковые ленты бубна* (В. Катаев).

Относительное употребление.

При относительном употреблении временной формы действие ориентируется не на момент речи, а на время, выраженное другим глаголом. Относительное время не является номинативным. Оно не предназначено для отражения реально настоящего, прошедшего и будущего.

При относительном употреблении формы настоящего времени выражают одновременность, формы будущего времени следование, формы прошедшего времени (обычно СВ) — предшествование: *Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу* (Пушкин); *Жене моей он писал, что поедет на юг, в Полтаву, кажется* (Горький); *Я предчувствовал, что застану Марью Ивановну одну* (Пуш-

---

⁸⁹ Вид и время... С. 76, 77.

кин); Кутузов писал, что русские не отступили ни на шаг, что французы потеряли гораздо более нашего <...> (Л. Н. Толстой).

Относительное время у спрягаемых форм глагола может быть в придаточных изъяснительных предложениях (см. приведенные примеры). Относительное время обнаруживается в русском языке прежде всего в причастиях и деепричастиях: *Я обернулся к площади и увидел Максима Максимыча, бегущего что было мочи <...>* (Лермонтов); *Думая так, я выпустил кошку во двор* (Булгаков).

Переносное употребление (транспозиция) форм времени.

При транспозиции значение реального времени передается средствами лексики и синтаксиса, при этом оно не совпадает с грамматической семантикой временных форм.

У формы настоящего времени транспозиционным является употребление в контексте будущего (*Дети завтра едут на дачу*) и прошедшего (настоящее историческое: *В 1941 году начинается Великая Отечественная война*).

Настоящее историческое называется еще повествовательным и нарративным. Оно используется субъектом речи для описания событий в прошлом, т. е. при настоящем историческом говорящий находится в одной временной плоскости, а события, о которых идет речь, в другой. При этом они изображаются таким образом, как будто говорящий их наблюдает.

Исследователи (А. В. Бондарко, Е. В. Падучева, Н. С. Поспелов и др.) обращают внимание на то, что настоящее повествовательное предполагает последовательность действий. «Настоящее нарративное, — пишет Е. В. Падучева, — может быть употреблено вместо СВ прош. только при условии, что описание ситуации составляет фон для дальнейшего развития событий. <...> Существенно, что нарративное употребление возможно только в ситуации, когда есть по крайней мере два глагола»⁹⁰.

Формы будущего времени также переносятся в контекст прошедшего и чаще всего называют действие, повторяющееся или неожиданное: *Бывало, пушка зарева. Лишь только грянет с корабля, С крутого берега сбегая, Уж к морю отправляюсь я* (Пушкин).

Транспозиция форм прошедшего времени связана с временным планом будущего. Формы прошедшего времени в переносном употреблении встречаются редко: *Шлите помощь, иначе мы погибли*. Подробное описание временных значений в разных типах употребления сделано А. В. Бондарко⁹¹.

⁹⁰ Е. В. Падучева. Семантические исследования. С. 289–290.

⁹¹ См. А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола.

§ 111. Категория времени в полных причастиях и в деепричастиях

Полное причастие называет глагольное действие в субстантивной синтагме. Причастие может быть преобразовано в спрягаемый глагол: *ромашки, растущие на поляне* → *ромашки растут на поляне*. Но в отличие от спрягаемого глагола полные причастия не могут формировать предложений, они всегда являются только составной частью предложения. Поэтому по природе вещей причастное время должно было бы быть относительным, т. е. выражать временную ориентацию причастного действия на временной план сказуемого: причастия настоящего времени должны выражать одновременность, а причастия прошедшего времени — предшествование. Так это часто и бывает, например, в предложении *По лесу гулко разносился треск, производимый колесами нашего грузного экипажа* (Салтыков-Щедрин) причастие называет действие, одновременное с действием сказуемого. См. также: *Лошади, преследуемые целой тучей оводов, шли шагом, таща коляску в упор* (Салтыков-Щедрин); *Снег, кое-где белеющий на темно-бурой пашне, слегка золотится от солнца* (Чехов). В предложениях *Василиса Егоровна, присмирившая под пулями, взглянула на степь...* (Пушкин), *На скамейках, расставленных кольцом вокруг фонтана, сидели... десятка четыре пенсионеров, стариков и старух* (Трифонов) причастное время выражает предшествование одних действий другим.

Однако временные отношения между причастием и сказуемым не всегда организуются по данному образцу, иногда причастию можно приписать и номинативную временную семантику. Так, действительные причастия прошедшего времени глаголов НСВ при ориентации на финитные формы прошедшего времени глаголов НСВ обычно выражают одновременность и как следствие этого указывают на предшествование по отношению к моменту речи: *Юбки на Генриетте не было, вместо нее вокруг пояса висела длинная и частая золотая бахрома, сверкавшая при каждом ее движении* (Куприн). Причастие настоящего времени нередко имеет значение неактуального времени: *Батюшка у окна читал Придворный календарь, ежегодно им получаемый* (Пушкин).

Таким образом, в структуре высказывания причастия могут иметь и относительную, и абсолютную временную ориентацию.

Деепричастия не имеют морфологического времени, но синтаксическая оформленность деепричастий состоит в том, что они должны называть действия, субъект которых выражается подлежащим (ненормативны конструкции вроде *Проезжая мимо станции, у него слетела шляпа*). В результате деепричастное действие всегда соотносительно со сказуемым.

Временная семантика деепричастий предопределена видом. Она реативна. Деепричастия НСВ выражают одновременность, деепричастия

СВ — неодновременность: «Что, если, — думал он на другой день, бродя по Петербургу, — что, если старая графиня откроет мне свою тайну» (Пушкин); Подъехав к подошве Койшаурской Горы, мы остановились возле духана (Лермонтов).

Лексика и синтаксические позиции, замещаемые деепричастиями, могут вносить коррективы в временное значение деепричастий, но в целом относительное употребление для них является основным.

§ 112. Категория лица

Лицо является словоизменительной номинативной грамматической категорией глагола. Как наклонение и время, она относится к предикативным категориям, так как характеризует только финитный глагол.

По признаку грамматического лица все глагольные формы делятся на собственноличные (или личные), несобственноличные, безличные и по лицу не охарактеризованные. К последним относятся инфинитив, причастия и деепричастия.

Морфологически лицо выражается окончаниями. В русском языке есть 8 личных форм: четыре формы ед. ч.: пишу, пишешь, пишет, пиши — и четыре формы мн. ч.: пишем, пишете, пишут, пишете. Из них 6 форм в изъявительном наклонении и 2 формы в повелительном наклонении.

Совокупность личных окончаний у каждого глагола в изъявительном наклонении зависит от отнесенности глагола к типу спряжения. Описание спряжений см. (§ 119). Образование личных форм повелительного наклонения дано в (§ 106).

Категория лица образуется противопоставлением трех рядов форм, называемых формами первого лица (пишу, несу, дрожу, люблю, пишем, несём, дрожим, любим), формами второго лица (пишешь, несёшь, дрожишь, любишь, пишете, несёте, дрожите, любите, пиши, неси, дрожи, люби, пишите, несите, дрожите, любите), формами третьего лица (пишет, несёт, дрожит, любит, пишут, несут, дрожат, любят).

Все формы лица не только выражают номинативное значение, но и указывают на согласование с подлежащим (это их свойство называют синтаксическим (синтагматическим) компонентом грамматического значения). В результате в предложении грамматическое лицо регулярно выражается дважды, окончанием глагола и подлежащим: я пишу, ты пишешь, он (ученик) пишет и т. д.

Личные формы изъявительного наклонения отличаются от форм повелительного наклонения тем, как в них представлен синтагматический компонент. Сочетания типа *я пишешь или *он пишу невозможны ни в каких условиях употребления. Тогда как формы повелительного наклонения в транспозиции не предполагают обязательного согласования с подлежащим и, больше того, регулярно к подлежащему примыка-

ют: нормативны сочетания *и будь не я, и будь не мы, и будь не вы, и будь не он, и будь не они*. И *будь не я, коптел бы ты в Твери* (Грибоедов). В таких случаях глагол не выражает побуждения, а значение лица определяется по подлежащему.

Несобственноличные — это формы прошедшего времени и сослагательного наклонения, лицо которых всегда выражается аналитически, т. е. сочетанием глагола с подлежащим (с именительным падежом местоимения или существительного): *я писал / писала / писало, ты писал / писала / писало, он / она / оно писал / писала / писало, мы, вы, они писали*.

Категория лица выражает отношение между действием, его субъектом и участниками речевой ситуации, поэтому значение форм лица оказывается и актуализационным.

Первое лицо указывает на то, что субъектом действия является говорящий. Второе лицо означает, что субъектом действия выступает адресат, собеседник говорящего. Третье лицо означает, что ни говорящий, ни его собеседник субъектом действия не являются. Действие приводится предметом сообщения.

Третье лицо обнаруживает свойства немаркированного члена: иногда оно используется в ситуациях, где субъектом действия выступает говорящий: *«Замолчи!» — тебе говорят* (вместо *говорю*).

Примечание. Номинативное значение категории лица соотносительно со значением семантического субъекта, но не тождественно ему. Семантический субъект — это носитель и источник глагольного действия. Он выражается разными средствами: в инфинитиве — чаще всего дательным падежом: *Молитесь на ночь, чтобы вам Вдруг не проснуться знаменитым* (Ахматова); *Кого позвать мне? С кем мне поделиться Той грустной радостью, что я остался жив?* (Есенин), в действительном причастии — существительным, с которым причастие согласовано (*торопящийся пешеход, опавшие листья*), в страдательном причастии и глаголе страдательного залога — субъектным дополнением (*наказанный матерью ребенок, Нами изучается грамматика*), в деепричастии — регулярно подлежащим предложения: *Скитаясь в той же стороне, Онегин вспомнил обо мне* (Пушкин). И только в формах первого и второго лица личное окончание одновременно определяет и семантический субъект.

Выражение семантического субъекта личными местоимениями в неличных формах глагола (*За все отвечать тебе, Мне не работается*) не наделяет эти формы морфологическим лицом.

§ 113. Контекстные (синтаксические) значения форм лица

В высказывании значения форм лица могут изменяться.

Меньше всего зависит от контекста форма первого лица единственного числа. Она устойчива в своем категориальном значении, и в тех сравнительно редких случаях, когда она выражает обобщенный смысл

(Мыслью, следовательно, существую), отношение к субъекту речи в ней сохраняется.

Форма первого лица множественного числа употребляется обобщенно-лично: *Что имеем, не храним, потерявши, плачем* (посл.). В некоторых речевых ситуациях форма 1-го л. мн. ч. употребляется на месте формы второго лица: *Как чувствуем себя, больной? Как живем, подруга? Сейчас выьем молочко, съедем кашку* (в обращении к ребенку).

Форма первого лица множественного числа в императивном контексте имеет инклюзивное значение (см. § 106).

Форма второго лица множественного числа употребляется при обращении к одному адресату (согласуясь с местоимением *вы*, так называемой формой вежливости): *Вы смеетесь, графиня* (Пушкин); *«Скажите, Карамазов, вы ужасно меня презираете?» — отрезал вдруг Коля и весь вытянулся перед Алешей, как бы став в позицию* (Достоевский). Это этикетная функция формы второго лица. Она мотивирована узусом.

Форма второго лица, особенно единственного числа, если она не обращена к конкретному адресату (в неадресатном употреблении) имеет значение, называемое обобщенно-личным: *Если хочешь быть счастливым, будь им* (К. Прутков); *День ясный, прозрачный, слегка морозный, один из тех осенних дней, в которые охотно миришься и с холодом, и с сыростью, и с тяжелыми калошами* (Чехов); *<Чуть приметна тропинка росистая.> Куст заденешь плечом — на лицо тебе вдруг С листьев брызнет роса серебристая* (Никитин). При обобщенно-личном значении формы второго лица называют действие, соотношенное с любым лицом, в том числе и первым. Кроме этого, они не охарактеризованы по числовой семантике, по мнению М. В. Панова, находятся вне числа⁹².

При обобщенно-личном употреблении форма второго лица единственного числа может также называть повторяющееся действие первого лица: *Как подумаешь порою, что Дуня, может быть, тут же пропадет, так поневоле согрешишь да пожелаешь ей могилы...* (Пушкин); *Читаешь четверть часа, полчаса и вот замечаешь, что студенты начинают поглядывать на потолок, на Петра Игнатьевича* (Чехов).

Форма третьего лица множественного числа (а также несобственноличная форма мн. ч.) в условиях, не позволяющих ей реализовать синтаксический компонент значения (позиция подлежащего закрыта), оказывается неопределенно-личной: *А в трактир, говорят, привезли теперь свежей сёмги* (Гоголь); *Проезжая по Волге, обязательно едят стерлядьку уху* (Горький); *Наконец к барышне привезли лекаря* (Бунин).

При неопределенно-личном значении, в отличие от обобщенно-личного, исключается отнесенность действия к говорящему, субъекту

⁹² М. В. Панов. Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1. Индоевропейские языки. М., 1966. С. 82.

речи. Формы с неопределенно-личным значением имеют немаркированное число.

И обобщенно-личное, и неопределенно-личное значение могут иметь глаголы, называющие такие действия, которые производятся человеком.

§ 114. Безличные глаголы

В русском языке есть безличные глаголы, другими словами, глаголы, не изменяющиеся по лицам. «Категория безличности соотносительна с категорией лица»⁹³, т. е. безличной глагольной формой может быть только такая морфологическая форма, которой свойственно и личное употребление.

Для того, чтобы какой-нибудь глагол в русском языке был воспринят как безличный, необходимо соблюдение трех условий: 1) глагол должен быть в форме 3 л. ед. ч. или прошедшего времени среднего рода, 2) названные формы не должны входить в парадигму лица, 3) позиция подлежащего при глаголе не должна замещаться (она или отсутствует, или «закрыта»).

Примечания. 1. Отмеченное в литературе безличное употребление формы повелительного наклонения (*Светай раньше, мы успели бы*) непродуктивно и, судя по всему, возможно лишь у некоторых безличных глаголов.

2. В русском языке есть особый тип односоставных бесподлежащих инфинитивных предложений: *Здесь нам не проехать*. Это не делает, однако, инфинитив безличной формой: в морфемной структуре инфинитива нет аффикса, связанного с категорией лица.

Что касается семантического субъекта, то абсолютное большинство безличных глаголов имеют субъектную валентность. Семантический субъект безличных глаголов чаще всего выражается дательным падежом (*ему взгрустнулось*), но и другие падежи могут быть связаны с обозначением носителя признака, названного безличным глаголом: *в голове шумит, в ухе стреляет, плечо ломит*. Безличность не следует отождествлять с бессубъектностью. Безличность — это грамматическое (морфолого-синтаксическое) свойство глагола.

В русском языке в глаголе нет безличных окончаний, поэтому безличные и личные формы 3 л. ед. ч. или формы прошедшего времени среднего рода образуют морфологические омонимы. В некоторых глаголах безличность дополнительно обозначается постфиксом *-ся*: *Как нам любилося! Как улыбалось!* (Яшин); *Не спится, няня: здесь так душно* (Пушкин).

⁹³ В. В. Виноградов. Русский язык. 1972. С. 370.

Одни безличные глаголы употребляются только как безличные или преимущественно как безличные (*тошнит, вечереет, холодает, спится, работается, сидится, дремлет*), другие могут иметь и личное употребление: *За лесом загрохотало; Я не сам сюда пришел, меня сюда привело* (Тургенев); *В носу чешется; В дверь дует; Пахнет сиренью*. В таких случаях безличность определяется как явление вторичное по отношению к личному употреблению глагола.

§ 115. Категории рода и числа в глаголе

Род как словоизменительная категория представлен в причастиях, где он ничем не отличается от рода прилагательных, в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения.

Род в спрягаемых формах глагола тоже выражает согласование, а именно согласование сказуемого с подлежащим (при словах общего рода и личных местоимениях *я, ты* наблюдается так называемое согласование по смыслу). Но полного функционального совпадения между родом глагола и родом прилагательного нет. Разница, по наблюдению В. В. Виноградова, состоит в том, что родовые различия в глаголе «спаяны с категорией лица»⁹⁴. Форма среднего рода может, как мы видели, употребляться безлично, и в этом своем качестве она противопоставляется формам мужского и женского родов, которые безличными никогда не бывают. Мужской и женский род всегда являются знаком личного содержания глагола. Именно это и является основанием для выделения несобственноличных форм.

По числам изменяются причастия и все спрягаемые формы, кроме безличных.

В причастиях число, как и в прилагательных, выражает согласование.

В спрягаемом глаголе употребление форм числа не всегда объясняется согласованием. В русском языке есть бесподлежащие односоставные глагольные предложения, в которых согласование просто не может быть реализовано. Выбор формы числа при этом осуществляется на основе номинативного значения (один / не один) только в так называемых определенно-личных предложениях: *Люблю видеть тебя поэтому* (Горький) — и предложениях обобщенно-личных, обозначающих действие первого лица. В остальных случаях выбор формы числа скорее подчиняется синтаксическим правилам: в неопределенно-личных предложениях глагол ставится во мн. ч. независимо от количества действующих лиц (а их может быть одно или несколько). В собственно обобщенно-личных предложениях глагол регулярно употребляется в форме

⁹⁴ Там же. С. 377.

ед. ч., не имея при этом числового значения. В безличных предложениях родо-числовая флексия всегда асемантична, она является знаком безличности.

§ 116. Категории падежа и полноты / краткости у причастий

Причастия изменяются по падежам по адъективным парадигмам, и их падеж также выражает согласование.

Причастие, как прилагательное, имеет краткую форму. Продуктивными являются только краткие формы страдательных причастий прошедшего времени глаголов СВ: *написан, написана, написано, написаны*. Эти формы втянуты в выражение страдательного залога у глаголов СВ. Кроме этого, они употребляются, как и краткие формы прилагательных, в качестве обособленного определения к подлежащему: *Канарейку из-за моря Привезли, и вот она Золотая стала с горя, тесной клеткой пленена* (Бунин); *И, убаюкан шагом конным, С отрадной грустью внемлю я, Как ветер звоном однотоным Гудит-поет в стволы ружья* (Бунин).

У глаголов НСВ страдательные причастия прошедшего времени в целом нерегулярны, но если такое причастие образуется, от него могут быть получены краткие формы: *обещать* → *обещанный* → *обещан, обещана, обещано, обещаны*, которые также используются для выражения залога в спрягаемом глаголе.

Краткие формы страдательных причастий настоящего времени нерегулярны, стилистически маркированы, встречаются в основном в книжной речи: *Мы знаем: не единый клад Тобой в Диканьке укрываем* (Пушкин); *А я вот был ненавидим, ненавидим хорошенькой девушкой* (Чехов, пример из «Грамматики-80»); *Как верный ученик, я был ласкаем всеми* (Брюсов, пример из «Грамматики-80»).

От действительных причастий настоящего и прошедшего времени краткие формы в современном языке не употребляются.

Краткие причастия не изменяются по падежам. Они образуются от полных форм при помощи субстантивных окончаний.

В прошедшем времени краткие причастия от полных форм на *-енн*- и *-нн*- имеют суффикс *-ен*- или *-н*-: *обиженный* → *обижен, прочитанный* → *прочитан*. В кратких формах от причастий с суффиксом *-т*- основа не сокращается: *расколотый* → *расколот*. Точно так же не изменяется основа при образовании кратких форм от страдательных причастий настоящего времени: *ведомый* → *ведом, уважаемый* → *уважаем, любимый* → *любим*.

В связи с тем, что краткие причастия употребляются регулярно при связке, их собственная временная семантика ослаблена. В пассивных конструкциях типа *Она была любима мною, Она будет любима мною* выражается значение страдательного залога в прошедшем и будущем вре-

мени, соответственно *Дом построен известным архитектором* имеет значение страдательного залога в настоящем времени.

§ 117. Особенности глагольного формообразования

В отличие от других частей речи глагольное слово является двусловным. В глаголе выделяют основу прошедшего времени и основу настоящего времени. Основа прошедшего времени у абсолютного большинства глаголов совпадает с основой инфинитива, поэтому при образовании форм обычно определяется основа инфинитива.

Чтобы выделить основу инфинитива, нужно отбросить окончание (или формообразующий суффикс) инфинитива. Окончанием инфинитива чаще всего бывает аффикс *-ть*: *читать, белеть, крикнуть, бить, жать* и т. п. Кроме этого, им бывает аффикс *-ти*: *нести, пасти* (*-сти* в глаголе *грести*) — и нулевой аффикс: *печь, беречь*.

В глаголах на *-сти* и на *-чь* основа прошедшего времени совпадает с основой настоящего времени, и ее лучше находить по личной форме глагола: *грести* → *гребу*, основа наст. вр. — *греб-*, основа прош. вр. — *греб-*; *вести* → *веду*, основа наст. вр. — *вед-*, основа прош. вр. — *вед-*; *беречь* → *берегу*, основа наст. вр. — *берег-*, основа прош. вр. — *берег-*.

В глаголах на *-чь* и некоторых глаголах на *-сти* (*вести, мести*) основа инфинитива и основа прошедшего времени не совпадают. В формообразовании используется основа прошедшего времени.

Не совпадают основы инфинитива и прошедшего времени и у других непродуктивных глаголов: *сохнуть* → *сохну* — основа инфинитива, *сох* — основа прош. вр.; *умереть* → *умере* — основа инфинитива, *умер* — основа прош. вр.

От основы инфинитива (или прошедшего времени) образуются формы прошедшего времени спрягаемого глагола, действительные и страдательные причастия прошедшего времени (образование страдательных причастий при этом ограничено переходностью), деепричастия СВ.

Основа настоящего времени определяется по личным формам настоящего времени у глаголов НСВ и будущего простого у глаголов СВ — отсекается личное окончание. В определенных глагольных классах основа настоящего времени представлена в двух вариантах: *простить* → *прощу* (основа наст. вр. *-прощ-*), *простишь* (основа наст. вр. *-прост'-*). В формообразовании в таких случаях используется тот вариант, который выделяется в форме 3 л. мн. ч.

Основы настоящего времени в отличие от основы инфинитива, которая регулярно оканчивается на гласный (обратите внимание на структуру глагольных суффиксов), имеют в конце согласный. Исключением являются некоторые словоформы: *дам, дайшь, ем, ешь*.

От основы настоящего времени образуются собственнотелесные формы изъявительного наклонения, форма повелительного наклонения в единственном числе, действительные и страдательные причастия настоящего времени, деепричастие НСВ.

§ 118. Классы глаголов

Все глаголы в зависимости от соотношения основ настоящего и прошедшего времени и флексии инфинитива делятся на классы. В одном классе оказываются глаголы с одинаковыми основами и одинаковым формообразованием.

Описание классов в разных грамматиках и пособиях полностью не совпадает. Наиболее полно они даны в Грамматическом словаре А. А. Зализняка. В предположенном перечне использована (с некоторыми добавлениями) классификация И. Г. Милославского.

Одни классы объединяют продуктивные глаголы. Они пополняются основами, образующимися живыми глагольными суффиксами. Продуктивные глаголы распределяются между 1-м, 2-м, 3-м и 4-м классами. Другие классы объединяют глаголы непродуктивные и могут быть представлены закрытыми списками глагольных основ (нумерация классов условная).

В 1-й класс входят глаголы с инфинитивом на *-ать/-ять* и *-еть*, основы настоящего времени сохраняют гласный инфинитива и оканчиваются на *-j-*: *читать, перечитать, перечитывать, прощать, доливать, хозяйничать, охать, белеть, побелеть, стрелять*.

Во 2-й класс входят глаголы с инфинитивом на *-овать* (*-ировать, -изировать, -фицировать*) / *-евать*, основы настоящего времени на *-уж-* (*-уй/-юй*): *ковать, горевать, атаковать, беседовать, маршрутировать, экранизировать*.

В 3-й класс входят глаголы СВ на *-нуть*. В основах настоящего времени *-у-* отсекается. Формы прошедшего времени *-ну-* сохраняют: *крикнуть, толкнуть, подтолкнуть, охнуть, пухнуть, гуднуть*.

В 4-й класс входят глаголы в инфинитиве на *-ить*. В основах настоящего времени *-и-* не сохраняется, и в первом лице ед. ч. происходит чередование согласных: *б'лбл', н'пл', в'вл', ф'фл', м'мл', д'жж, т'ч, з'жж, с'шш*: *грабить, графить, просить, родить, строить, шевелить, нянчить, сорить, стоить*.

В 5-й класс входят глаголы в инфинитиве на *-ать/-ять* и *-еть*. В основе настоящего времени гласный не сохраняется. В первом лице ед. ч. происходят чередования, отмеченные для глаголов 4-го класса: *спать, видеть, зависеть, ненавидеть, дрожать, слышать, знать, стоять, бояться, гореть, молчать*.

В 6-й класс входят глаголы в инфинитиве на *-ать/-ять*. В основе настоящего времени инфинитивный гласный не сохраняется. В одних лексемах во всех лицах ед. и мн. числа происходит чередование задне-небных и переднеязычных согласных с шипящими, *ск/щ*, губных согласных с губной + л': *писать, сказать, плакать, прятать, искать, сыпать, дремать*. В других словах наблюдается чередование гласных (также во всех лицах): *брать / беру, звать / зову, драть / деру*. Наконец, у некоторых глаголов основа настоящего времени отличается от основы инфинитива только отсутствием *-а/-я-*: *ткать – тку, ждать – жду, лаять – лаю, сеять – сею*.

В 7-й класс входят глаголы в инфинитиве с окончанием *-ти/-ть* после конечного согласного основы, чаще *-с-*, иногда *-з-*: *пасти, нести, вести, расти, ползти, лезть, мести, грести*. Основа настоящего времени совпадает с основой прошедшего времени, которая может совпадать с основой инфинитива (*нести, ползти, вести*), но может и отличаться от неё (*вести, мести, грести*).

В 8-й класс входят глаголы на *-чь* с нулевым окончанием. Исторически *-чь* образовалось из сочетания конечного согласного основы *-к-* или *-г-* с суффиксом инфинитива. В основе прошедшего времени восстанавливается исходный согласный основы. Основа настоящего времени совпадает с основой прошедшего времени. Во всех лицах, кроме 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. задне-небный чередуется с шипящим: *печь, мочь, стеречь, беречь*.

В 9-й класс входят глаголы на *-ереть*, связанные с тремя лексемами: *тереть, мереть, переть*. Основа прошедшего времени не совпадает с основой инфинитива. В основе настоящего времени отсекается конечное *-е-* и наблюдается чередование *e/o* во всех лицах.

В 10-й класс входят глаголы на *-оть* в инфинитиве. В основе настоящего времени нет *-о-*, твердый согласный чередуется с мягким во всех лицах. В глаголе *молоть* чередуются гласные в корне: *молоть / мелю, мелешь, мелет*.

В 11-й класс входят глаголы с корневым гласным перед окончанием инфинитива, кроме слов типа *жать*: 1) *бить, вить, лить*, 2) *крыть, рыть*, 3) *гнуть*, 4) *дуть*. Основа настоящего времени во всех случаях заканчивается на *-j-*. В глаголах первой группы *-и-* чередуется с нулевым гласным во всех лицах изъявительного наклонения, а в повелительном наклонении с *-е-*: *пить / пью / пей*. В глаголах второй группы гласный инфинитива чередуется с *-о-* во всех лицах. В глаголах *гнуть* и *дуть* гласный инфинитива сохраняется.

12-й класс объединяет глаголы на *-нуть* НСВ и образованные от них перфективированные (т. е. СВ) глаголы. В основах настоящего времени *-у-* отсекается. Основы прошедшего времени не совпадают с основой инфинитива (суффикс *-ну-* отбрасывается): *сохнуть → сох, вянуть*

→ *вьял, мерзнуть* → *мерз*, *глохнуть* → *глох*, *высохнуть* → *высох*, *промерзнуть* → *промерз*, *заглохнуть* → *заглох*.

В 13-м классе представлены глаголы с суффиксом *-ва-* трех мотивирующих основ: *знава-ть, става-ть, дава-ть*. В основе настоящего времени суффикса *-ва-* нет, основа оканчивается *-j-*: *узнавать* → *узнаю*, *переставать* → *перестая*, *отдавать* → *отдаю*.

В 14-й класс входят глаголы с корневым гласным *-а-/я-* перед окончанием инфинитива, восходящим к носовому. В основе настоящего времени наблюдается мена корневых морфов: *жать / жну, жать / жму, понять / пойму* (соответствует исходному глаголу *пояти*), *взять / возьму, начать / начну, мять / мну, распять / распну*.

В 15-й класс входят глаголы с корневым гласным *-а-* и *-е-* перед окончанием инфинитива. В основе настоящего времени корневой гласный сохраняется, основа закрывается согласным *-н-*: *стать* → *стану*, *одеть* → *одену*.

16-й класс объединяет глаголы *жить, плыть, слыть* и их приставочные дериваты. В основе настоящего времени сохраняется гласный инфинитива, основа закрывается согласным *-в-*: *жить* → *живу*, *слыть* → *слыву*, *плыть* → *плыву*.

В названные классы не входят следующие глаголы (эти глаголы называются изолированными):

1) образованные от не употребляющегося в литературном языке *шибить* лексемы *ушибить, зашибить* и производный глагол *ушибиться*. По инфинитиву они должны были бы относиться к 4-му классу, но у них в 1 л. ед. ч. отсутствует чередование, и они изменяются по первому спряжению;

2) *реветь*, который должен бы относиться к 5-му классу, но также не имеет чередования в 1 л. ед. ч. и относится к первому спряжению;

3) *читать*, у которого формы 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. образуются не по 4-му классу: *читу – чтут* (есть также форма *чтят*), а остальные формы образуются по второму спряжению;

4) *зыбить (ся), зиждаться*, формы которых образуются по первому спряжению (*зыблется, зыблющийся, зиждется, зиждущийся*);

5) *бежать* и *хотеть*, являющиеся разноспрягаемыми;

6) *ехать* и *идти*, у которых основы настоящего и прошедшего времени связаны супплетивными отношениями (*еду – ехал, иду – шел – шедший*);

7) *быть* — имеет нулевую форму настоящего времени, будущее время образуется от другого корня (вышедшие из употребления формы настоящего времени тоже образовывались от другого корня. Сохранившиеся в книжной речи формы *есть* и *суть* значение лица утратили полностью);

8) *живописать* — образует личные формы по 2-му классу (*живописую*);

9) *дать, есть* — имеют нестандартные личные формы:

	единственное число		множественное число	
1 л.	дам	ем	дадим	едим
2 л.	дашь	ешь	дадите	едите
3 л.	даст	ест	дадут	едят

10) *стелить(ся)* — по инфинитиву должен был бы относиться к 4-му классу, но (по причине контаминации с глаголом *стлать*) образует личные формы по первому спряжению.

Некоторые глаголы принадлежат не к одному классу, при этом один тип формообразования обычно бывает стилистически маркированным, если словоизменение не становится средством разграничения значений, например, *колыхать* (1-й и 6-й), *мяукать* (1-й) и *мяучить* (4-й), *полоскать* (1-й и 6-й), *мурлыкать* (1-й и 6-й).

§ 119. Первое и второе спряжение глаголов

Термин спряжение имеет два употребления. В узком смысле слова спряжением называют изменение глагола по лицам в единственном и во множественном числе. В широком смысле спряжением называют изменение глагола по лицам, числам, роду, наклонениям и временам.

Когда речь идет о первом и втором спряжении имеется в виду первое употребление слова.

В зависимости от того, какими окончаниями образуются формы лица, глаголы относятся к 1-му или ко 2-му спряжению.

В 1-м спряжении глаголы имеют следующие окончания (в орфографической записи): в ед. ч. — 1 л. -у, -ю; 2 л. -ёшь, -ешь; 3 л. -ёт, -ет; во мн. ч. — 1 л. -ём, -ем; 2 л. -ёте, -ете; 3 л. -ут, ют.

Основа наст. вр. глаголов первого спряжения оканчивается на -j, на парно-твердую согласную, шипящую, мягкие -р' и -л'.

При образовании форм 2 и 3 л. ед. ч., 1 и 2 л. мн. ч. конечные твердые согласные основы, кроме шипящих, чередуются: парно-твердые с соответствующей мягкой, заднеязычные с шипящими. Исключением является глагол *ткать* (*тку, ткёшь, ткёт, ткём, ткёте, ткут*).

Образцы 1-го спряжения

читать

толкнуть

печь

вести

единственное число

1 л.	читаю	толкну	пеку	веду
2 л.	читаешь	толкнёшь	печёшь	ведёшь
3 л.	читает	толкнёт	печёт	ведёт

множественное число

1 л.	читаем	толкнём	печём	ведём
2 л.	читаете	толкнёте	печёте	ведёшь
3 л.	читают	толкнул	пекут	ведёт

К первому спряжению относятся глаголы всех классов, кроме 4-го и 5-го (*бомбить, видеть, дрожать*).

Во втором спряжении глаголы имеют следующие личные окончания: в ед. ч. — 1 л. -у, -ю; 2 л. -ишь, 3 л. -ит; во мн. ч. — 1 л. -им, 2 л. -ите, 3 л. -ат, -ят.

Основа наст. вр. глаголов 2-го спряжения оканчивается на парномягкую согласную, шипящую и -j. При образовании формы 1 л. ед. ч. согласные чередуются: б'/бл', н'/пл', м'/мл', в'/вл', ф'/фл', т'/ч, т'/щ, д'/ж, з'/ж, с'/ш, с'/м'ш.

Образцы 2-го спряжения

белить

кормить

зависеть

дышать

единственное число

1 л.	белю	кормлю	завишу	дышу
2 л.	белишь	кормишь	зависишь	дышишь
3 л.	белит	кормит	зависит	дышит

множественное число

1 л.	белим	кормим	зависим	дышим
2 л.	белите	кормите	зависите	дышите
3 л.	белят	кормят	зависят	дышат

Ко 2-му спряжению относятся глаголы 4-го и 5-го классов.

Образование форм глагола может сопровождаться перемещением ударения, что подробно описано А. А. Зализняком (см. «Грамматический словарь русского языка»), а также в «Русской грамматике-80». Существуют три основные схемы ударения для личных форм и три схемы для инфинитива и форм прошедшего времени.

В личных формах (т. е. в формах первого, второго, третьего лица изъявительного наклонения и второго лица повелительного наклонения) ударение может быть: 1) постоянно на окончании (*веду́, веде́шь, веде́т, веде́м, веде́те, ве́дут, ве́ди, ве́дите*), 2) постоянно на основе (*чита́ю, чита́ешь, чита́ет, чита́ем, чита́ете, чита́ют, чита́й, чита́йте*), 3) в формах 1-го лица единственного числа и повелительного наклонения — на окончании. В остальных формах — на основе (*пишу́, пиши́, пиши́те, пи́шешь, пи́шет, пи́шем, пи́шете, пи́шут*).

В инфинитиве и формах прошедшего времени ударение может быть: 1) постоянно на окончании (*ползти́, полз, ползла́, ползла́, ползла́, ползла́*), 2) постоянно на основе (*чита́ть, чита́л, чита́ла, чита́ло, чита́ли*), 3) в форме женского рода — ударение на окончании, в остальных формах — на основе (*брати́, брал, брала́, бра́ло, бра́ли*).

У большинства русских глаголов в личных формах, инфинитиве и формах прошедшего времени бывает постоянное ударение на основе, но в принципе возможны комбинации разных схем ударения: 1) *беру, берёшь, берёт, берём, берёте, бери, берите* — постоянное ударение на окончании. В формах прошедшего времени ударение подвижное. 2) *Люблю, люби́, любите́, люби́шь, любит, любим, любите, любят* — ударение подвижное. В прошедшем времени постоянное ударение на основе. 3) *Боюсь, бои́шься, бои́тся, бои́мся, бои́тесь, боя́тся, бойся, бойтесь* (при нулевой флексии ударение падает на предыдущий гласный) — постоянное ударение на окончании. *Боя́ться, боя́лся, боя́лась, боя́лось, боя́лись* — постоянное ударение на основе.

§ 120. Образование причастий

Действительные причастия настоящего времени образуются от основы настоящего времени (необходимый вариант основы определяется по 3-му л. мн. ч.) глаголов НСВ при помощи суффикса *-ущ-(-ющ-)* у глаголов 1-го спряжения и суффикса *-ащ-(-ящ-)* у глаголов 2-го спряжения: *читающий, пишущий, дрожащий, белящий*.

Действительные причастия настоящего времени не образуются к глаголам многократного способа действия и собственно безличным (*сказывать, говаривать, спится, смеркается*).

Если глагол входит в два класса, у него могут быть образованы два причастия наст. вр. (*колышущий и колыхающий, машущий и махающий*,

брызжащий и брызгающий). Причастия *движущий* (фактор) и *двигающий* (человек) не совпадают по значению.

Встречающиеся иногда причастия настоящего времени к глаголам СВ (*предсказующая синтаксическая связь*) ненормативны.

Действительные причастия прошедшего времени образуются от основы инфинитива (иногда от основы прошедшего времени) при помощи суф. *-вш-(-ий-)*, если основа оканчивается гласным, и суф. *-ш-(-ий-)*, если основа оканчивается на согласный: *читавший, беливший, несший, шедший, поберегший*.

Когда основа инфинитива не совпадает с основной прош. вр., в отдельных глаголах образуются 2 причастия прош. вр. (*замерзший и замерзнувший, воскресший и воскреснувший, охрипший и охрипнувший*).

Действительные причастия прош. вр. в целом регулярны. Не образуются они от глаголов на *-честь*: *вычесть, зачесть, счесть*.

Страдательные причастия настоящего времени образуются от основы настоящего времени переходных глаголов НСВ при помощи суф. *-ом-/-ем-* у глаголов 1-го спряжения и суф. *-им-* у глаголов 2-го спряжения: *ведомый, читаемый, гонимый*.

Страдательные причастия прош. вр. образуются от основы инфинитива переходных глаголов при помощи суффиксов *-нн-*, если основа на *-ать* (*обещать* → *обещанный, прочитать* → *прочитанный*), *-ённ-/-енн-*, если основа на *-ить, -еть* и согласную (*побежденный, спрошенный, увиденный, принесённый, сбережённый*), *-т*, если основа на *-ну, -о*, корневой гласный (*вытолкнутый, расколотый, перелитый, вырытый, сжатый*).

При образовании страдательных причастий происходят чередования согласных: *д'/жд', т'/щ, зд'/жд', з'/ж, с'/ш, к/ч, г/ж, с/с', з/з'*, мягкий губной / губной + *л'* (*разграбить* → *разграбленный, привезти* → *привезённый, принести* → *принесённый, спросить* → *спрошенный, поразить* → *поражённый*).

Страдательные причастия, как уже отмечалось, образуются далеко не от всех переходных глаголов. Регулярными в употреблении являются только страдательные причастия СВ.

Значение страдательного причастия могут иметь возвратные действительные причастия, соотносительные со страдательным залогом спрягаемого глагола: *дома, строящиеся молодежью..., письма, пишущиеся большими людьми...*

Действительные и страдательные причастия склоняются по адъективным образцам.

Краткие формы страдательных причастий (об их образовании говорилось в (§) 104) не склоняются и изменяются только по родам и числам. Форма среднего рода (подобно среднему роду в глаголе) может употребляться безлично: *в избе натоплено, здесь накурено, у них не прибрано*. В таких случаях она выражает статальное значение.

§ 121. Образование деепричастий

Деепричастия НСВ образуются от основы настоящего времени при помощи суффикса *-а/-я*, при этом парные твердые согласные чередуются с мягкими: *читаю, прощая, везя, ведя, лежа, вороша*. От многих бесприставочных глаголов непродуктивных классов деепричастия НСВ не употребляются (см. *тереть, переть, вить, шить, лизать, пахать, глохнуть*).

От глаголов 13-го класса деепричастия образуются от основы инфинитива, к которой прибавляется *-j*: *давать – давая* (не *дая*), *узнавать – узнавая, переставать – переставая*.

Деепричастием глагола *быть* является форма *будучи* (у некоторых глаголов форма на *-учи* употребляется в разговорном языке параллельно со стилистически нейтральной, образованной регулярным суффиксом: *играя и играючи, жалея и жалеючи, идя и идучи*).

От некоторых глаголов образуются варианты формы: *пиша и писав / писавши, зная и зная / знаяши, имея и имея / имеяши*.

Вариантные формы деепричастий НСВ могут образовываться в связи с отнесенностью глагола к разным классам, например, *курлыкать → курлыкая* (по 1-му кл.) → *курлыча* (по 6-му кл.), *мурлыкать → мурлыкая → мурлыча, щипать → щипая → щипля*.

Деепричастия СВ образуются от основы инфинитива при помощи суффикса *-в/-вши*, если основа оканчивается на гласный, и суф. *-ши*, если основа на согласный: *прочитать → прочитав / прочитавши, нарисовать → нарисовав / нарисовавши, подтолкнуть → подтолкнув / подтолкнувши, покрасить → покрасив / покрасивши, принести → принеши*. Это правило строго действует только в первых трех продуктивных классах. Что касается глаголов на *-ить*, то многие из них имеют также форму на *-а/-я*: *полюбив / полюбивши / полюбя, возвратив / возвративши / возвратя, возвратившись / возвратясь*.

От возвратных глаголов деепричастия образуются морфем *-вши*: *обувшись, причесавшись, улыбнувшись, побоявшись*.

У непродуктивных глаголов с основой на согласный форма на *-я* употребляется регулярнее, чем форма на *-ши*, которая нередко воспринимается как книжная и архаичная (ср. *приведа / приведши, подметя / подметши, привезя / привезши, принеся / принесши*). У некоторых глаголов она вообще является единственной: *прочесть → прочтя*.

Вариантные формы деепричастий семантически не различаются.

Если два деепричастия образуются от двувидового глагола, они различаются видом: *атакуя* (НСВ), *атаковав / атаковавши* (СВ).

Деепричастия СВ образуются регулярно.

- Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол. Л., 1967.
- Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление) М., 1971.
- Буланин Л. Л.* Трудные вопросы морфологии. М., 1976. (§) 26.
- Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1972. (§) 11–23. Категория лица (а также числа и рода).
- Гловинская М. Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982. С. 71–104.
- Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. М., 1977. С. 77–142.
- Краткая русская грамматика. М., 1989. С. 263–318.
- Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. С. 128–133.
- Современный русский язык. Морфология / Под ред. акад. В. В. Виноградова. М., 1952. С. 333–349.
- Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989. С. 505–508.
- Современный русский язык. Ч. 2. Под ред. Е. И. Дибровой. М., 1995. С. 53–72, 108–120.
- Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986. С. 108–131.
- Шатуновский И. Б.* Семантика предложения и нереферентные слова. М., 1996. С. 309–333

§ 122. Аналитические явления в самостоятельных частях речи

В морфологической классификации языков русский язык относится к тем флективным языкам, которые, по выражению О. С. Широкова, «несколько упростили флективность своего строя (развили аналитические конструкции)»⁹⁵.

Основные приемы выражения грамматических (морфологических) свойств слов в русском языке относятся к синтетическим языковым средствам. Синтетические средства — это компоненты самого слова (словоформы): аффикс, чередование, ударение.

Аналитические средства выражения грамматического значения находятся не внутри слова, а вне его. Аналитические приемы — это выражение грамматических свойств слова посредством сочетания.

Изучение истории развития морфологического (и в целом грамматического) строя привело исследователей к выводу о том, что в русском языке является продуктивной тенденция к выражению грамматического в слове аналитическим способом.

⁹⁵ О. С. Широков. Введение в языкознание. М., 1985. С. 232.

Аналитические явления в самостоятельных частях речи неоднородны. Условно их можно свести к четырем типам.

1) Прежде всего необходимо назвать аналитические морфологические формы как члены словоизменительных парадигм: формы будущего времени глаголов несовершенного вида и сослагательного наклонения, формы степеней сравнения в прилагательном. В этих аналитических сочетаниях служебное слово функционально не противопоставляется морфеме.

2) Второй тип аналитических единиц представлен предложно-падежными формами. В этих сочетаниях грамматическое значение одновременно выражается флексией и служебным словом. При этом в одних случаях предлог является средством конкретизации (дифференциации) значения, выражаемого флексией: *на море, в море, при море, на стол, в стол, за стол, под стол*; в других предложно-падежное сочетание оказывается единственным способом выразить падежное значение: *вспомнить о родителях, отговорить от поездки, походить на обман* и т. п. Предлог сохраняет статус слова, хотя и неполнозначного, прежде всего потому, что между ним и падежной формой вставляется определение. По этой же причине предложно-падежные сочетания не являются особыми словоизменительными формами существительного.

3) К третьему типу относятся те случаи, когда грамматическое значение, не будучи выраженным в самом слове, передается посредством синтаксической связи. Это наблюдается, как мы видели, в первую очередь у несклоняемых существительных, которые в предложении «обрастают» значениями, выражаемыми в изменяемых лексемах в структуре словоформы. К этому типу относится также выражение лица в глагольных формах прошедшего времени и сослагательного наклонения (*я пришел, ты пришел, он пришел*), рода в местоимениях Я, Ты (*я пришел, я пришла*), рода и числа в местоимениях КТО, ЧТО (*кто сказал, что упало*), а также значение мужского и женского рода в двуродовых словах (*наш / наша староста*).

Аналитические структуры второго и третьего типа объясняются существующей избыточностью выражения грамматической информации. Когда одно и то же обозначается дважды (*я пишу, ты пишешь, он пишет; рассказать о походе*) или трижды (*новая шуба упала*) появляется возможность функционального перераспределения языковых средств, передающих грамматические значения.

4) Наконец, четвертый тип. Он связан с очень продуктивным и сравнительно новым явлением в русской грамматике. Речь идет о знаменательных словах, частеречная принадлежность которых не может быть определена вне синтаксической функции. Чаще всего они называются аналитическими прилагательными. Но подобная интерпретация их условна. Если неизменяемое слово называет признак и предмет, на-

деленный этим признаком, оно может быть и прилагательным, и существительным. Вне предложения дано только его лексическое значение: *плиссе, хинди, мини, макси, шоу, цунами, суахили, трико, сопрано* и т. д.

К четвертому типу можно отнести выражение значений НСВ и СВ в двувидовых глаголах посредством высказывания и контекста.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. С. 544–548.

Костомаров В. Г. «Изафет» в русском синтаксисе словосочетания? // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 212–217.

Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. М., 1968. С. 42–105.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

§ 123. Морфологический, синтаксический и семантический признаки модальных слов

Модальные слова как часть речи — это класс незначащих, неизменяемых, не имеющих единых морфемных признаков лексем, занимающих синтаксическую позицию вводного слова и служащих для выражения субъективно-модального отношения говорящего к тому, о чем и как он говорит.

Модальное слово может относиться к содержанию предложения в целом (*Наверное, он любит читать исторические романы*) или к отдельному члену предложения (*Он любит читать, наверное, исторические романы*). В диалогической речи модальные слова могут формировать ответные реплики-высказывания: — *Вы поедете на экскурсию?* — *Вероятно*. Но в структуре предложения они не являются членом предложения и не соединяются с компонентами предложения синтаксической связью. Поэтому их не следует относить к разряду самостоятельных частей речи⁹⁶. В то же время модальные слова отличаются и от служебных слов. В общей системе частей речи их чаще всего помещают между знаменательными и служебными словами.

К модальным словам относятся такие лексемы, как *разумеется, конечно, очевидно, видимо, по-видимому, вероятно, например, к примеру, кстати, итак, следовательно, во-первых, во-вторых, стало быть, может быть, видите ли, знать* и др.

⁹⁶ Противоположная точка зрения высказана И. Г. Милославским. См. Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989. С. 521–523.

Некоторые лингвисты (Е. М. Галкина-Федорук, А. Н. Тихонов), опираясь на слово «модальный», к части речи «модальные слова» относят не все лексемы, обособившиеся в результате регулярного употребления в роли вводного слова, а только те, которые связаны с реальной или гипотетической модальностью. Такое сужение части речи вряд ли рационально. В современной синтаксической литературе в содержании предложения выделяется так называемая модусная часть. Модус включает в себя модальные смыслы, но не только их. В него входят самые разнообразные компоненты значения, отражающие позицию субъекта речи (оценка, эмоциональность, временная локализация высказывания, отношение к структуре своего высказывания, указание на источник высказывания и др.). Особенностью модальных слов является то, что они всегда сориентированы на говорящее лицо и выражают значения, входящие в модус высказывания. Модальные слова надо бы называть модусными словами, но термин «модусный» закрепился в литературе, когда модальные слова как часть речи уже были выделены.

Модальные слова как особые единицы в словарном составе языка были замечены давно, но в отдельную часть речи они не выделялись. В трудах А. Х. Востокова, Н. И. Греча, И. И. Давыдова, А. А. Шахматова, В. А. Богородицкого они включались в наречия. И в настоящее время некоторые лингвисты такие слова, как *во-первых*, *во-вторых*, называют наречиями. Л. В. Щерба склонялся к тому, чтобы не относить их ни к одной части речи. Модальные слова стали выделяться в качестве отдельного частеречного разряда прежде всего под влиянием работ И. И. Мещанинова и особенно В. В. Виноградова, подробно охарактеризовавшего их в связи с категорией модальности. Такой части речи нет в академических грамматиках русского языка, не упомянута она ни в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» 1990 г., ни в энциклопедии «Русский язык» 1979 г., хотя в учебной литературе выделение модальных слов, можно сказать, стало традицией.

Отрицательное отношение к выделению модальных слов как части речи объясняется в первую очередь тем, что у них нет ни структурного, ни функционального единства. Их объединяет позиция вводного слова, которая при этом открыта для словоформ различных частей речи, существительных, прилагательных, глаголов и наречий: *Говорят, гречанки на Босфоре хороши...* (Бунин); *Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною* (Гоголь); *По счастью, близко тут журавль случился* (Крылов); *В деревьях, слышно, постреливают.*

В. В. Виноградов, впервые выделивший модальные слова как часть речи, при описании фактического материала не установил границы между модальными словами и модальными частицами. Напротив, В. В. Виноградов писал о том, что такой границы в языке просто не существует, что модальные слова и частицы одинаково используются как

лексическое средство для выражения многообразных субъективно-модальных значений⁹⁷.

Тем не менее выделение модальных слов не только возможно, но и желательно по двум причинам. Во-первых, потому что они объединяют те лексемы, за которыми функция вводности закрепляется в языке как единственная (т. е. те лексемы, которые функционально отрываются от исходных частей речи). И. И. Мещанинов считал, что вводные (= модальные) слова надо выделять в особую группу именно потому, что они ни в одну другую часть речи не входят⁹⁸. Во-вторых, и это принципиально важно, отрыв модального слова от той или иной части речи регулярно связан с закреплением в модальной (вводной) словоформе значения, равного свернутому предложению. Другими словами, с вводностью связан живой процесс образования таких слов, которые отличаются по природе их лексического значения и от самостоятельных частей речи, выражающих понятия о предметах, их свойствах и отношениях, и от служебных слов, не имеющих понятийной семантики.

Предложенческий характер модальных слов побуждал лингвистов (А. А. Потебню, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, А. М. Пешковского) видеть в них реликты свернутых предложений. В. В. Виноградов, не соглашаясь в целом с такой оценкой вводной синтагмы, показал, что далеко не всякое вводное слово генетически выводится из предложения, что модальные слова активно образуются из наречий и кратких форм прилагательного. «Класс модальных слов и частиц, — писал он, — в его современном виде представляет собою продукт сложных изменений грамматического строя русского языка. Он очень пестр по своему лексическому составу, по этимологической природе относящихся и тяготеющих к нему словесных элементов»⁹⁹. В связи с этим важно обратить внимание на то, что предложенческое содержание имеют как слова, соотносительные с глаголом, так и лексемы субстантивного, наречного и адъективного происхождения: *конечно* = я не сомневаюсь, *возможно* = я допускаю, *несомненно* = я убежден, *кстати* = в связи со сказанным добавлю, *по-моему* = я полагаю, я считаю и т. д.

Итак, при всей неопределенности модальные слова имеют признаки грамматической оформленности: 1) неизменяемость (морфологический признак), 2) функция вводного слова (синтаксический признак), 3) свернутое предложенческое модусное значение (семантический признак). Когда все эти признаки в лексеме представлены, модальное слово выделяется достаточно свободно.

⁹⁷ См. В. В. Виноградов. О категории модальности и модальных словах // Исследования по русской грамматике. М., 1975.

⁹⁸ И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М., 1945. С. 289.

⁹⁹ В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 77.

Примечание. Формирование слов-предложений модусного плана наблюдается еще в так называемой этикетной лексике: *спасибо* = я благодарю, *привет* = я приветствую, *пока* = я прощаюсь, *спокойной ночи* = я желаю спокойной ночи и т. п. Здесь это явление не оформлено не только морфологически, но и синтаксически. Место, занимаемое этикетным словом, в отличие от позиции вводности не имеет отличительных признаков.

§ 124. Лексико-семантические разряды модальных слов

В зависимости от значения модальные слова можно разделить на 5 разрядов: 1) собственно модальные (или со значением персуазивности), 2) со значением авторизации, 3) эмоционально-оценочные, 4) метатекстовые и 5) фатические (см. Краткий справочник по современному русскому языку, М., 1995).

Собственно модальные слова или слова со значением достоверности / недостоверности факта (т. е. со значением персуазивности) образуют ядро части речи. Их значение положено в название всего класса. Они выражают уверенность / неуверенность говорящего в том, о чем сообщается в предложении либо в какой-нибудь его части. В этот разряд входят такие лексемы, как: *безусловно, бесспорно, возможно, верно, вероятно, должно быть, действительно, конечно, кажется, может, может быть, наверное, несомненно, по-видимому, пожалуй, правда, разумеется* и т. п.: *Что это со мной? Этого никогда не было... сердце шалит... я переутомился. Пожалуй, пора бросить все к черту и в Кисловодск...* (Булгаков); *Вот тут-то у них и начались баталии, о которых я страшно сожалею, потому что его, кажется, очень больно тогда раз избили* (Достоевский); *Он, должно быть, полагал, что слова эти поддержат бодрость хорошенького прапорщика* (Л. Толстой); *Уж ихние люди и то смеются мне: что, мол, ваш барин-то, видно, не в папеньку пошел* (Л. Толстой).

Вводное слово со значением авторизации (т. е. указывающее, как получена информация, выраженная в высказывании) в синтаксисе предложения явление достаточно регулярное (*по слухам, по преданию, по словам, по сообщению, по мнению, говорят, передают, сообщают* и др.), но модальных слов этой группы немного. Таковы *по-моему, по-твоему, по-нашему, по-вашему, слышно* (в значении 'говорят'). В отличие от частиц *мол, де, дескать*, являющихся знаком «цитирования», указывающих на то, что передаются чужие слова или сказанное говорящим ранее, модальное слово дает представление об авторе или источнике сообщаемого: *Латынь я зубрю, потому что надо, потому что я обещался матери кончить курс, а по-моему, за что взялся, то ж делать хорошо <...>* (Достоевский); *По слухам, какая-то часть упорно сражалась под Каменском, не пропуская немцев в Лихую* (Фадеев).

Эмоционально-оценочные модальные слова выражают или эмоции, или оценку по поводу сказанного: *к сожалению* (в значении 'я сожалею'), *к радости* (= я рад), *к огорчению* (= я огорчен) и т. п.: *Эту поэму Иван Николаевич сочинил, и в очень короткий срок, но, к сожалению, его редактора нисколько не удовлетворил* (Булгаков).

Такие словоформы не отрываются полностью от соответствующих действительных и могут иметь при себе субъектные и градуальные распространители (*к своему полному разочарованию, к нашему счастью, к удивлению мальчика* и т. п.), но прочитываются они всегда как глагол, вернее как предикат. При этом содержание предложения мотивирует характер эмоции: *К удивлению Пети, в участке не было ни воров, ни пьяниц, ни босяков* (Катаев) → Петя удивлен тем, что в участке не было воров, пьяниц и босяков. К эмоционально-оценочным модальным словам относятся некоторые лексикализованные сочетания: *неровен час, чего доброго, нечего греха таить, не в укор* будь сказано и т. п.

Метатекстовые модальные слова свидетельствуют о том, в каком порядке субъект речи излагает свои мысли: *во-первых, во-вторых, наконец, кроме того, прежде всего, с одной стороны, с другой стороны* и др. Они являются также показателями обобщений и заключений, всякого рода уточнений, разъяснений и поправок, преследующих цель получить адекватное восприятие сказанного со стороны адресата: *итак, таким образом, следовательно, значит, вернее, словом, например, к примеру, в частности, вообще говоря* и др.: *Итак, в то морозное и сиверкое ноябрьское утро мальчик Коля Красоткин сидел дома* (Достоевский), <...> *Он чувствовал, что находится в большом возбуждении и что о гусе, например, рассказал слишком уж от всего сердца* (Достоевский); *Я не скажу, о чем задумался: во-первых, потому, что мне совестно было признаться в мрачных мыслях* <...>, *а во-вторых, потому, что это пойдет к моему рассказу* (Л. Толстой).

Фатические модальные слова вводятся в предложение с целью привлечь внимание собеседника к сказанному, установить речевой контакт с собеседником, продолжить общение: *видите ли, знаете ли, простите, веришь ли, пожалуйста, представьте себе, с позволения сказать, извините* и др.: <...> *Да, я забыл спросить, — прокуратор потер лоб, — как же они ухитрились подбросить деньги Каифе? — Видите ли, прокуратор... Это не особенно сложно* (Булгаков); — *Ну терплю же я от тебя! Слушай, негодяй: если б я и рассчитывал тогда на кого-нибудь, так уж конечно бы на тебя, а не на Дмитрия...* (Достоевский); *Он, веришь ли, так взглянул на меня, как бы ножом насквозь* (Пушкин).

По генетическому признаку модальные слова соотносятся с действительными (*правда, словом, факт*), краткими прилагательными, качественными и предикативными наречиями (*истинно, подлинно, конечно, верно, бесспорно, слышно, видно*), местоименными наречиями (*никак, по-*

моему, по-твоему), причастиями (*видимо, вестимо*), глагольными формами (*разумеется, кажется, знать, видеть*). Кроме того, модальные слова образуются лексикализацией сочетаний (*может быть, вообще говоря, короче говоря*).

Модальные слова в большинстве случаев являются функциональными омонимами с теми словоформами, от которых они морфологически (перестали быть компонентами морфологических парадигм), семантически и синтаксически оторвались: *правда* — И. п. существительного и *правда* — модальное слово, *бесспорно* — краткая форма прилагательного ср. р. ед. ч. и *бесспорно* модальное слово, *никак* — наречие (*никак не пойму*) и *никак* — модальное слово (*никак, ты заболел?*) и т. д. Но есть и такие модальные слова, которые не имеют омонимов среди самостоятельных частей речи. Таковы *например, во-первых, во-вторых, наверно, по-видимому, следовательно, итак, впрочем*.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967. Введение.

Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. С. 30–32, 38–43, 568–581.

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 53–87.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 140–157.

Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П. А. Леканта. М., 1995. С. 219.

ПРЕДЛОГИ

§ 125. Предлог как часть речи

Предлог — это класс служебных морфологически неизменяемых слов, посредством которых существительное, местоимение-существительное, количественное числительное вводится в словосочетание или предложение в качестве зависимого компонента. Например, словосочетания *находиться в помещении, влажный от росы, щетка для обуви, чайник без крышки* являются подчинительными с зависимыми субстантивными словоформами. Эти словоформы присоединяются к главным компонентам словосочетаний предлогами (*в, от, для, без*). В случаях же вроде *За детьми нужен глаз да глаз* или *Под старость жизнь — такая гадость* (Пушкин) предлоги *за, под* вводят существительные *дети* и *старость* непосредственно в структуру предложения. См. также:

вспомнил о тебе, скучал по вас, два прибавить к трем, пришел на четыре часа и т. п. Иногда предлог присоединяет наречие, которое при этом субстантивируется: *перенести встречу на завтра* (на понедельник, на другой день), *дорога в никуда* (дорога в лес, в город).

Функционально предлог соотносителен с падежной флексией, которая также является средством синтаксической связи именных частей речи. Поэтому предлог нередко определяется как служебное слово, вводящее в словосочетание или предложение косвенный падеж существительного и обобщенно-предметного местоимения. Такое определение отражает основное назначение предлога в русском языке, но не является исчерпывающим, так как предлог присоединяет и неизменяемые слова, т. е. слова без морфологического падежа: *прийти в шубе и прийти в пальто, добавить соли в капусту и добавить соли в рагу*.

Так как изменяемые и неизменяемые существительные соединяются с одними и теми же предлогами, некоторые лингвисты распространяют понятие склонения и на предложные структуры, выделяя так называемое нулевое склонение. Однако распространение предложной функции на неизменяемые слова скорее свидетельствует о другом, а именно о том, что функционально, в конструктивно-синтаксических свойствах предлог не должен отождествляться с флексией, хотя и предлог, и флексия участвуют в выражении общих синтаксических отношений.

Сочетание предлога с падежом называют предложно-падежной формой. Но предлог не всегда принадлежит только существительному: для многих глаголов, формирующих сильные синтаксические связи, сочетание с предлогом является обязательным условием для реализации лексической семантики (часто лексико-семантического варианта): *уродиться в* (родиться похожим на кого-л.), *походить на*, *биться о* (ударяться), *биться над* (упорно трудиться), *принять от* (получить), *принять за* (ошибиться), *состоять из* (быть частью), *состоять на* (служить).

Разные предлоги могут выражать синонимические значения, например, *у стола, около стола, рядом со столом*, но в целом предлоги по значению не совпадают: *на столе* = на поверхности стола, *в столе* = внутри стола, *под столом* = внизу стола, *над столом* = наверху стола, *со стола* = сверху стола, *из-под стола* = снизу стола.

Значение предлога синтаксической природы, оно формируется на основе связи с падежом и определяется в структуре конкретных синтаксических единиц. «Собственное значение предлога, — писал В. В. Виноградов, — не может проявиться вне связи с падежной формой какого-нибудь названия лица или предмета»¹⁰⁰. Например, в словосочетании *вспомнить о товарищах* предлог *о* имеет объектное значение (вводит объект действия), а в предложении *Там о заре прихлынут волны На брег*

¹⁰⁰ В. В. Виноградов. Русский язык. 1972. С. 531.

песчаный и пустой (Пушкин) предлог *о* употреблен в устаревшем для современного языка значении времени (на заре).

А. И. Смирницкий считал, что поскольку предлоги являются словами, у них должно быть лексическое (т. е. словарное), индивидуальное значение¹⁰¹. Совершенно очевидно, что по своей языковой природе это иное лексическое значение по сравнению с теми, которые формируются на основе номинативной знаковой функции слов самостоятельных частей речи.

Лексическое значение предлога не всегда можно определить. «Степень формальности, отвлеченности и лексической весомости разных предлогов различна» (В. В. Виноградов)¹⁰². Нередко предлог становится «лексически не мотивированным» (В. В. Виноградов) формальным средством выражения объектных отношений (т. е. по существу превращается в агглютинативную морфему): *надеяться на, превратиться в, вивают перед, готов на, торговля на вынос*.

Предлоги выражают те же самые виды синтаксических отношений, что и падежные формы, но с большей их конкретизацией и дифференциацией. «На место падежной формы является сочетание падежной формы с предлогом, причем это сочетание, благодаря вносимому в него предлогом значению, развивает, дополняет, усиливает то значение, которое принадлежало самой падежной форме¹⁰³. В целом оказывается, что предложные значения не передаются беспредложными падежами. Синонимия падежных и предложно-падежных форм — сравнительно редкое явление. Прежде всего это относится к обстоятельственным значениям. Так, при помощи предлогов выражаются разнообразные пространственные отношения: *жить в городе, идти по лесу, ехать от станции, лететь до Петербурга, плыть через реку, плыть к берегу, пробежать мимо двери, уйти из дома*. И только в одном случае предложно-падежную форму можно заменить падежом без предлога: *идти по лесу / идти лесом*, да и то не всегда: творительный падеж используется только для обозначения целенаправленного действия.

Предлоги не только обогащают пространственную падежную семантику, они расширяют и состав лексики, включаемой в ее выражение: *И клены хлопают ушами длинных веток, И бабы охают в глухую полутьму* (Есенин). Пространственное значение В. п. в приведенном примере окказионально формируется вопреки лексическому значению слов, объединенных при помощи предлога пространственной семантики.

В то же время все предлоги избирательно относятся и к падежу, и к лексике. Предлогов, которые сочетались бы со всеми падежами

¹⁰¹ А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове. С. 21.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. 1941. С. 504.

и словами любого значения, нет. Ни один предлог не употребляется с именительным падежом.

Выбор предлога в речи не всегда определяется смысловыми отношениями, он может предопределяться просто узусом (*жить в Белоруссии и жить на Украине, пойти в музей и пойти на выставку*) или зависеть от сильного управления со стороны главного компонента словосочетания. При сильном управлении, если предлог не связан со словообразовательной структурой управляющего слова, т. е. если предлог не дублирует значение пространственной приставки, как было отмечено, регулярно наблюдается его десемантизация: *уродиться в (отца), поступить на (службу), похож на (брата), запрет на (проезд), готов на (все), эксперимент с (кроликом)*.

Структурные типы предлогов

По структуре и словообразовательным (генетическим) связям предлоги делятся на первообразные или непроеобразные и непроеобразные или производные.

§ 126. Первообразные предлоги

Первообразные предлоги составляют замкнутую непополняемую группу. Многие из них соотносительны с приставками в структуре производных слов. К первообразным предлогам относятся: *без, в, для, до, за, из, к, на, над, о (об), от, перед (перед), по, под, при, про, с, у, через (через)*, а также двойные предлоги, образованные сочетанием двух первообразных предлогов: *из-за, из-под, по-над* (*По-над рекой сквозь едкий дым они проходят на рассвете* — Сурков). Кроме этого, к первообразным непосредственно относят предлоги *кроме, между, ради, сквозь*¹⁰⁴.

Из этих четырех слов выделяется лексема *кроме*. Предлог *кроме*, несмотря на то, что его наречное (*вне, снаружи* ← стар. местн. п. ед. ч. от *крома* со значением *перегородка, край* — ЭСФ, т. 2) происхождение в современном языке затуманено больше, чем, скажем, слов *между* или *перед*, следует отнести скорее к производным предлогам, так как по значению и конструктивным свойствам он совпадает с производными предлогами «включения и исключения».

¹⁰⁴ В «Грамматике русского языка-52» (Т. 1. С. 42) к первообразным отнесены предлоги *между, ради, сквозь*; в «Русской грамматике-80» (Т. 1. С. 707) — *кроме, между, ради*.

¹⁰⁵ При написании этого параграфа использованы наблюдения и примеры Н. А. Еськовой.

Первообразные предлоги сочетаются с падежами следующим образом:

- 1) с Р. — без, до, из, от, с, у, из-за, из-под, между, ради;
- 2) с Д. — к, по;
- 3) с В. — за, на, о, по, под, про, с, через, сквозь;
- 4) с Т. — за, над, перед, под, с, по-над, между;
- 5) с П. — в, на, о, при.

Многие первообразные предлоги соединяются не с одним (с двумя-тремя) падежом.

§ 127. Основные значения, выражаемые первообразными предлогами

Собственно обстоятельственные значения:

1) пространственные — выражаются всеми предлогами, исключая без, ради, о: *плыть по реке, стоять между стульями, вырасти перед домом, при море: ... ногою твердой стать при море* (Пушкин) и т. д.;

2) временные значения — выражаются предлогами до, с + Р. п. (*с утра до обеда*), к + Д. п. (*к вечеру*), под, через + В. п. (*под утро, через неделю*), за, перед, с + Т. п., (*за ужином, перед завтраком, с наступлением весны*), в, на, по, при + П. п. (*в мае, на прошлой неделе, по приезде, при Петре Первом*);

3) причинные значения — выражаются предлогами из, от, с, из-за + Р. п. (*промолчать из уважения, не заснуть от шума, не прийти из-за болезни, поступить нехорошо с отчаяния*), по + Д. п. (*не ответить по недоразумению*), за + В. п. (*наградить за храбрость*), за, под + Т. п. (*выбросить за ненадобностью, промокнуть под дождем*), в + П. п. (*запить в горе, закричать в испуге*);

4) значение цели — выражается предлогами для, ради + Р. п. (*для очистки, ради потехи*), на, про + В. п. (*купить сыр на завтрак, купить про запас*), за + Т. п. (*пойти в магазин за молоком*);

5) значение условия — выражается предлогами без + Р. п. (*Без дождя урожай погибнет*), с + Т. п. (*С няней девочка не плачет*), при + П. п. (*При ветре крыша едва держится*).

Признаковые значения

1) Количественные значения — выражаются падежами без, до + Р. п. (*работать без отдыха, танцевать до головокружения, кричать до одури*), на, по, с + В. п. (*уехать на месяц, сыт по горло, промокнуть по пояс, репа с кулак*);

2) определительные значения — выражаются без, до, из, от, с, из-за, из-под + Р. п. (*платье без рукавов, юбка до пят, кофта из шелка, украшение с востока, вещица из-за границы, пузырек из-под духов*), к + Д. п.

(подарки к празднику), под + В. п. (ваза под конфеты), с + Т. п. (говорить с вдохновением, шкатулка с инкрустацией), в, на, о, при + П. (ходить в волнении, пальто на меху, служащий при посольстве, стихи о любви).

Объектные (предметные) значения.

1) Значение дифференцированного объекта а) орудия действия — выражается предлогами из + Р. п. (застрелить из ружья), в, о, через + В. п. (увидеть в бинокль, поцарапаться о гвоздь, разглядеть через луну), б) объекта-адресата — выражается предлогом для + Р. п. (купить книгу для сестры), в) объекта содержания (делиберативного объекта) — выражается предлогами про + В. п., о + П. п. (вспомнить про кошку, вспомнить о кошке), г) объекта совместного действия — выражается предлогом с + Т. п. (приехать с отцом, встретиться с товарищем).

2) Значение первого объекта (соответствует грамматическому объектному падежу) — выражается предложно-падежными формами при словах объектной семантики и сильного управления (вглядеться в лицо, приблизиться к машине, быть похожим на кого-нибудь, следить за тучей).

Непроизводные предлоги участвуют также в выражении восполняющих отношений (участвовать в выборах, отказаться от обещания, уклониться от обязанностей, состоять из мелочей, подготовиться к подарку).

Предлог у + Р. п. выражает специфическое для русского языка значение посессивного субъекта (У него собака; У нее голубые глаза; У птицы есть гнездо, у зверя есть нора... (Бунин).

§ 128. Непервообразные (производные) предлоги

Производными называются предлоги, образованные неморфологическим путем от самостоятельных частей речи. По морфологическому «облику» они бывают простыми (мимо, вокруг, путем, посредством, близ, вдоль) и составными, включающими в свою структуру, кроме относительной словоформы самостоятельной части речи, первообразный предлог, один или два (в виде, в течение, в продолжение, несмотря на, по случаю, вслед за, в связи с, по направлению к, по отношению к).

По своим генетическим связям производные предлоги делятся на наречные (кругом, против, вдоль), отглагольные, соотносительные с деепричастиями (благодаря, несмотря на, невзирая на) и отыменные, чаще всего соотносительные с предложно-падежными формами существительных (на счет, по причине, со стороны, наподобие, вроде).

§ 129. Сочетание производных предлогов с падежами

Если производный предлог составной и заканчивается первообразным предлогом, то за ним следует падеж, соответствующий этому предлогу: не смотреть *на* + В. п. → несмотря *на* + В. п., связь с + Т. п. → в связи с + Т. п., направление к + Д. п. → по направлению к + Д. п., начинать с + Р. п. → начиная с + Р. п. В составных наречных предлогах такого типа выбор падежа также предопределяется первообразным предлогом: вблизи от + Р. п., впредь до + Р. п., применительно к + Д. п., сравнительно с + Т. п.

В остальных случаях падежи распределяются так:

1) простые наречные предлоги в основном сочетаются с Р. п. (*близ, вблизи, вглубь, вдоль, вместо, вне, внутри, внутрь, возле, вокруг, впереди, мимо, наверху, накануне, напротив, около, посередине, сзади, среди*).

Предлоги *вопреки, вслед, навстречу, наперекор, подобно, согласно, сообразно, соответственно, соразмерно* употребляются с Д. п., предлог *сквозь* — с В. п.;

2) отыменные предлоги, омонимичные предложно-падежным сочетаниям существительных употребляются с Р. п. (*в виде, ввиду, в знак, в качестве, в области, в отношении, в продолжение, в результате, в силу, в случае, в течение, в честь, во время, вследствие, за исключением, за счет, наподобие, на протяжении, по мере, по поводу, по причине, по случаю, с помощью, со стороны*).

С Д. п. употребляются предлоги *в контраст, в противовес, в противоположность* и не в пример;

3) отглагольные предлоги, кроме *благодаря*, употребляются с тем падежом, которым управляет соотносительный глагол: *включая* + В. п., *кончая* + Т. п., *считая* + В. п., *не считая* + Р. п., *спустя* + В. п.

Предлог *благодаря* употребляется с Д. п.

§ 130. Сопоставительная характеристика первообразных и производных предлогов

Производные предлоги имеют некоторые особенности по сравнению с непроизводными.

1) Производные предлоги образуют постоянно пополняющийся разряд служебных лексем. Нельзя дать закрытый список таких слов. В связи с тем, что новые предлоги появляются как следствие определенного употребления знаменательных словоформ, провести четкую границу между предложной функцией и окончательно сформировавшимся предлогом можно не всегда. Например, в Толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой *по случаю* дается как предлог, а *к случаю* дана

помета «в знач. предл.». С такой же пометой дана и словоформа *по причине*, хотя в учебной литературе и на случай, и *по причине* обычно рассматриваются как предлоги.

2) Производные предлоги употребляются только с одним падежом.

3) Производные предлоги редко бывают многозначными. Их лексическое значение, как правило, предопределяется сохраняющимися семантическими связями с исходными словами: *по причине* выражает причинное отношение, *в продолжение* — временное, *вследствие* — следственное, *вблизи, кругом, рядом с* — пространственное, *по случаю* — значение повода, обоснования и т. д.

4) Среди производных предлогов есть такие, которые не обладают свойством сочетаться с конкретными существительными, словами, не имеющими событийной или признаковой семантики, т. е. лишённые первичной функции предлога. Таковы, например, причинные, временные, уступительные, целевые предлоги: можно сказать *на случай дождя, пожара, войны, отключения отопления, катастрофы* и т. п., но сочетания типа *на случай дома, школы, брата* и т. д. ненормативны. Когда к таким предлогам присоединяются конкретные слова, предложные конструкции становятся эллиптическими, они прочитываются так, как будто в них есть признаковое слово: *Несмотря на ногу пришел на занятия* = Несмотря на сломанную (больную, поврежденную и т. п.) ногу, пришел на занятия.

5) Производные предлоги не бывают средством сильного управления и не оформляют восполняющих отношений. Они не обладают свойством десемантизации.

6) Среди производных предлогов выделяется особая группа со значением «включения-исключения»: *кроме, помимо, включая, исключая*. Эти предлоги формируют особые двусторонние синтаксические отношения: нельзя, например, построить предложение так: **Люблю, кроме груш*. Предлог *кроме* означает, что не только груши любимы, что есть другой любимый предмет, который должен быть назван: *Люблю, кроме груш, яблоки*. Предлог *кроме*, присоединяя существительное к глаголу, предопределяет (провоцирует) еще одну синтаксическую связь.

Таким образом, синтаксически-конструктивные свойства многих производных предлогов не совпадают со свойствами первообразных предлогов.

7) Не все производные предлоги сочетаются с припредложными местоименными формами (**по причине него, *спустя него, *кончая ним, *навстречу ему, *благодаря ему*).

Производные предлоги выражают определительно-обстоятельственные и собственно обстоятельственные синтаксические значения: места, времени, причины, цели, следствия, условия, уступки: *По случаю приезда Николая в Киеве устраивались разнообразные торжества* (Паустов-

ский); Им предстояло принять бой в случае прорыва врага в город (Чаковский); Но ямичики, несмотря на дурную погоду, везли его с быстротою ветра (Пушкин); К счастью, по причине неудачной охоты кони наши не были измучены (Лермонтов); Вы мне протелефонируйте в случае несчастного исхода (Булгаков).

Члены предложения, вводимые производными предложениями и имеющие собственно обстоятельственные значения, бывают синонимичными с соответствующими придаточными частями сложноподчиненных предложений: Возьми зонт на случай дождя / Возьми зонт на случай, если будет дождь, Несмотря на северный ветер, на улице жарко / Несмотря на то, что дует северный ветер, на улице жарко, Вследствие возникших затруднений, работу нельзя продолжить / Вследствие того, что возникли затруднения, работу нельзя продолжить, По причине наступивших сильных морозов занятия в начальных классах отменены / По той причине, что наступили сильные морозы, занятия в начальных классах отменены, В связи с наводнением снабжение продовольствием затруднено / В связи с тем, что наводнение, снабжение продовольствием затруднено.

§ 131. Место, занимаемое предлогом по отношению к существительному¹⁰⁵

Общим правилом является постановка предлога (и первообразного, и производного) перед существительным. Предлоги *ради* и *спустя* могут стоять после существительного: *Чего ради* (вместо *ради чего*) *я туда пойду?* *Два года спустя* (вместо *спустя два года*) *они расстались*.

В местоименных словах, начинающихся с компонентов *не*, *ни* и *кое*, нормой считается интерпозиция предлога: *не у кого, ни у кого, кое у кого, не у чего, ни у чего, кое у чего, не над кем, ни над кем, кое над кем, не над чем, ни над чем, кое над чем* и т. д. По наблюдению Н. А. Еськовой, в таком употреблении практически не встречаются производные предлоги, а отглагольные и отыменные предлоги в интерпозиции просто невозможны (**кое благодаря кому, *ни благодаря кому, *не благодаря чему, *кое насчет кого, *ни насчет кого*). Н. А. Еськова обратила внимание на наметившуюся в языке тенденцию ставить предлог, и прежде всего производный, перед местоимением с начальным *кое-* (*благодаря кое-кому, относительно кое-кого, согласно кое-чему, взамен кое-чего, с кое-какими средствами, в кое-какой порядок, на кое-какие вопросы*).

Предлог находится в интерпозиции в предложных формах сочетания *друг друга*: *друг без друга, друг к другу, друг на друга, друг с другом, друг о друге*. Это правило является жесткой нормой, только когда

¹⁰⁵ При написании этого параграфа использованы наблюдения и примеры Н. А. Еськовой.

речь идет о первообразном предлоге. Из производных в интерпозиции употребляются некоторые наречные предлоги (*друг против друга, друг возле друга, друг после друга*). Что же касается отыменных и отглагольных предлогов, а также части наречных, то они тяготеют к препозиции: *благодаря друг друга, вблизи друг друга, насчет друг друга, наперекор друг другу, напротив друг друга*. Некоторые предлоги (*относительно, около, мимо, вокруг, ради*) могут занимать обе позиции (*друг ради друга и ради друг друга*).

Предлог вместе с падежной формой имени образует единство, не допускающее вставки другого служебного элемента. Нельзя сказать **в, очевидно, комнате* или **под же столом* и т. п. Частицы, модальные слова присоединяются к предложно-падежной форме: *очевидно, в комнате; под столом же; вряд ли на улице* и т. п.

Между предлогом и существительным может вставляться только определение: *в комнате — в светлой комнате, благодаря врачу — благодаря опытному врачу*. В современном языке от этого правила возможны отступления: 1) вставляется частица после производного предлога *Не благодаря ли им с такой горькой и неспешной отчетливостью встают домашние сцены в квартире Баюковых?* (В. Кардин); *Но внутри-то самой партии давайте все-таки разберемся* («Московская правда»), 2) после предлога вставляется модальное слово при наличии определения к существительному или при признаковом существительном *Не только в этих произведениях, но и в, так сказать, чистой лирике Пастернака <...> своеобразно выражена тема революции, тема времени* (А. Якобсон); *Как только с, казалось бы, ясного неба грянул гром амнистии, так юристы и публицисты заспорили...* («Известия»).

ЛИТЕРАТУРА

- Бондаренко В. С. Предлоги в современном русском языке. М., 1961.
Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. С. 531–541.
Еськова Н. А. Первообразные и непервообразные предлоги. Формальный аспект // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М., 1996. С. 458–464.
Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. С. 243–244.
Современный русский язык. Ч. 2 / Под ред. Е. И. Дибровой. М., 1995. С. 136–141.

§ 132. Общая характеристика союза как части речи

Союз как часть речи — это класс неизменяемых служебных слов, посредством которых синтаксически соединяются части сложного предложения и словоформы в простом предложении, а также компоненты текста.

Союз отличается от предлога тем, что для него незначима морфологическая природа соединяемых частей, тогда как предлог присоединяет только имена (существительное, местоимение-существительное, числительное), при этом, если имя изменяемое, избирательно относится к падежу.

Союз соединяет не части речи, а члены предложения (простого или сложного), которые могут выражаться словоформами разных морфологических классов. Например, союз *И* соединяет и существительные (*брат и сестра*), и прилагательные (*недорогая и полезная <вещь>*), и наречия (*слева и справа*), и глаголы (*<девочка> испугалась и плачет*), и разные части речи (*Он болен и не встает; пишет красиво и без ошибок, приехал с другом и надолго*).

Лексическое значение союзов, как и значение предлогов, синтаксической природы, т. е. формируется и выявляется на основе синтаксической связи. Например, сочетания *недорогая и полезная вещь; недорогая, а полезная вещь; недорогая, но полезная вещь; недорогая, зато полезная вещь* не совпадают по смыслу, их различие создается значением союзов, так как по составу словоформ словосочетания совпадают.

Семантика союзов абстрактна. Степень отвлеченности союзного значения зависит от характера связи союза с контекстом. Есть союзы, которые выражают одни и те же синтаксические отношения независимо от дистрибуции. Таковы многие союзы, оформляющие сложноподчиненное предложение (*потому что, так как, перед тем как, после того как и др.*). Они являются однозначными. Другие союзы выражают не одно синтаксическое отношение. Например, в предложении *Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет* союз *и* имеет временное значение; в предложении *Антракт кончился, и мы пошли смотреть второе действие* — причинно-следственное значение; в предложении *Солнце светит ярко, и все-таки холодно* — противительное значение. Союз *чтобы*, когда присоединяет придаточное цели (*пришли, чтобы объяснить*), имеет значение цели, а когда присоединяет придаточное изъяснительное (*просил, чтобы объяснили*), значение цели утрачивает и вводит делиберативный пропозитивный объект. Это многозначные союзы. Они больше зависят от контекста и часто нуждаются в дополнительных лексических средствах для реализации своих синтагматических свойств (нельзя по-

строить предложение так: **Покупай сани зимой, а летом*. Но если ввести отрицание, предложение становится корректным: *Покупай сани не зимой, а летом*). Естественно, что семантика однозначных (однофункциональных) союзов конкретнее семантики многозначных (многофункциональных) союзов.

Союз и предлог могут выражать однотипные логические отношения (о синонимике производных предлогов и подчинительных союзов см. (§) 130), но в целом союз больше, чем предлог, повернут к субъекту речи и нередко включает в себя интерпретационные или модальные смыслы.

Предлог (прежде всего первообразный), соединяясь с именем, является средством отражения объективной действительности (*книга в столе, книга на столе, книга за столом, книга под столом*). Функцию простого отражения могут иметь и союзные конструкции (*Книги и тетради лежат на столе*), однако чаще союз обнаруживает связь с субъектом речи: в сочетании *недорогая и полезная вещь* выражается представление о том, что субъект речи оценивает вещь одновременно как недорогую и полезную. В сочетании *недорогая, а полезная вещь* признак полезности в представлении субъекта логически не соответствует признаку *недорогая*. В сочетании *недорогая, зато полезная вещь* признак полезности оценивается как определенное возмещение, компенсация признака *недорогая*, при помощи союза *но* признаки *недорогая* и *полезная* изображены как противоположные.

§ 133. Типы союзов по структуре

Союзы принято делить на простые и составные. Простые — это однословные союзы: *а, будто, да, едва, если, и, ибо, или, кабы, как, как-то, когда, ли, либо, нежели, но, пока, поскольку, словно, также, тоже, хотя, чем, чтобы*.

Простые союзы неоднородны: одни из них непроизводные (*а, но, или, ли, да*), другие образованы неморфологическим путем и сохраняют в своем строении следы своей производности (*чтобы, также, тоже, хотя, будто, что, чем, когда, поскольку*).

Составные союзы являются однословными и включают в себя компоненты, соотносительные или со знаменательными, или со служебными (включая простой союз) частями речи: *потому что, оттого что, так как, вследствие того что, несмотря на то что, в то время как, перед тем как, между тем как, тем более что, тем не менее, по мере того как, как будто, а может, а именно, а не то, да и, а также, как только, едва лишь, но зато*.

По тому, как вводится союз в предложение (сколько мест занимает), различаются одноместные (или одиночные) и неодноместные сою-

зы, которые в свою очередь делятся на повторяющиеся и двухместные (или двойные).

Одноместные союзы употребляются в предложении один раз и стоят перед тем компонентом, который присоединяют, или между соединяемыми частями: *Средь шумного бала, случайно, В тревоге мирской суеты, Тебя я увидел, но тайна Твоя покрывала черты* (А. Толстой); *Я помню, как детьми с румяными щеками По снегу хрупкому мы бегали с тобой* (Полонский), *Писатель, если только он есть нерв великого народа, не может быть не поражен, Когда поражена свобода* (Полонский).

Повторяющиеся союзы употребляются не один раз. К ним относятся союзы *и... и... и, да... да... да, или... или... или, не то... не то... не то, то... то... то, либо... либо* и некоторые др.: *И как-то весело, И хочется плакать, И так на шею бы тебе я кинулся* (Лермонтов); *Что здесь у вас за край? То холодно, то очень жарко, то солнце спрячется, то светит слишком ярко* (Крылов).

Повторяющиеся союзы неоднородны. Одни из них образуются неоднократным повторением одноместного союза, при этом повтор обычно факультативен, таков, например, союз *и... и... и* (в некоторых работах такие союзы к повторяющимся не относят). В других случаях повторяющийся союз не может быть сокращен до одноместного союза: *ни... ни, то... то, не то... не то, будь то... или* (повторяющиеся союзы относят к разряду простых).

Двухместные союзы состоят из двух несовпадающих и позиционно разобщенных частей: *не только... но и, поскольку... постольку, чем... тем, если... то, едва... как, хотя... но, не то что... но*. Например, *Хоть ты и в новой коже, да сердце у тебя все то же* (Крылов), *Чем светлее представлялась ему судьба князя Андрея, тем мрачнее представлялась своя собственная* (Л. Толстой).

Примечание. В роли второй части двухместного союза (коррелята) может оказаться как частица, так и модальное слово: *Если ты позволил ей жить с тобою под одною кровлей, стало быть, она этого заслуживает* (Тургенев) — *стало быть* стоит на месте *то*.

§ 134. Сочинительные и подчинительные союзы

По синтаксическим свойствам союзы делятся на сочинительные и подчинительные.

Сочинительные союзы соединяют однородные члены простого предложения и части сложносочиненного предложения. Формальной особенностью сочинительного союза является то, что, располагаясь между соединяемыми компонентами, он не входит в синтаксическую структуру ни одного из них. Тогда как подчинительный союз принадлежит придаточной части, вместе с которой может занимать разные пози-

ции по отношению к главному предложению: *Когда отряд вошел в город, солнце садилось* → *Солнце садилось, когда отряд вошел в город* → *Солнце, когда отряд вошел в город, садилось*.

Сочинительные союзы соединяют компоненты как функционально равноправные: при сочинении нельзя выделить ни главной, ни зависимой части. При этом однородность, выражаемая сочинительным союзом, неодинакова. Она может относиться к синтаксическому уровню — союз соединяет одинаковые члены предложения: *заведу кошку и попугая*; может быть лексико-семантической — союз соединяет разные формы при их общей или однотипной референтной направленности: *говорю с поэтами и о поэтах* (В. З. Санников); а также коммуникативной — союз соединяет функционально разные члены предложения: *Дождь идет, и сильный*; *Она вернется, но нескоро* — прилагательное и наречие, присоединенные сочинительным союзом к предложению, прочитываются тоже как предложение)¹⁰⁶.

Сочинительные союзы делятся на: 1) соединительные, 2) разделительные, 3) противительные, в которых особо выделяют градационные, 4) присоединительные и 5) пояснительные.

Примечание. Данная классификация является традиционной. Она (с незначительными вариациями) представлена во многих грамматиках русского языка. В. З. Санников предложил разбиение сочинительных союзов не по признаку синтаксического отношения, а на основе модальности. Он выделил соединительные, разделительные и заместительные союзы. Соединительные союзы соединяют части, каждая из которых обозначает реальный / нереальный факт. По признаку реальной модальности к соединительным отнесены и противительные союзы (а также, очевидно, должны быть отнесены и пояснительные союзы). Разделительные союзы связаны с модальностью возможности факта. К заместительным отнесены союзы типа *не... а*, которые свидетельствуют о том, что только вторая часть синтаксической структуры обозначает реальный факт: *Петя не спит, а читает* (Петя, вместо того, чтобы спать, читает)¹⁰⁷.

Соединительные союзы *и*, *ни... ни*, *да* (в значении *и*), *как... так и*, *и... и*. Эти союзы выражают соединение, не осложненное дополнительными смыслами, часто они используются для обозначения перечисления: *И сделалась моя Матрёна ни пава, ни ворона* (Крылов); *И пращ, и стрела, и лукавый кинжал щадят победителя годы* (Пушкин). Самым отвлеченным из соединительных союзов является союз *и*, который, по словам А. М. Пешковского, выражает «чистую идею соединения». Союз *и* используется не только для выражения перечисления и соединения.

¹⁰⁶ Подробнее об этом см.: В. З. Санников. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989. С. 13–25.

¹⁰⁷ В. З. Санников. Указ соч. С. 92–97.

С опорой на наречия, частицы, модальные слова (*и тогда, и поэтому, и следовательно, и значит, и все-таки, и все же, и тем не менее*), а также смысл объединяемых частей он может передавать временные, причинно-следственные, уступительные, условные, противительные и присоединительные значения.

Разделительные союзы *или, либо, то... то, не то... не то, или... или, либо... либо, то ли... то ли, а то, а не то* выражают два основных синтаксических отношения: 1) значение взаимоисключения: *То ли она — телеграмма — попала в сугроб и теперь лежит глубоко под снегом, то ли она упала на тропку и ее утянул какой-либо прохожий...* (Гайдар), 2) значение очередности: *То дождь, то град, то снег, как белый пух, То солнце, блеск, лазурь и водопады...* (Бунин); *Буря мглой небо кроет, Вихри снежные крутя; То, как зверь она завоет, То заплачет, как дитя* (Пушкин).

Примечание. В. З. Санников отметил употребление в разделительном значении союза *и*; на это значение он приводит пример из «Скупого рыцаря» Пушкина: *Барон здоров. Бог даст — лет десять, двадцат, и двадцать пять, и тридцать проживет он*¹⁰⁸.

Противительные союзы *а, но, однако, да* (в значении *но*) являются многозначными, контекст может модифицировать их содержание; основное значение союза *а* сопоставительное: *Еще в полях белеет снег, а воды уж весной шумят* (Тютчев), союзов *но, однако, да* — противительное: *Она подходит — и в слезах На воды шумные взглянула, Ударила, рыдая, в грудь, В волнах решилась утонуть — Однако в воды не прыгнула И дале продолжала путь* (Пушкин).

Градационные союзы (их еще называют двойными сопоставительными союзами) *не только... но и, не только... а и, не только не... но, не столько... сколько, даже... не то что и др.* выражают сопоставление или противопоставление по степени значимости: *Он не только красив, но и талантлив.*

Присоединительные союзы *да и, да и то, (и) причем, (и) притом, тоже, также* выражают добавочную информацию к сказанному: *Воды было много, и притом она была не испорчена.*

Пояснительные союзы *а именно, то есть, или, как-то* выражают пояснение и уточнение: *Пили по-обыкновенному, то есть очень много* (Пушкин); *Весь день Анна провела дома, то есть у Облонских...* (Л. Толстой); *Домашние животные, а именно кошки, действуют на человека успокаивающе; Она зовется так, то есть ее прозвание Маниловка, а Заманиловки тут вовсе нет* (Гоголь).

Примечание. В некоторых работах пояснительные союзы отграничиваются от сочинительных и признаются лексемами, формирующими

¹⁰⁸ Там же. С. 197.

§ 135. Подчинительные союзы

Подчинительные союзы присоединяют придаточные части к главным частям сложноподчиненного предложения. Некоторые подчинительные союзы используются и при построении простого предложения. Так, союз *как* может ставиться перед именной частью составного сказуемого: *Дом как проходной двор* или *входить в обстоятельство образа действия: Как дым рассеялись мечты* (Лермонтов), союз *чтобы* может присоединять обстоятельство цели, выраженное инфинитивом: *Собрались, чтобы обсудить план действий*. Ср.: *Собрались обсудить план действий*.

Подчинительные союзы принято делить на семантические и асемантические. К последним относят союзы, присоединяющие придаточные изъяснительные предложения: *что, как, чтобы, будто*. Их обычно сравнивают с грамматическими падежами, так как при помощи изъяснительных союзов нередко замещаются такие синтаксические места, в которых может быть и грамматический падеж (*Слышно шум ветра, Слышно, что / как / будто шумит ветер; Снится весна, Снится будто весна; Вспомнил о случившемся, Вспомнил, что случилось*). Подобно грамматическим падежам изъяснительные союзы выражают синтаксические отношения, предопределенные (заданные) семантикой того слова (или словоформы), к которому относится придаточное предложение. Изъяснительный союз не формирует синтаксического смысла сложного предложения, а только его выражает.

Однако было бы неверно думать, что в содержательном отношении изъяснительные союзы — это пустые слова. Изъяснительные союзы различаются между собой модальными компонентами значения. Союз *чтобы* выражает желательную модальность (*скажи, чтобы пришел*), *будто* — неуверенность (*вижу, будто кто-то стоит*), *что* и *как* связаны с реальной модальностью.

Семантические подчинительные союзы имеют собственные значения. Они определяют синтаксические отношения в структуре сложного предложения.

Семантические союзы делятся на группы по значению: 1) временные союзы *когда, перед тем как, после того как, едва... как, как только, едва лишь*, 2) причинные *потому что, оттого что, так как, ввиду того что, тем более что, из-за того что, благодаря тому что, в силу того что, в связи с тем что, вследствие того что, в результате того что*; 3) условные *если, если... то, в случае если, в том случае если, при условии что, ежели* и др.; 3) уступительные *несмотря на то что, хотя, невзирая*

на то что, вопреки тому что, при всем том что, независимо от того что; 4) следствия так что, в результате чего; 5) цели чтобы, для того чтобы, ради того чтобы, с тем чтобы, затем чтобы; 6) сравнительные как, как будто, будто, словно, так же как, подобно тому как, вроде того как, как если бы; 7) сопоставительные союзы, совпадающие с подчинительными союзами по формальному признаку, а по значению не противопоставленные сочинительным союзам *если... то, в то время как, между тем как, тогда как, по мере того как, чем... тем*. Например, *Отцы друг к другу не ездили, она Алексея еще не видала, между тем как (= а) молодые соседки только об нем и говорили* (Пушкин).

Примечания. 1. Сопоставительные союзы, в связи с тем, что они не выражают синтаксического неравноправия, иногда включаются в состав сочинительных, особенно в тех случаях, когда возможна замена на союз *а* ¹⁰⁹. 2. Среди сравнительных союзов особо следует отметить союз *как*, употребляющийся в структуре простого предложения в функции, синонимичной предлогу *в качестве* (*Мы знаем его как учителя / в качестве учителя*). Специфика соответствующих конструкций состоит в том, что союз присоединяет существительное, падежная форма которого выбирается на основе согласования: *он (И. п.) нравится как поэт (И. п.), помогаем ему (Д. п.) как поэту (Д. п.), ценим его (В. п.) как поэта (В. п.), заинтересовались им (Т. п.) как поэтом (Т. п.), расскажу о нем (П. п.) как о поэте (П. п.)* ¹¹⁰.

§ 136. Союзные слова

Союзные слова (или относительные местоимения) — это местоименные слова различных частей речи, используемые при построении сложноподчиненного предложения в роли подчинительного союза. Подчинение, оформляемое союзным словом, принято называть относительным.

В роли союзных слов используются следующие лексемы: *кто, что, какой, который, каков, чей, где, куда, откуда, когда, как, почему, отчего, зачем, сколько*.

В отличие от союзов союзные слова являются членами предложения, к ним можно поставить смысловой вопрос, и, что важно, они вводятся в придаточные части на основе синтаксической связи с другими компонентами. Например, в предложении *Самое удивительное было то, как быстро они договорились* (Фадеев) слово *как* образует словосочетание с наречием *быстро*, в котором выражается значение степени, а потому не может считаться союзом. Точно так же союзное слово *что* —

¹⁰⁹ Современный русский язык. Часть 2 / Под ред. Е. И. Дибровой. С. 148–149.

¹¹⁰ Подробнее об этом см. А. Ф. Прияткина. Союз «как» в значении «в качестве». Владивосток, 1975.

это всегда или сильноуправляемый В. п. (*Вспомни, что ты говорил утром*), или И. п. подлежащего (*Трудно понять, что происходит*).

Союзная функция относительных местоимений опирается на разные их свойства. 1. При оформлении придаточных изъяснительных предложений местоимения реализуют свою вопросительную семантику и выбираются в зависимости от того, на что направлен вопрос: *Нас спросили, кто приезжает, что случилось, когда наступят холода, почему не летают самолеты, какое ожидается лето и т. п.*

Примечание. Лексема *когда* является союзом, если присоединяет придаточное времени.

2. Если придаточное предложение относится к существительному или соотносительному местоимению, то в союзном слове реализуется его способность употребляться анафорически: чаще всего оно вводит в придаточное предложение компонент, упомянутый в главной части: *расскажи о письме, которое ты получил; я тот, кого вы ждете; мы были там, куда вы идете; на березе, что растет под моим окном, галки свили гнездо.*

Примечание. Относительные местоимения-прилагательные при оформлении присубстантивных придаточных в роде и числе согласуются с тем существительным в главной части, к которому они относятся, а форма падежа определяется их местом в структуре придаточного предложения. См. *Места, по которым они проезжали, не могли назваться живописными* (Тургенев) — предложно-падежная форма *по которым* предопределена синтаксической связью с глаголом *проезжали* (*Где проезжали? — Проезжали по...*), а число определяется согласованием с словоформой *места*.

§ 137. Продуктивные явления в сфере союзной лексики

Союз как особый класс служебных лексем постоянно пополняется новыми образованиями. Так же как предлог, союз морфологически не оформлен, и новые союзы образуются не морфологическим путем. Расширение состава лексики, используемой для синтаксической связи частей простого и сложного предложения, является продуктивным процессом в современном языке. В результате не всегда можно провести четкую границу между союзом и не-союзом, имсющим союзную функцию. В «Русской грамматике-80» введено понятие *аналог союза*. Под него подводятся наречия, модальные слова, частицы, которые, сохраняя частеречную принадлежность, регулярно оказываются на службе у союза. Это такие слова, как *вдобавок, вернее, ведь, впрочем, далее, еще, затем, значит, кстати, лишь, наконец, например, к примеру, скорее, следовательно, только, теперь* и др. Некоторые из таких слов: *зато, однако, притом, причем* — в словарях (см. МАС) называются союзами, хотя они встреча-

ются в сочетании с исконным союзом: *и причем, и притом, но однако, но зато* (т. е. ведут себя как вводные слова и частицы).

Расширение состава союзной лексики во многом объясняется отмечаемой исследователями тенденцией к дифференцированному выражению синтаксических значений, передаваемых союзами широкой семантики (или многозначными). В основном это сочинительные элементарные (первообразные) союзы. Наречия, модальные слова, частицы присоединяются к таким союзам в качестве конкретизаторов передаваемых смыслов, они помогают однозначно определить то отношение, которое выражается союзом. На основе сочетания с конкретизатором может образоваться составной союз, таков, например, союз *а может быть / а может*: *Я вас люблю любовью брата, а может быть, еще сильнее* (Пушкин).

Другая продуктивная тенденция связана с активным вовлечением в сферу сложноподчиненного предложения сочетаний с производными (особенно отыменными) предлогами.

По наблюдению Р. П. Рогожниковой, образование союзных сочетаний происходит двумя способами: 1) посредством распространения вторичного предлога субстантивным местоимением *то* и союзом *что* (*за счет* → *за счет того, что*; *в связи с* → *в связи с тем, что*); 2) посредством вставки местоименного прилагательного *тот* и присоединения союза (*по причине* → *по той причине, что*; *с целью* → *с той целью чтобы*; *на случай* → *на тот случай, если*).

Союзные сочетания, образованные по первой модели, формализуются быстрее, чем вторые. Полному переходу в союз сочетаний второго типа препятствует согласованное местоименное определение, которое создает условия для возможного дополнительного распространения союзного сочетания: *Я начал с «Вестника пароходства», в котором рассказ понравился, но где напечатать его отказались на том, и совершенно резонном основании, что никакого отношения к речному пароходству он не имеет* (Булгаков)¹¹¹.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. С. 552–567.
Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. М., 1968. С. 267–277.
Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении С. 475–501
Санников В. З. Русские сочинительные конструкции. М., 1989. С. 98–225.

¹¹¹ Подробнее об этом см. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. Глава третья. Приведенный пример из этой монографии.

Чеснокова Л. Д. Русский язык. Трудные случаи морфологического разбора. М., 1991. С. 162–171.

Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. Ч. 2. М., 1981. С. 249–252.

ЧАСТИЦЫ

§ 138. Общая характеристика частиц как части речи

Частицы — это особый класс неизменяемых служебных слов.

Примечание. Е. А. Стародумовой принадлежит мысль о том, что частицы — это не особая часть речи, а особая функция слова. Частицей может оказаться и изменяемое слово¹¹², например, слово *один*: *одни неприятности, одна вода*.

Частицы объединяются с предлогами и союзами синтаксической природой значения, они не выражают понятий, им приписываются те смысловые приращения, которые получает высказывание при введении в него частиц. Например, в предложении *По утрам Таня пьет только кофе с молоком* по сравнению с *По утрам Таня пьет кофе с молоком* сообщается о том, что кофе с молоком является единственным напитком, который пьет Таня по утрам. Так как приведенные два предложения различаются по составу лишь словом *только*, можно сказать, что указанный ограничительно-выделительный смысл привносится частицей, является ее значением. Если в предложение *Пошел дождь* ввести частицу *хоть бы* изменится содержание его синтаксической модальности, вместо обозначения реального факта предложение будет называть желаемый факт. В результате *хоть бы* оказывается частицей со значением желательности. Сопоставление номинативного предложения *Каникулы с Вот и каникулы* позволяет выделить в частице *вот и* значение 'указание на наступление ожидаемого или желаемого события', частица *вроде* означает неуверенность говорящего в сообщаемом (ср. *Стучат* и *Вроде стучат*), частица *что за* (ну что за) делает предложение эмоциональным (*Ну что за шейка, что за глазки!*) и т. д.

Итак, частицы имеют значения, которые выявляются на основе синтаксической прикрепленности.

Но в отличие от предлогов и союзов частицы — это такие слова, для которых синтаксический признак однозначно не определен: они примыкают к предложению в целом (*Вот едет могучий Олег со дво-*

¹¹² Е. А. Стародумова. Русские частицы (письменная монологическая речь). Автореферат диссертации на соискание уч. ст. докт. филолог. наук. М., 1997. С. 8.

ра... — Пушкин), к отдельным его компонентам (*Нет, не тебя так пылко я люблю...* — Лермонтов), формируют нерасчлененные эмоциональные высказывания (— *Рада, что сын приехал?* — *Еще бы!*).

Смыслы, передаваемые частицами, могут относиться к вещественному содержанию предложения: *Вот мельница; к его целевой коммуникативной направленности: Неужели зоосад не вернет зверей назад?* (Михалков); к модальности: *Пусть всегда будет солнце!*; к логической структуре высказывания: *И кому же в ум пойдет на желудок петь голодный?* (Крылов), — в последнем примере частица же выделяет логический предикат или рему.

Есть частицы, выполняющие функцию связки: *Ученье — вот чума, ученость — вот причина, что нынче пуще, чем когда, безумных развелось людей, и дел, и мнений* (Грибоедов); другие частицы употребляются как союзы или как компоненты союзов (например, *если... то*).

Одни частицы ставятся перед словом, к которому относятся: *И копейки не дам!*; другие (например, *же, то, ка*), наоборот, после слова: [*Баклушин*] *Милая девица, куда же вы так торопитесь?* (А. Н. Островский); *Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, Французу отдана* (Лермонтов); третьи (*ведь, все-таки*) к определенной позиции не прикреплены: *ср. ведь не даром Москва французу отдана; не даром ведь Москва французу отдана*.

Для частиц пока не найден общий семантический признак, которым можно было бы охарактеризовать их как часть речи в целом, хотя очевидно, что смыслы, выражаемые частицами, обычно входят в модус предложения, т. е. в ту часть заключенной в предложении информации, которая ориентирована на субъекта речи.

В настоящее время в связи с развитием идей семантического синтаксиса и другими лингвистическими направлениями частицы активно изучаются, постепенно складывается практика их пословного описания.

В лингвистической литературе нет единого определения частиц как части речи. Больше всего соответствует характеру этих слов определение в Словаре лингвистических терминов под ред. О. С. Ахмановой: «Разновидность служебных слов, объединяемая как часть речи общей семантико-синтаксической функцией выражения отношения говорящего к высказываемому с особым выделением или уточнением какого-либо момента или стороны в этом высказывании» (М., 1966. С. 512).

§ 139. Соотносительность частиц с другими частями речи

Частицы, как и остальные служебные классы слов, пополняются неморфологическим способом, генетически они соотносительны с разными частями речи. Много частиц наречного происхождения: *именно, про-*

сто, точно, действительно, подлинно, определенно, вон, где, куда, как, так, разве, уж. Некоторые частицы восходят к глагольным формам: дай (дай посмотреть), давай (давай дружить), возьми, обычно в сочетании с частицей и (возьми и скажи), пускай: Пускай же говорят собаки: «Ай Моська! Знать, она сильна, Что лает на Слона!» (Крылов); связаны с глаголом частицы ведь < ведаť, мол < молвить. Такие частицы, как это, то, оно, все, образовались из словоформ местоименных прилагательных.

Знаменательное слово может употребляться как частица. Например, в предложениях *В кладовых у него одни мыши* (А. Н. Толстой); *Раз он в море закинул невод, пришел невод с одною тиною* (Пушкин) слово один является ограничительной частицей. В предложении *Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет вперед и лаю твоего совсем не примечает* (Крылов) как эмоционально-модальная частица употреблена словоформа местоимения себя.

Частицы могут быть союзного (*Съездить бы домой хоть на денек!*), предложного (*Женщина вроде знакомая*) и междометного (*Ну иди же!*) происхождения.

§ 140. Разряды частиц по значению

При описании частицы принято делить на группы по значению. Это деление оказывается условным прежде всего потому, что большинство частиц многозначно и в зависимости от употребления может включаться в разные разряды. Например, частица *не* выражает отрицание. Если *не* стоит перед сказуемым, предложение является общеотрицательным. Если *не* стоит перед каким-нибудь другим членом, предложение оказывается частноотрицательным: *отец не пришел / пришел не отец*. В то же время, соединяясь с формой будущего времени глаголов СВ с приставкой *на-*, частица *не* может указывать на действие длящееся, беспредельное: *Напекла блинов Оринюшка, не насмотрится на Ванюшку* (Некрасов). В предложениях типа *Умна, хороша собой, добра. Чем тебе не невеста? не передаст положительную оценку*. В вопросительных предложениях со словом *ли* частица *не* втянута в выражение предположения (*Не на четверг ли назначена операция?*). Вместе с частицей *еще бы* не обозначает категорическое утверждение (— *Довольна? — Еще бы не довольна*). Частица в одном и том же предложении одновременно может выражать несколько значений. Например, в следующем тексте частица *только*, оставаясь ограничительно-выделительной, передает еще оценку (немного): *Я мужем ей не был, Я другом ей не был — Я только ходил по следам. Сегодня отдал я ей синее небо, А завтра всю землю отдам* (Светлов).

Выделяются так называемые смысловые (логические, акцентирующие), модальные и эмоционально-экспрессивные частицы.

Примечания. 1) В некоторых работах частицы разбиваются на две группы, модальные и немодальные частицы. См., например, Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант. Краткий справочник по русскому языку под ред. П. А. Леканта. Второе издание. М., 1995.

2) Существует традиция выделять разряд формо- и словообразующих частиц (частицы-аффиксы): *те (читайте), бы (читал бы), ся (дом строится), кое-, -нибудь, -либо, -то (кое-кто, кто-нибудь, кто-либо, кто-то и т. п.)* и нек. др. С точки зрения синхронных отношений это выделение некорректно. Частицы при всей их пестроте и разнообразии являются отдельными лексемами, а не компонентами словоформ, поэтому единицы, получившие в языке статус агглютинативной морфемы (В. В. Виноградов) не должны относиться к данной части речи¹¹³.

3) *Не, ни, то* употребляются и как частицы, и как аффиксы.

В смысловые частицы входят: 1) указательные (*вон, вот, вот и, это*), 2) определительно-уточняющие (*именно, точно, ровно, как раз, просто* и др.), 3) выделятельно-ограничительные (*единственно, исключительно, только, лишь, же*).

Примечание. В. В. Виноградов к немодальным относил только указательные и уточнительные частицы, справедливо полагая, что основная масса частиц в современном русском языке имеет отношение к модальности¹¹⁴.

Модальные частицы связаны с модальностью в самом широком ее понимании. Модальность включает в себя 1) выражение отношения высказывания к действительности в плане реальности / ирреальности (объективная модальность), 2) отношение говорящего к содержанию высказывания (субъективная модальность), включая такие смыслы, как желательность, возможность, долженствование, 3) коммуникативную направленность высказывания (вопросительность, побудительность), 4) утверждение и отрицание (логическую модальность). В соответствии с этим выделяются: утвердительные частицы (*да, действительно, совершенно верно, конечно, так точно*), отрицательные частицы (*не, ни, нет, отнюдь не*) вопросительные частицы (*ли, разве, неужели, а, что за*), побудительные частицы (*пусть, пускай, ка, ну, ну-ка, дай, давай, давайте*), частицы со значением желательности (*бы, хоть бы*), долженствования

¹¹³ Частицы-аффиксы не выделяются в качестве отдельного разряда частиц в учебном пособии Н. М. Шанского и А. Н. Тихонова (Современный русский язык. Часть 2. М., 1981), в учебнике Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканта. М., 1982 (раздел написан Е. В. Клобуковым). См. также упомянутый Краткий справочник по русскому языку.

¹¹⁴ В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. 1975. С. 78.

(чтоб), недостоверности, сомнения, неуверенности, неодобрения (вряд ли, вроде, едва ли, авось, будто бы): <Гурмыжская> ...Я предпочитаю воспитание суровое, простое, что называется на медные деньги; не по скудости, нет, а по принципу (А. Н. Островский); <Гурмыжская> Подвиньтесь поближе, вы нас не слышите. <Бодаев> Да, не слышу (А. Н. Островский); — Значит, завтра на зайцев не пойдем, а? Как ты думаешь, Ярмол? (Куприн); <Вы ведь не бранились еще с молодым Берестовым>, а старики пускай себе дерутся, коли им это весело (Пушкин); Чтоб ты подавился, негодный бурлак! Чтоб твоего отца горшком в голову стукнуло (Гоголь).

Частица *было* означает неосуществленное, прервавшееся действие: *Гость собрался было уходить, но передумал; Дети было расшалились, но их остановили; Ребенок было заплакал, но вскоре успокоился; «Еще покойница делала, — продолжал Плюшкин. — Мошенница-ключница совсем было его забросила и даже не закупила, каналья! Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь сор-то повинул и теперь вот чистенький, я вам налью рюмочку»* (Гоголь).

К модальным относят частицы, вводящие чужую речь (мол, де, дескать): ... *Отлучиться разрешите, дескать, случай дорогой...* (Твардовский); *Я Снегиным так и бряк! Приехал ко мне, мол, веселый Один молодой чудак* (Есенин), а также частицу *якобы*, которая, по словам В. В. Виноградова, выражает «недоверие к чужой речи, к чужим квалификациям» (*Она якобы поступила в медицинский*).

Эмоционально-экспрессивные частицы обычно употребляются в восклицательных предложениях. К ним относятся такие частицы, как *то-то, ну и, что за, еще бы, ну как, где* (*Где ему!*), *куда* (*Куда ему жаться!*), *тоже, ведь, все-таки, даже, вот и, вот тебе и*. Эмоционально-экспрессивная частица может быть одновременно и усилительно-выделительной или модальной: *Где ваша могила — хотя бы холм, Всеволод Эмильевич Мейерхольд?* (Вознесенский); *Мой муж, быть может, честный, хороший человек, но ведь он лакей!* (Чехов); *Голубушка, как хороша!* (Крылов); <Апломбов> *Не нравится правду слушать? Ага! То-то! А вы поступайте благородно* (Чехов); <Да, ну разве приказчик!> — *сказал зять, но и тут усумнился и покачал головою* (Гоголь); *Вот тебе и дама с собачкой... Вот тебе и приключение... Вот и сиди тут* (Чехов).

§ 141. Типы частиц по структуре

По структуре частицы делятся на простые и составные. Простые частицы состоят из одного слова, при этом они могут быть первообразными, т. е. несоотносительными с другими частями речи, и производными, образованными не морфологическим путем из наречий, глагольных форм, союзов, предлогов и междометий: *бы, бишь, де, дескать, же, мол,*

ка, не, ни, таки, уж, чай, а, буквально, было, будто, ведь, вовсе, вон, вот, вроде, даже, давай, дай, и, именно, как, единственно, положительно, просто, пусть, пускай, так, только, точно, хоть, это.

Составные частицы состоят из нескольких, чаще всего двух слов: *а то не* (Решишься сказать? — *А то не решусь*), *вряд ли* (Вряд ли когда-нибудь еще увидимся), *все же* (Все же она уехала), *далеко не* (далеко не простая ситуация), *еще бы не* (Еще бы не простила), *и так* (Я и так устал), *и то* (Консультант принимает по четвергам, и то не каждую неделю), *как раз* (Купил как раз то, что нужно), куда как (Куда как весело!), *хоть бы* (Хоть бы не опоздать!) и др.

При употреблении частицы могут образовывать цепочки, так что не всегда просто отличить составную частицу от сочетания частиц.

§ 142. Синкретизм как специфическое свойство частиц

В. В. Виноградов, рассуждая на тему о грамматической омонимии¹¹⁵, писал о том, что в рамках одного и того же слова не допускается совмещение знаменательной и служебной части речи (существительного и союза, существительного и предлога, прилагательного и модального слова, деепричастия и предлога, наречия и частицы). Так как пополнение служебных слов за счет форм самостоятельных частей речи является живым процессом, в современном русском языке имеется немало так называемых функциональных омонимов, т. е. единиц, совпадающих в качестве фонетического слова и относящихся к разным частям речи. Такие омонимы есть в модальных словах: *верно* — прилагательное (Решение *верно*), *верно* — модальное слово (Она, *верно*, не знает, как поступить), в предлогах (путем — Т. п. существительного *путь*, путем — предлог, *в течение* — *в* + В. п., *в течение* — предлог, *по причине* — *по* + Д. п., *по причине* — предлог), в союзах (*когда* — наречие, *когда* — союз, *что* — местоименное существительное, *что* — изъяснительный союз, *как* — наречие, *как* — союз) и в частицах: *просто* — наречие (Она *держится со всеми просто*), *просто* — частица (Это *просто* были деревенские ребята), *вон* — наречие (*вывести вон*), *вон* — частица (*вон Большая Медведица*), *куда* — наречие (*Куда идешь?*), *куда* — частица (*Говорят, он стихи пишет. — Куда ему!*).

Но кроме этого, частицы обнаруживают совмещение в одной лексеме функциональных значений разных служебных частей речи. Такое совмещение отмечено в отдельных предлогах и союзах, но та регулярность диффузной функции, которая обнаруживается у частиц, в целом несвойственна союзам и тем более предлогам.

¹¹⁵ В. В. Виноградов. О грамматической омонимии в современном русском языке // Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 32.

Когда служебное слово используется как предлог (*люди вроде тебя*) и как частица (*вроде готов*), как союз (*маленький, а догадливый*), междометие (*А!* — выражение удивления) и частица (*Ты меня слышишь, а?*), как частица, указывающая на отдаленный предмет (*Вон озеро*) и как междометие (*Вон отсюда!*) и т. п., можно говорить о синкретизме его значения.

Частицам, кроме собственной, свойственна прежде всего союзная функция. Многие частицы в словарях даются с пометами частица и союз. Таковы, например, частицы *а, будто, ведь, вот и, все, все-таки, да-же, же, и, и то, как будто, лишь, ну и, пусть, пускай, словно, так и, только, точно, хотя, хоть, чтоб*. Примеры: *В прежние времена, когда был жив отец, к нам на именины приходило всякий раз по тридцать-сорок офицеров, было шумно, а сегодня только (частица) полтора человека и тихо, как в пустыне...* (Чехов); *В квартире все спали, только (союз с ограничительно-сопоставительным значением) в комнате Елизаветы Алексеевны горел свет* (Вересаев); *Я за неё отдам жизнь, только (союз с противительным значением) мне с нею скучно* (Лермонтов); *Да вы рас-судите только хорошенько: ведь (эмоционально-усилительная частица) вы разоряетесь. Платите за него подать, как за живого...* (Гоголь); *Сочтемся славою: ведь (союз со значением обоснования) мы свои же лю-ди...* (Маяковский); *Что, ежели, сестрица, при красоте такой и петь ты мастерица, ведь (второй компонент двухместного союза) ты б у нас бы-ла царь-птица* (Крылов); *Всю дорогу Дуня плакала, хотя (уступительный союз), казалось, ехала по своей охоте* (Пушкин); *Я глядел на него жадно, стараясь уловить хотя (усилительная частица) одну тень беспокойства* (Пушкин).

Кроме союзов, частицы функционально близки модальным словам. В. В. Виноградов неоднократно обращал внимание на «зыбкость и подвижность» границ между этими частями речи. «<...> Так как модаль-ные оттенки, — писал он, — свойственны едва ли не преобладающему большинству частиц, то взаимодействие частиц и модальных слов в со-временном языке, несомненно, протекает очень активно»¹¹⁶. Указанная близость может проявляться, с одной стороны, в общности выражаемо-го значения. Например, такие частицы, как *едва ли, вряд ли, вроде*, по-средством которых передается предположение, неуверенность говоря-щего в чем-либо, не противопоставлены модальным словам, выражаю-щим недоверительность (*может быть, возможно, верно, наверно и др.*). С другой стороны, одна и та же лексема может употребляться и как час-тица, и в позиции вводного слова. Так, слово *ведь* в некоторых контек-стах воспринимается как свернутое предложение, т. е. как модальное

¹¹⁶ В. В. Виноградов. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. 1938. С. 555.

слово: *Не говорите этого, я, ведь* (= признаюсь), *вас в тот вечер видела*. Частица *вон* в значении вводного слова «употребляется для выделения лица, предмета в ряду подобных; соответствует по значению словам: например, к примеру. — Наши из молодых, да ранние. Мой вон техникой увлекается»¹¹⁷.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. С. 520–530.

Грамматика русского языка. Т. 1. М., 1952. С. 639–651.

Чеснокова Л. Д. Русский язык. Трудные случаи морфологического разбора. С. 172–179.

Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. Ч. 2. М., 1981. С. 253–256.

МЕЖДОМЕТИЯ

§ 143. Междометие как часть речи

Междометиями называют прежде всего слова, которые являются знаками эмоций и волеизъявлений: *ах, ох, тьфу, батюшки, боже мой, айда* и т. п. На основе таких слов дается общая характеристика части речи.

Междометия — это неизменяемые слова, у которых нет достаточно выразительных признаков их грамматической оформленности. В. В. Виноградов назвал их словами грамматически «ущербными». По словам Л. В. Щербы, формальный признак междометий сводится «к полной синтаксической обособленности», отсутствию каких бы то ни было связей с предшествующими и последующими элементами в потоке речи¹¹⁸.

Междометия могут формировать особые нечленимые эмоциональные высказывания: *«Эх, эх!» — ей Моська отвечает* (Крылов); *«Господи!» — удивилась старуха* (Чехов). Чаще всего междометие примыкает к предложению, но может и вставляться в него или находиться в конце: *У нас одна душа, одни и те же муки, — О, если б одинаков был удел!..* (Лермонтов); *Я замер: коснулось души умиление... Чу! шепот опять!* (Н. Некрасов); *Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!* (Цветаева); *А ныне, ах! ее зовут уж на бостон!* (Крылов); *<Тузенбах> Тоска по труду, о боже мой, как она мне понятна!* (Чехов); *<Вершинин>*

¹¹⁷ БАС, т. 2. 1991.

¹¹⁸ Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 67.

...Очень рад, что наконец я у вас. Какие вы стали! Ай! ай! (Чехов); Куда я бежен, боже мой! Нуждаюсь во всем (Крылов).

А. Н. Тихонов обратил внимание на то, что в высказываниях, где междометие примыкает к части, мотивирующей или объясняющей эмоцию, таких, как *Ба, птичник явился, пропащий* (Горький); *Ох! гадко теперь вспомнить* (Л. Толстой); *У! как свежо и хорошо* (Гоголь); *А, вот оно что!*, междометие позиционно закреплено, его нельзя передвинуть с одного синтаксического места на другое ¹¹⁹.

Междометия могут употребляться в позиции сказуемого: *Жених у нее ой-ой-ой! Татьяна ах, а он ревет* (Пушкин). Некоторые междометия могут подчинять себе другие слова: *тьфу на тебя, долой войну, марш домой, айда в кино*.

Перечисленные синтаксические свойства свидетельствуют о том, что междометия вводятся в предложения не как угодно, а по правилам, но дело в том, что эти правила, строго говоря, не являются категоризацией оформленностью междометий, так как по синтаксическому месту определить междометие нельзя. Специфика междометий создается не синтаксически.

Междометия выделяются в особый разряд прежде всего на основе их значения: междометия не имеют понятийной семантики. Они не называют эмоции и волеизъявления, а только выражают их, будучи как бы сигналами эмоциональной реакции субъекта речи на происходящее, на речевую ситуацию. За каждым междометием в языке закреплено выражение определенного эмоционального содержания, как писал В. В. Виноградов, «осознанное коллективом смысловое содержание». Например, слово *тьфу* выражает отрицательную эмоцию, презрительное отношение говорящего (*Тьфу! Какая мерзость!*), *ого* — удивление (*Ого! Какой огурец!*), *тсс* — призыв к тишине (*Тсс..., Машенька заснула*) и т. д.

Для междометий типично употребление в таком контексте (лексическом окружении), который передает эмоциональную речевую ситуацию или отражает эмоционально насыщенный диалог.

Междометия бывают однозначными и многозначными. Так, междометие *ай* выражает испуг, боль, порицание, удивление, одобрение, насмешку; междометие *ах* — удивление, восхищение, испуг и другие чувства ¹²⁰, междометие *ой* передает испуг, удивление, боль. Многозначными являются также междометия *ох! ух! э! эй! эх! ура!* и др. А междометие *цыц* употребляется только для выражения запрета, *о* обычно используется для передачи степени эмоционального состояния: *О, долго буду я, в молчанье ночи тайной, Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,*

¹¹⁹ Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. Современный русский язык. Ч. 2. С. 259.

¹²⁰ См. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М. 1993.

Перстам послушную волос густую прядь Из мыслей изгонять и снова призывать (Фет); Стать тем, что никому не мило, — О, стать как лед! — Не зная ни того, что было, Ни что придет (Цветаева); тьфу! передает презрение, айда! — побуждение, долой! — призыв.

Спецификой междометного значения является его зависимость от интонации, с которой произносится междометие, интонация как бы включается в междометный смысл. Значение междометия зависит и от лексического окружения. Так, при оценочном предложении *Какой негодяй её жених!* междометие *ах!* не выражает положительной эмоции: *Ах, какой негодяй её жених!* А при предложении *Какая хорошенькая девочка!* не может иметь отрицательного смысла: *Ах, какая хорошенькая девочка!*

При выражении экспрессивно-эмоциональных смыслов междометия могут примыкать к частицам, образуя с ними единое целое: *Ну что за перышки! Какой носок!..* (Крылов).

Междометия обладают свойством субстантивироваться: *На лице провизора изобразилось тьфу* (Чехов), *Далече грянуло ура, Полки увидели Петра* (Пушкин).

§ 144. Границы междометия как части речи

Состав междометий как части речи в лингвистической литературе определяется неодинаково. Есть узкое понимание этого класса слов, при котором к междометиям относят лексемы только с эмоциональным и побудительным значением: *ах, тьфу, долой* и т. п. При широком понимании под междометия подводятся четыре разряда слов.

1) Собственно междометия, т. е. слова, как уже отмечено, выражающие эмоциональные и эмоционально-волевые реакции говорящего, его чувства и ощущения. Такие слова признаются ядром части речи и на их основе междометия получают частеречную характеристику.

2) Так называемые глагольные междометия (глагольно-междометные формы), слова типа *скок, прыг, бац, бах, шварк, бултых* и т. п.: *<И к царевне наливное, Молодое, золотое Прямо яблочко летит... Пес как прыгнет, завизжит...> Но царевна в обе руки Хватъ — поймала* (Пушкин); *<...> Вдруг Казбич, будто кошка, нырнул из-за куста, прыг сзади его на лошадь* (Лермонтов); *Мой гренадер приложился... бац!.. мимо* (Лермонтов).

По лексическому значению *скок, прыг, бац* и т. п. соотносительны с глаголами, поэтому многие считают их особыми глагольными образованиями и относят к глаголу как части речи. Например, Л. В. Щерба, характеризуя *трах*, писал о том, что «это не что иное, как особая, очень

эмоциональная форма глагола», образованная «отрицательной (нулевой) суффиксальной морфемой»¹²¹.

Однако такие слова отличаются от соответствующих глаголов своим изобразительным смыслом, они действия не называют, а изображают. Подобно собственно междометиям, они делают высказывание эмоционально-экспрессивно окрашенным.

3) Третья группа слов, обычно относимых к междометиям, состоит из этикетных лексем и сочетаний: *спасибо, здравствуй (те), прощай (те), до свидания, привет, честное слово, доброй ночи, пока, чао, мерси* и др.

Этикетная лексика по функции образует особую группу слов в языке. Отнесенность подобных слов к междометиям так же, как и слов второй группы, условна. С междометиями этикетные слова сближаются тем, что не выражают понятий, но в отличие от междометий за этикетным словом можно видеть свернутое модусное предложение. Ю. Д. Апресян характеризует *честное слово* как эквивалент перформативного предложения *Даю тебе честное слово*, а *спасибо* как эквивалент перформативного предложения *Благодарю*¹²². Этикетные слова формируют нерасчлененные высказывания, некоторые из них могут иметь при себе зависимые словоформы (*Большое спасибо за приглашение*). При этикетном слове открыта позиция обращения. Этикетные слова употребляются в диалогической речи.

Примечание. В. Ф. Киприянов предложил выделять «коммуникативы», особый лексико-грамматический разряд неизменяемых слов, образующих однословные нечленимые предложения. В этот разряд он включил многие лексемы, традиционно относимые к междометиям, но полностью не совпадающие со словами, выражающими собственно эмоции: *бис, стоп, цыц, брысь, цып-цып-цып, алло, полундра, ура, браво, спасибо* и др.¹²³. Выделение еще одной части речи на периферии частеречной системы вряд ли возможно осуществить, так как группировка слов здесь осуществляется по лексическому значению, т. е. не опирается на признаки, называемые грамматическими. В. В. Бабайцева справедливо заметила: «Включение коммуникативов, выделяемых прежде всего на функциональной основе, в структурно-семантическую классификацию слов противоречит классическим

¹²¹ Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 78.

¹²² Ю. Д. Апресян. Перформативы в грамматике и в словаре // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1996. С. 203.

¹²³ В. Ф. Киприянов. Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке. М., 1983.

4) Четвертая группа — это звукоподражания, о которых обычно говорят, что они к междометиям примыкают (см. (§) 147).

Междометную функцию могут иметь некоторые существительные, глагольные формы и устойчивые сочетания: *беда, горе, дудки, страх, ужас, вот так штука, вот так номер* и др.: *Меня с сестрой никому не поссорить — Дудки!* (МАС), *Дед у нас страх (= ой) какой смелый* (МАС), *<Последние три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный куш мужиков.> «Скажите! и много выморила?» — воскликнул Чичиков с участием (Гоголь).*

§ 145. Разряды междометий по значению

При расширительном понимании междометий как части речи по значению они делятся на пять групп: 1) эмоциональные междометия: *а!, ай!, ах!, ба!, боже мой!, бис!, браво!, батюшки!, господи!, да!, ну!, о!, ой, ох!, ого!, тьфу!, у!, увь!, ура!, уф!, ух!, ха!, хо!* и др. Междометия этого разряда выражают всё многообразие положительных и отрицательных эмоций говорящего субъекта: восторг, радость, восхищение, ликование, облегчение, удивление, презрение, пренебрежение, насмешку, сожаление, досаду, испуг, огорчение и т. п. 2) Побудительные (или императивные) междометия: *айда!, алло!, апорт!, ау!, брысь!, вон!, долой!, эй!, караул!, кыш!, кис-кис!, марш!, но-о!, пли!, стоп!, тубо!, тпру!, цыц!, цып-цып!, чу!* и др. Эти междометия функционально соотносительны с повелительным наклонением глагола. Они выражают побуждение, призыв к действию, являются сигналами того, что желательна реакция адресата на слова говорящего. Побудительные междометия могут иметь при себе обращение, а некоторые из них сами замещают вокативную позицию: *Подошел к окну, постучал он пальцем в стекло и закричал: «Эй, Прошка!»* (Гоголь); *Эй, встань, и загорись, и жги! Эй, подними свой верный молот, Чтоб молнией живой расколот Был мрак, где не видать ни зги!* (Блок). 3) Группу образуют изобразительные слова (глагольно-междометные формы). 4) К четвертой относится этикетная лексика. 5) В пятую группу входят звукоподражания.

¹²⁴ В. В. Бабайцева. Место переходных явлений в системе языка (на материале частей речи) // Переходность и синкретизм в языке и речи. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1991. С. 9.

По своему строению междометия делятся на первообразные (первичные) и производные, среди которых выделяются простые, т. е. состоящие из одного слова, и составные, т. е. состоящие из двух и более слов.

Первообразные — это междометия, не соотносительные в современном языке ни с одной частью речи. Это слова, состоящие, как правило, из одного-трех звуков: *а, ага, ай, ау, ах, ба, брр, брысь, ей-ей, гей, и, их, на (на карандаш), но-о, ну, о, ого, ой, ох, тпру, тю, тьфу, у, увы, улю-лю-лю, уф, ух, фи, фrrr, фу, ха, хи, хо, цыц, э, эй, эх, эхм*. К первообразным относятся также междометия типа *ой-ой-ой, ай-ай-ай*, т. е. образованные повтором первичного междометия (ср. с первообразными предлогами типа *из-за*).

Примечание. Н. А. Тихонов обращает внимание на то, что одиночные и удвоенные (утроенные) первичные междометия выражают неодинаковые эмоции: «Междометие *ай!* выражает: 1) боль, испуг, страх и т. п.; 2) упрек, порицание, сожаление и т. п. Междометие *ай-ай-ай* имеет другое значение: выражает неодобрение, упрек. «*Ай, ай, ай! стыдись*», — сказал *Петр Иванович* (Гончаров)¹²⁵. В связи с этим междометия типа *ай-ай-ай* он относит к производным. Этот довод не представляется достаточно убедительным, во-первых, потому, что многозначность характеризует первичные междометия в целом, во-вторых, потому, что аналогичные единицы в предлогах и союзах относятся к разряду непроизводных и в случае несовпадения значения (ср. предлоги 1) *из, за* и 2) *из-за*).

Производные междометия генетически соотносительны с частями речи, существительными: *батюшки, матушки, господи, боже, черт*; глаголами: *здравствуйте, пожалуйста, извините, пли (из пали), скажите, помилуйте*; наречиями: *вон, прочь, долой, полно, тс, тиш, ш-ш, цс* (последние четыре междометия образованы из *тише*). К производным относят сочетания первичного междометия с частицей: *ей-же-ей, ой-ли, да уж, ну уж, ну да, ну же*.

К производным междометиям относят и заимствованные слова типа *айда, алло, апорт, ату, иси, марш, ура, тубо* и др.

К составным междометиям относятся такие сочетания, как *боже мой, боже праведный, господи боже мой, боже упаси, упаси бог, господи помилуй, слава богу, черт побори, черт-те что, что за черт, черта с два, черт возьми, с ума сойти, поди ж ты, вот тебе на, вот тебе раз, вот то-то и оно, как бы не так, чтоб тебя*.

¹²⁵ Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. Современный русский язык. Ч. 2. С. 61.

К междометиям примыкает особая группа так называемых звукоподражательных слов. Это неизменяемые слова, которые своим звуковым составом условно имитируют (условно воспроизводят) издаваемые человеком, животными, предметами звуки: *мяу-мяу* (кошка), *гав-гав* (собака), *кря-кря* (утка), *га-га-га* (гусь), *кукареку* (петух), *хрю-хрю* (поросенок), *чик-чирик* (воробей), *тик-так* (часы), *кап-кап* (о воде), *пиф-паф* (передается выстрел), *апчхи* (соответствует чиханию) и т. п.

В «Русской грамматике-80» звукоподражательные слова рассматриваются вместе с междометиями. Не отделял их от междометий и В. В. Виноградов. Они действительно похожи на глагольно-междометные формы: а) не имеют понятийной семантики: действие не называют, а изображают, причем изобразительная функция у звукоподражательных слов отражена уже в их названии; б) в предложении они также могут быть сказуемым (*А кукушка ку-ку да ку-ку с утра до вечера*); в) могут предшествовать предложению, формируя особое (изобразительное) высказывание. Ср. 1 (глагольное междометие) *Скок-скок-скок! Молодой дрозд по водичку пошел, молодичку нашел*. 2 (звукоподражательное слово) *Хи-хи-хи да ха-ха-ха! Не боится, знать, греха* (Пушкин); *Стрелка переползает десятую минуту и — тонк-танк — идет к четверти одиннадцатого* (Булгаков). Есть такие лексемы, которые одновременно могут быть поняты и как глагольное междометие, и как звукоподражательное слово. Таковы, например, *бац, плюх, трах, хлоп, щелк, трррь*: *Бац, бац! раздались выстрелы* (Чехов), *Вдруг что-то: трррь!* (Чехов, пример из «Грамматики-80»), *Ахилла меня за сюртук. Я повернулся... трах! пола к черту <...>* (Лесков, пример В. В. Виноградова).

Однако полностью глагольно-междометные формы и звукоподражательные слова не совпадают. Прежде всего в отличие от глагольных междометий многие из них лишены экспрессивно-эмоциональной окраски. Звукоподражания могут сопровождать (и это не свойственно глагольным междометиям) образованный от них глагол, как бы воспроизводя названное глаголом действие: *уточки закрывали кря-кря-кря, кошки замыкали мяу-мяу-мяу, собаки залаяли гав-гав-гав*. Звукоподражательные слова, как и собственно междометия (но не междометно-глагольные слова), являются производящей базой для глаголов: *чирик* → *чирикать*, *тик* → *тикать*, *мяу* → *мяука́ть*, *хрю* → *хрюка́ть*, *гав* → *гавка́ть* и др. (ср. *ой* → *ойка́ть*, *ах* → *аха́ть*, *тьфу* → *тьфука́ть*). Подобно собственно междометиям, звукоподражательные слова могут субстантивироваться и быть в предложении подлежащим или дополнением: *Из соседней комнаты доносится монотонное бу-бу-бу; Но бестолковая кукушка, Самолюбивая болтушка, одно куку свое твердит* (Пушкин). Для глагольных междометий субстантивация в целом нехарактерна.

А. Н. Тихонов отметил способность некоторых звукоподражаний в детской речи выступать в номинативной функции и «употребляться как наименования тех животных и предметов, звуки которых они воспроизводят: Чик-чирик улетел. Хрю-хрю бух в лужу. Иди покорми му-у. Тик-так не трогай»¹²⁶.

Итак, звукоподражания являются словами, в которых есть и междометные и индивидуальные свойства. Это позволяет и объединять их с междометиями, и выделять в особый лексический разряд на периферии частей речи.

Звукоподражательные слова делятся на группы в зависимости от того, что они воспроизводят: 1) звуки людей, 2) звуки животных и птиц, 3) звуки явлений природы, 4) звуки, издаваемые предметами, 5) звуки, образуемые действиями человека¹²⁷.

По структуре звукоподражательные слова бывают одиночными и повторяющимися: *Вот барыня в каракуле <...> Поскользнулась и бац! — растянулась* (Блок); *Бац-бац! В лесу стреляют; Кто-то едет в чистом поле. Колокольчик дин-дин-дин* (Пушкин).

Отметим еще раз, что к междометиям звукоподражательные слова относятся на основе типологического сходства: они 1) не выражают понятий, 2) не имеют определенной грамматической оформленности, 3) в системе частей речи находятся на периферии.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. С. 584–596.
- Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. Ч. 2. М., 1981. С. 257–264.
- Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 67–68.
- Чеснокова Л. Д. Русский язык. Трудные случаи морфологического разбора. М., 1991. С. 180–189.
- Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П. А. Леканта. М., 1995. С. 208–209, 216.
- Современный русский язык. Ч. 2 / Под ред. Е. И. Дибровой. М., 1995. С. 158–167.

¹²⁶ Там же. С. 263.

¹²⁷ Эти разряды выделены Е. М. Галкиной-Федорук. См.: Современный русский язык. 2. М., 1964. С. 244.

СОДЕРЖАНИЕ

§ 1. Морфология как раздел грамматики	3
§ 2. Связь морфологии с лексикой, словообразованием и синтаксисом	5
§ 3. Основные понятия морфологии	6
§ 4. Понятие (морфологической) формы слова	6
Синтетические и аналитические формы слов	8
§ 5. Синтетические формы	8
§ 6. Аналитические формы	8
§ 7. Понятие о морфологической парадигме	9
§ 8. Понятие о грамматическом (морфологическом) значении	10
§ 9. Понятие о грамматической категории	14
§ 10. Типы грамматических категорий	16
§ 11. Понятие о частях речи. Общая характеристика	17
§ 12. Система частей речи современного русского языка	20
§ 13. Состав самостоятельных частей речи	22
§ 14. Состав служебных частей речи	25
§ 15. Схема системы частей речи	27
§ 16. Оппозиции внутри самостоятельных частей речи	27
§ 17. Синкретические явления в системе частей речи	29
Имя существительное	
§ 18. Частеречные признаки существительных	34
§ 19. Лексико-грамматические разряды существительных	38
Грамматические категории имен существительных	42
Категория рода	
§ 20. Средства выражения категории рода. Определение родовой принадлежности слова	42
§ 21. Согласовательные классы	45
§ 22. Классы существительных, выделяемые по признаку родовой принадлежности слова	46
§ 23. Семантическое и асемантическое противопоставление родов существительных	48
§ 24. Языковой статус категории рода существительных с точки зрения словоизменения	50
§ 25. Продуктивная тенденция в развитии категории рода	51
Категория числа	
§ 26. Средства выражения категории числа	52
§ 27. Разряды существительных, выделяемые по признаку морфологического числа	53
§ 28. Статус категории числа в системе субстантивного формообразования	54
§ 29. Грамматическое значение категории числа	56
§ 30. Основные контекстные (синтаксические) значения форм единственного и множественного числа	57
§ 31. Продуктивные тенденции в развитии категории числа	59
Категория падежа	
§ 32. Понятие о морфологическом падеже. Методика выделения одного падежа и определение общей системы падежей	59

§ 33. Понятие о значении падежа	62
§ 34. Типы падежных значений	63
§ 35. Основные значения падежей	64
§ 36. Склонение имен существительных	67
Основные парадигмы склонения	72
§ 37. Нестандартные и вариантыные окончания	76
§ 38. Явления, сопутствующие субстантивному словоизменению	78
§ 39. Несклоняемые существительные	79
Имя прилагательное	
§ 40. Семантические, морфологические и синтаксические признаки прилагательных	81
§ 41. Лексико-грамматические разряды прилагательных	83
§ 42. Морфологические категории прилагательных	86
§ 43. Одушевленность / неодушевленность в прилагательных	88
§ 44. Краткие формы качественных прилагательных	88
§ 45. Специфика морфологической категории полноты – краткости	91
§ 46. Функциональное соотношение между полной и краткой формами в позиции сказуемого	92
§ 47. Степени сравнения	94
§ 48. Сравнительная степень (компаратив)	95
§ 49. Превосходная степень (суперлатив)	97
§ 50. Склонение прилагательных	99
§ 51. Несклоняемые прилагательные	103
Имя числительное	
§ 52. Семантические, морфологические и синтаксические особенности числительных	105
§ 53. Лексико-грамматические разряды числительных	107
§ 54. Количественные числительные	108
§ 55. Простые, сложные, составные определенно- количественные числительные	109
§ 56. Собирательные числительные	109
§ 57. Морфологические категории числительных	110
§ 58. Предложное употребление количественно-субстантивных словосочетаний	112
§ 59. Категория рода	112
§ 60. Одушевленность / неодушевленность числительных	113
§ 61. Категория числа	113
Склонение числительных	114
Наречие	
§ 62. Семантические, морфологические и синтаксические признаки наречий как части речи	117
§ 63. Границы наречия как части речи	118
§ 64. Лексико-грамматические разряды наречий	120
§ 65. Степени сравнения качественных наречий	120
§ 66. Наречия способа и степени действия	121
§ 67. обстоятельственные наречия	122
§ 68. Предикативные наречия (категория состояния)	122
Местоимения	
§ 69. Местоимение как часть речи	124
§ 70. Местоимения как лексико-семантический класс	125
§ 71. Семантические разряды местоимений	128

§ 72. Грамматические разряды местоимений	130
Морфологические категории местоимений	130
Морфологические категории местоименных существительных	
§ 73. Категория рода	131
§ 74. Одушевленность / неодушевленность	
местоимений-существительных	132
§ 75. Категория числа	133
§ 76. Категория падежа	134
Склонение местоимений	135
§ 77. Особенности местоименных парадигм в сопоставлении	
с собственно субстантивными парадигмами	136
Склонение местоимений-прилагательных	137
Глагол	
§ 78. Категориальное значение, морфологические и синтаксические	
признаки глагола как части речи	140
§ 79. Границы глагола как части речи	142
§ 80. Инфинитив как форма глагола	142
§ 81. Связь с глаголом причастий и деепричастий	143
§ 82. Отличие лексем типа прыг, скок от глагольных словоформ	145
§ 83. Лексико-грамматические разряды глаголов	145
§ 84. Переходные / непереходные глаголы	145
§ 85. Возвратные / невозвратные глаголы	146
§ 86. Предельные / непредельные глаголы	147
Грамматические категории глагола	
§ 87. Категория вида	148
§ 88. Средства выражения видового значения	148
§ 89. Особенности выражения вида в глаголах движения	151
§ 90. Морфонологические чередования при выражении вида	152
§ 91. Значение вида	152
§ 92. Определение вида как грамматической категории	154
§ 93. Основные частные значения глаголов СВ и НСВ	155
§ 94. Понятие о конкуренции видов	157
§ 95. Связь вида с другими грамматическими категориями	157
§ 96. Понятие о видовой паре	158
§ 97. Типы видовых пар по формальному признаку	158
§ 98. Типы видовых пар по семантическому признаку	160
§ 99. Понятие о способе глагольного действия	160
§ 100. Разряды глаголов с точки зрения вхождения в видовые пары	161
§ 101. Категория залога	162
§ 102. Категория залога в атрибутивных формах глагола	164
§ 103. Средства выражения залогов	166
§ 104. Выражение залога в причастиях	167
§ 105. Категория наклонения	168
§ 106. Специфика морфологического выражения категории	
наклонения	170
§ 107. Частные (контекстные) значения наклонений.	
Повелительное наклонение	
Сослагательное наклонение	172
Изъявительное наклонение	174
§ 108. Категория времени	174
§ 109. Образование форм времени	175
§ 110. Типы употребления форм времени	176

§ 111. Категория времени в полных причастиях и в деепричастиях	180
§ 112. Категория лица	181
§ 113. Контекстные (синтаксические) значения форм лица	182
§ 114. Безличные глаголы	184
§ 115. Категории рода и числа в глаголе	185
§ 116. Категории падежа и полноты / краткости у причастий	186
§ 117. Особенности глагольного формообразования	187
§ 118. Классы глаголов	188
§ 119. Первое и второе спряжение глаголов	191
§ 120. Образование причастий	193
§ 121. Образование деепричастий	195
§ 122. Аналитические явления в самостоятельных частях речи	196
Модальные слова	
§ 123. Морфологический, синтаксический и семантический признаки модальных слов	198
§ 124. Лексико-семантические разряды модальных слов	201
Предлоги	
§ 125. Предлог как часть речи	203
Структурные типы предлогов	206
§ 126. Первообразные предлоги	206
§ 127. Основные значения, выражаемые первообразными предлогами	207
§ 128. Непервообразные (производные) предлоги	208
§ 129. Сочетание производных предлогов с падежами	209
§ 130. Сопоставительная характеристика первообразных и производных предлогов	209
§ 131. Место, занимаемое предлогом по отношению к существительному	211
Союзы	
§ 132. Общая характеристика союза как части речи	213
§ 133. Типы союзов по структуре	214
§ 134. Сочинительные и подчинительные союзы	215
§ 135. Подчинительные союзы	218
§ 136. Союзные слова	219
§ 137. Продуктивные явления в сфере союзной лексики	220
Частицы	
§ 138. Общая характеристика частиц как части речи	222
§ 139. Соотносительность частиц с другими частями речи	223
§ 140. Разряды частиц по значению	224
§ 141. Типы частиц по структуре	226
§ 142. Синкретизм как специфическое свойство частиц	227
Междометия	
§ 143. Междометие как часть речи	229
§ 144. Границы междометия как части речи	231
§ 145. Разряды междометий по значению	233
§ 146. Типы междометий по структуре	234
§ 147. Звукоподражания	235